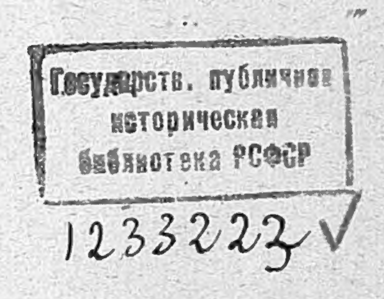
Библиографическое описание этого издания помещено в „Літописі Українського Друку“, „Карточном Репертуаре“ и др. указателях Украинской Книжной Палаты

Напеч. во 2-й тип. „ДВОУ УПП“
Харьков, Пушкинская ул., 40.
Тир. 10.000 — 5 печ. л.
Укрлит № 6479/П
Зак № 156

Корректор *Л. Черненко*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В переживаемый период коренной перестройки сельского хозяйства на социалистический лад, перестройки, обеспечивающей окончательное уничтожение возможности эксплоатации трудящихся со стороны капитала, своевременно, как никогда, взглянуть на прошлое борьбы эксплоатируемого крестьянства с эксплоататорами-помещиками, проанализировать ход этой борьбы, выяснить причины неуспеха ее и т. п., с тем, чтобы на основе горького опыта прошлого решительнее, энергичнее взяться за переделку настоящего.

Это тем более нужно, что именно в переживаемый период международные и внутренние силы контр-революции в своей ставке на уничтожение республики Советов рассчитывают иметь в руках козырь в лице крестьянства, рассчитывают поднять крестьянство против рабочего класса. Теперь уже можно определенно утверждать, что затея контр-революции взорвать диктатуру пролетариата изнутри — бита вследствие правильной политики нашего пролетарского государства и пролетарской партии.Но восприятие этой политики, обеспечение условий ее проведения обусловлено в частности громаднейшим историческим опытом борьбы эксплоатируемых против эксплоататоров, борьбы, которая, после многочисленных поражений, привела к победе в Октябре. Пугачевщина является одной из блестящих страниц этого горького опыта.

Характерно, что как раз те, кто сейчас пробует заигрывать с крестьянством — идеологи буржуазии и мел-

кой буржуазии (Милюков, меньшевики и т. д.)—умели не замечать борьбы крестьянства с помещиками, умели не придавать этой борьбе серьезного значения. Впрочем, они выполняли этим заказ своего класса, который ценой измены революционным массам, ценой предательства их обеспечивал себе возможность безмятежного их эксплоатирования под крылышком самодержавия. Эта измена довольно ярко выступает уже в пугачевщине — начиная от открыто борющихся с революцией купцов Хлебниковых и кончая зажиточным казаком и крестьянином, которые при первых же поражениях революции спасали себя ценой ухода из революционного стана, ценой предательства революции. Совсем другую линию вел тогдашний пролетарий — уральский и волжский рабочий; они не только помогали организовывать крестьянские массы, но и были наиболее стойкими и решительными борцами против помещичьего государства. Рабочий уже тогда до конца отстаивает интересы эксплоатируемых, несмотря на предательство буржуазии и тогдашних кулаков.

Крестьянство всеми силами боролось против помещичьей эксплоатации, но разрозненное, забитое, оно не смогло сбросить помещиков. Ему пришлось ждать целые столетия, покамест выросший рабочий класс сумел, опираясь на крестьянство, прогнать и помещиков и капиталистов, с тем, чтобы построить общество без эксплоатации. Пугачевщина является яркой страницей борьбы крестьянства, но в то же время ярким доказательством его неспособности без рабочего класса избавиться от эксплоатации.

Проблема крестьянских движений имеет также огромное значение для колониальних стран — там, правда, обстановка борьбы будет иная, чем это было в докапиталистической России, но тем более необходимо учесть силы крестьянского движения, формы борьбы, роль пролетарских и буржуазных элементов в движении, уроки движения, его достижения и недостатки.

Актуальность пугачевщины с этой точки зрения очевидна.

Мы ни в коем случае не можем считать настоящую работу исчерпывающей—это только наметка, только попытка подойти к движению, рассмотреть его, как проявление общего кризиса системы, как революцию.

Одно замечание относительно термина „крестьянская революция". Научно сам по себе он не выдерживает критики — или это вид буржуазной революции, или это не революция. Автор целиком стоит на точке зрения, что это вид буржуазной революции, но такой, которая происходит в период, когда капитализм только проходит свои низшие ступени. Характеристика революционной борьбы этого периода как „крестьянской революции" поэтому нам кажется более соответствующей действительному соотношению классовых сил.

И, наконец, справка — работа впервые появилась как доклад в семинаре первого курса исторического отделения ИКП, которым руководил покойный А. Е. Пресняков. С тех пор прошло уже два года. За это время кое-что было передумано, были немалые споры, беседы и т. п., и если сейчас работа появляется в свет как нечто законченное, то, помимо автора, в этом имеется доля участия как товарищей по семинару, так и тов. С. А. Пионтковского. С товарищеской благодарностью отмечаю я эту невидимую, но существенную помощь.

Автор.

Введение.

В марксистской литературе твердо установился взгляд на крепостную систему хозяйства как на хозяйство, в основе своей натуральное. Базирующаяся на присвоении труда или продукта труда крепостного крестьянина, эта система предполагает, с одной стороны, некоторый минимум устойчивости крестьянского хозяйства, сохранение этого полуразоренного хозяйства на уровне самостоятельного существования, как средство обеспечения воспроизводства рабочей силы для помещика, а с другой — внеэкономическое принуждение, начиная от права взимания оброка до вмешательства в личную жизнь крестьянина, как средство обеспечения эксплоатации самостоятельного производителя помещиком. Слабое развитие общественных связей, застойность в развитии техники являются необходимым условием и прямым следствием крепостной системы. Все этих отмеченных выше черт нельзя понять ни самое существование, ни длительность сохранения феодальных основ эксплоатации.

Развитие товарно-денежных отношений, втягивание в систему этих отношений как помещика — по линии реализации на рынке прибавочного продукта, — так и эксплоатируемого помещиком крестьянина и порождаемые этим тенденции, — со стороны помещика к изъятию у крестьян не только прибавочного, но и необходимого продукта, а со стороны крестьянского хозяйства к превращению крепостного производителя в товаропроизводителя с неизбежным спутником такого

превращения—разорением одних и накоплением богатства в руках других—означают уже подрыв основной экономической базы крепостной системы, означают ее кризис.

Вызываемое развитием общественного разделения труда и ростом товарных отношений разрушение натуральных основ крепостной системы не сопровождается, однако, соответствующими изменениями в производственных отношениях, в основах эксплоатации крестьянина помещиком. Последний прилагает все усилия, действуя также и через государственный аппарат, к сохранению в нарождающихся новых условиях своих феодальных прав эксплоатации. Отсюда кризис натуральных основ экономики, их разрушение неизбежно принимает форму кризиса всей системы, форму противоречий между развившимися производительными силами и старыми феодальными производственными отношениями, отсюда — социальная революция.

Своего наиболее яркого выражения, наиболее острой формы эти противоречия достигают в период, когда на базе разрушающегося натурального хозяйства возникают основы крупного капиталистического производства, капиталистической эксплоатации,—тогда бьет последний час существования феодального общества, которое сменяется обществом капиталистическим. Это есть уже период буржуазной революции.

Но поскольку процесс созревания капитализма под оболочкой феодализма есть чрезвычайно длительный процесс, поскольку разрушение натуральной экономики принимает в своей первой стадии форму выделения товаропроизводителя, постольку, с одной стороны, эти противоречия раскрываются гораздо раньше буржуазной революции, а с другой — их революционное разрешение берет на себя класс феодального общества — крестьянство. Как сами противоречия, вызванные ростом товарных отношений в этот предшествующий ка-

питализму период, не есть противоречия между феодализмом и капитализмом, в полном смысле, так и революционные попытки их разрешения не есть еще буржуазная революция. И обратно: как само развитие товарных отношений, выделение товаропроизводителя есть только основа, предпосылка вызревания капитализма, так и крестьянские движения, крестьянские революции этого периода — только предшественники капитализма, предшественники буржуазной революции. Такова в общем и наиболее чистом виде постановка вопроса о кризисе и его революционном разрешении.

В конкретно-историческом развитии мы имеем множество особенностей, множество вариаций этого процесса, но суть его в основном везде одна и та же: стоит вспомнить французскую жакерию, восстание Уотта Тайлера в Англии, крестьянскую войну в Германии, эпоху крестьянских революций в России и т. д. и т. п. — везде эти революции предшествовали развитию капитализма, все они оставались крестьянскими революциями.

Особенность России в данном случае заключается только в том, что она пережила не одну, а целых три волны крестьянских революций — так называемую смуту, разинщину и пугачевщину. Особенность эта вызвана своеобразием экономического развития России, наличием условий, обеспечивавших существование и сохранение в ней в течение наиболее длительного периода основ феодальной эксплоатации, и не только не ослабляет, но наиболее ярко подчеркивает выставленное выше положение о предпосылках и характере революционного движения. Ленин дал ясный ответ на вопрос о том, где нужно искать корень, основу медленности процесса разложения крепостной системы. Анализируя развитие пореформенного капитализма, Ленин писал, что „развитие капитализма вглубь в старой издавна заселенной территории задерживается вследствие колонизации окраин... Воз-

можность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия" (между передовой промышленностью и отсталой средневековой формой земледелия — *С. С.*).[1] Стоит применить это положение Ленина к крепостничеству, и мы поймем задержку разрушения натурального хозяйства в центре России благодаря дополнительным источникам сохранения и воспроизводства, которые эта система получала в колониях. Не даром после смуты широко развивается земледельческая колонизация на юг и восток, после разинщины — земледельческая и промышленная колонизация на восток, после пугачевщины — широкое движение на крайний юг и ближний восток. В конечном счете колонизация не спасала положения, она только на время отсрочивала гибель существующей системы, подготовляя более сильные взрывы, что мы в действительности и наблюдаем в продолжение всей эпохи крестьянских революций.

Эти взрывы крестьянской революции, несмотря на громадные периоды, отделяющие их друг от друга, несмотря на своеобразие хода каждого из них, имели то общее, что в основном они были вызваны одними теми же причинами и направлялись против господства того же класса. Непосредственные последствия каждого из взрывов крестьянской революции, непосредственные формы сохранения господствующим классом своего могущества после поражения крестьянской революции были разные — после смуты развивается барщинное хозяйство, не только как источник удовлетворения натуральных потребностей феодала, но и как источник удовлетворения его потребностей через рынок; после разинщины мы имеем грандиозный опыт организации промышленности на крепостном труде;

[1] Ленин, собр. соч., т. III, изд. 1924 г., стр. 485 (примечание).

после пугачевщины к двум ранее существовавшим формам присоединилась третья — использование в интересах господствующего класса связей с капиталистическим Западом и дополнительная эксплоатация труда крепостных в кустарных промыслах и вольнонаемных мануфактурах. Но смысл этих последствий в общем один и тот же — сохранение старых феодальных основ эксплоатации в условиях разрушения старых экономических основ этой эксплоатации.

Приходится считать не выдерживающими никакой критики — и в методологическом, и в конкретно-историческом отношении — попытки анализа „крестьянских" революций вне общей системы кризиса феодализма, сведение этого кризиса только к определенному периоду времени (например, к пугачевщине — Дубровский), или к определенному сектору и даже территориальному сектору всей системы (колониальная революция — Томсинский), попытки рассмотрения классовой борьбы в эпоху крепостничества как борьбы двух видов торгового капитализма, двух типов первоначального накопления — монополистической и свободной эксплоатации — метрополии и колонии (Меерсон) и т. д. и т. п. [1]

Ленин, оценивая классовую борьбу крестьянства с помещиками в эпоху крепостного права, писал:

„В русской деревне всегда происходила и теперь происходит эта великая борьба, хотя не все видят ее, не все понимают значение ее. Когда было крепостное право, вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем

---

[1] См. Дубровский — „Об азиатском, феодальном и крепостническом способах производства"; ст. Меерсона („Вестник Ком. Академии", № 13, 1925); ст. Томсинского („Историк-марксист", № 6, 1927).

задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства... не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом (прямо так и говорил тогда митрополит Филарет!), крестьяне поднимались то здесь, то там, и правительство, наконец, уступило, боясь общего восстания всех крестьян" (подчеркнуто мною — *С. С*).[1]

Как видим, Ленин прямо и недвусмысленно увязывал воедино крестьянскую борьбу в весь период крепостничества, рассматривая ее как борьбу против всей системы, прямым образом связывая борьбу крестьян в крепостную эпоху с реформой, а двумя строками ниже — и с революцией 1905 г.

Одновременно с этим Ленин подчеркнул одну особенность крестьянских движений крепостной эпохи — это то, что крестьяне не могли, не имели сил объединиться в национальном масштабе, что без городских рабочих, без этого цементирующего и руководящего элемента крестьяне в силу своей забитости, темноты, производственной разрозненности могли напугать господствующий класс, но не могли сбросить его господства. И это основное положение является исходным пунктом при анализе как причин поражения крестьянского восстания, так и размаха, хода, форм движения, его программ и т. д. и т. п. Чем сильнее развит пролетарский элемент, а в крепостную эпоху — предпролетарский (холоп, крепостной рабочий), чем в большей мере сохранилось не знающее крепостной забитости свободное крестьянство (у нас главным образом казаки), не потерявшее физиономии трудящегося, — тем сильнее способность крестьянства к объединенным, организованным действиям и наоборот.

[1] Ленин, собр. соч., т. IX, изд. 1925 г., стр. 353.

Крестьяне, организуемые не включенными в сферу феодальной эксплоатации или вышедшими из нее элементами, поднимались до высшей формы борьбы — крестьянской войны, и если тем не менее они терпели поражения, то причин этого нужно искать не в реакционности крестьянского движения, не в том, что противоречия развивались в каком-либо одном секторе крепостной системы, не в совпадении интересов крестьянства с интересами помещиков, а в том, что, до появления самостоятельного пролетарского движения, сил, могущих организованными действиями разбить и добить феодальную систему, было явно недостаточно.

Сказанное целиком относится к крестьянской революции XVIII века — пугачевщине.

I. Социально-экономические предпосылки пугачевщины.

А. Кризис натуральных основ крепостничества.

Один из сторонников взгляда на пугачевщину, как на местные, локальные восстания крестьян, воюя с сторонниками взгляда на нее, как на революцию, спрашивал: „Если без революции дальнейшее развитие России было невозможно, то почему после разгрома пугачевщины не начался упадок страны?“ и отвечал: „После пугачевщины до крестьянской реформы прошло 88 лет. За это время с постепенной последовательностью развивались те же экономические процессы, которые начались задолго до пугачевщины“.[1] Автор в данном случае напрасно полагает, что этим своим положением он опроверг взгляд на пугачевщину, как на проявление кризиса всей системы, как на революцию.

[1] Томсинский — „О характере пугачевщины“ („Историк-марксист“, № 6, 1927).

Напротив, он доказал прямо обратное и в общем доказал довольно правильно.

В самом деле, если после пугачевщины экономика России не топталась на месте, если не было по выражению автора, „упадка страны“, то только потому, что развитие экономики шло в таком направлении, что во второй половине XIX века Россия из страны крепостнической превратилась в страну капиталистическую. Не будь этого, автор имел бы возможность — мы утверждаем это с полным основанием, — своим собственным „историческим“ взглядом увидеть именно застой экономики, именно топтание на месте старой феодальной или, лучше, крепостнической экономики. И если она все же не топталась на месте, а развивалась, то только потому, что само это развитие было совсем другого рода, — это было развитие, которое, хотя и через продолжительный период, но все же в итоге дало капитализм. Слов нет, срок в 88 лет довольно большой, но если вспомним, что уже с тридцатых годов XIX столетия факты дают нам возможность прощупать интенсивно развивающийся процесс промышленного переворота — внедрение машин в наши мануфактуры, если вспомним, что уже с 1795 г. капиталистические мануфактуристы, имея полную возможность организации производства на основе вольнонаемного труда, фактически отказались от предоставленного им права покупать к фабрикам деревни крепостных крестьян, если вспомним, наконец, что право заниматься промыслом, заводить станы и беспрепятственно торговать было предоставлено крестьянам в 1775 г. то увидим, что уже до 1861 г. в России появились капиталистические тенденции в экономике. Срок, следовательно, совсем уж не такой длинный и аргументом служить не может. А ведь отмеченные даты — 1775, 1795, 1820 и тридцатые годы — не что иное, как даты неуклонного, непрерывающегося шествия капитализма в его трех стадиях — от мелкого производства через

мануфактуру к крупной фабрике. Автор, стремясь во что бы то ни стало „опровергнуть“, этот основной процесс упустил, упустил в частности потому, что вольно или невольно поддался на удочку той, к счастью уже отжившей или, во всяком случае, отживающей школы, по взглядам которой до реформы 1861 г. в России было „темное“ время крепостничества, а после „светлая“ эпоха капиталистического прогресса. Сторонникам этой точки зрения и невдомек, что этот так воспеваемый ими „прогресс“ был налицо уже задолго до реформы, а презираемое „темное“ крепостничество, увы, несмотря на революцию 1905 г. в своих остатках дожило до октября 1917 г.

Правильно и второе положение автора,—что процессы эти развивались и до пугачевщины,—с той только разве поправкой, что со стороны господствующего класса были сделаны две чрезвычайно важные попытки взнуздать этот процесс: сначала в форме организации вотчинного хозяйства XVII в. (стоит вспомнить только морозовские вотчины и продолжение их практики в приказе тайных дел), а затем, в первой четверти XVIII в., в форме организации крепостных мануфактур петровской эпохи; более мелкие попытки регулирования этого процесса путем неоднократного запрещения крестьянского торга заполняют собой всю вторую половину XVII и первую половину XVIII в.

Но если бы указанные экономические процессы не имели места до Пугачевщины, немыслимо было бы развитие их после пугачевщины, не говоря уже о самой пугачевщине. Если после поражения смуты можно было итти к вотчинному хозяйству XVII в., если после поражения разинщины можно было ограничиться петровскими мануфактурами, то после поражения пугачевщины путь оставался один — итти к „реформе“. Иначе не могло быть как в силу достигнутого уровня международного разделения труда и, в частности, уровня развития передовых европейских

стран, так и в силу развития товарноденежных отношений внутри самой России.

Лучшим показателем достигнутой к тому времени ступени общественного разделения труда в международном масштабе может служить Англия. Во второй половине XVIII в. Англия не только была могущественнейшей океанской торговой страной, не только обслуживала мировое общественное разделение труда, но, что особенно важно, внутри нее самой, в английской промышленности мануфактурное техническое разделение труда достигло такой степени, что явилась возможность заменить детального рабочего с его детальным инструментом — машиной. С шестидесятых годов XVIII века в главнейшей отрасли английской промышленности — текстильной — начинают применяться изобретения, охватившие процессы текстильного и ткацкого производства; эти изобретения, дополненные в 1785 г. усовершенствованным паровым двигателем Уатта, явились базой для развития крупного производства.

Изобретение машин — чрезвычайно важный фактор в развитии современного общества. Уже один факт превращения Англии из торговой страны в страну промышленно-торговую не мог не отразиться по крайней мере на тех странах, которые так или иначе уже были втянуты в оборот мировой торговли.

Россия в рассматриваемую эпоху была далека от того, чтобы общественное разделение труда внутри страны привело к промышленному перевороту. Но о том, что в ней интенсивно развивались процессы разрешения натуральных основ экономики, говорят хотя бы такие факты, как крах принципа монополии в области торговли и промышленности, нашедший свое выражение в уничтоженни откупов и в указе 1775 г. о свободном для всех занятии торговлей и промыслами, снятие феодальных рогаток для развития торговли путем уничтожения в 1753 году внутренних таможен и, наконец, такой факт, как зовоевание третьего моря — Черного,

который нельзя понять не принимая во внимание растущей связи России с международным рынком вообще и в частности ярко выраженного перелома в развитии вывоза хлеба. Несмотря на то, что одни из этих мероприятий были проведены до пугачевщины, другие после, несмотря на их различное значение для отдельных отраслей хозяйства, все эти факты являлись проявлением одних и тех же материальных процессов разложения, происходивших в экономике страны.

По линии внешней торговли эти изменения нашли свое выражение в чрезвычайно быстром росте ее в течение трех десятилетий, предшествовавших пугачевщине, как об этом свидетельствуют следующие цифры (в тысячах рублей):

Годы	Вывоз	Ввоз	Баланс
1749[1]	6.89 ,7	5.710,7	+ 1.185,0
1759[2]	9.601,8	8.601,8	+ 1.000,0
1769	14.397,0	11.539,0	+ 2 358,0
1773	18.141,6	13.571,4	+ 4,550,2

Как видим, торговля за 25 лет выросла почти в три раза. В самом характере основных статей ввоза и вывоза, как это видно из нижеследующей таблицы, коренных изменений не произошло. Основной статьей русского экспорта продолжало оставаться сырье и полуфабрикаты (лен, пенька, пряжа, продукты животноводства, лесоводства и т. д.), а также изделия льняные, пеньковые и из продуктов животноводства. Основными статьями ввоза являлись изделия (главным образом сукна и др. текстильные товары) и жизненные припасы (главным образом напитки).

[1] Семенов — „Опыт изучение исторических сведений о развитии российской торговли и промышленности", ч. III, стр. 27-28 (данные относятся только к европейской торговле).

[2] Чулков — „Историческое описание российской коммерции", т. VII, кн. I (примечание).

Состав ввоза и вывоза по европейской границе.
(в тыс. рублей)[1]

	Вывоз		Ввоз	
	1749 г.	1768 г.	1749 г.	1768 г.
Жизненные припасы . . .	42,2	607,0	1.878,5	3.730,2
Товары для рукоделия служащие (сырье, полуфабрикат)	4.230,1	7.806,4	1.097,5	1.729,7
Изделия	1.852,1	2.430,1	2.244,0	4.275,3
Мягкая рухлядь и разные товары	770,2	1.105,3	622,3	393,6

Что касается специальных статей вывоза, то здесь приходится обратить внимание только на появление совершенно новой статьи регулярного экспорта — хлеба, и довольно быстрый рост вывоза железа. Рост этот виден из следующих цифр:

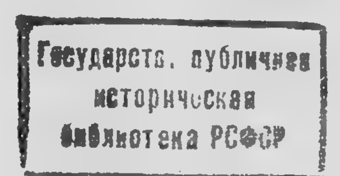
Вывоз хлеба

Годы	Тыс. четв.	Тыс. руб.	В проц. к 1760 г.
1758 — 1760 . . .	71	99	100[2]
1771	768,4	2.163,8	2.185[3]
1772	1.160,4	3.416,9	3.451

Вывоз железа.

Годы	Тыс. пуд.	Тыс. руб.	В проц. к 1749 г.
1749	546	341	100[4]
1758 — 1760 . . .	823	544	160
1769	2.442	1.739	509

[1] Семенов, указ. соч., ч. III, стр. 27-28.
[2] Меерсон, „Вестник Ком. Академии", № 13, 1925.
[3] Чулков, указ. соч., т. VII, кн. 1.
[4] Меерсон, „Вестник Ком. Академии", № 13.

Причины такого быстрого роста вывоза хлеба и железа понятны: индустриализирующаяся Англия требовала, с одной стороны, хлеба для быстро растущих промышленных центров, а с другой—металла для машиностроения.

Однако, для самой России значение экспорта того и другого было далеко не одинаково. В то время как быстро растущий со второй половины XVIII в. хлебный вывоз явился, без сомнения, одной из главнейших причин сохранения и устойчивости могущества командующего в сельском хозяйстве класса дворянства, вывоз металлов был явлением временным. Рутинная техника крепостного труда могла только временно, вследствие дешевизны производства (в силу дешевого труда, высокого качества уральской руды, богатых массивов древесного топлива), конкурировать с свободной и, конечно, более высокой ручной техникой Запада. С изобретением машин русская металлургия оказалась не только отсталой — такой она была и в рассматриваемое время, — но и ненужной для капитализма. Впрочем, все эти явления раскрылись до конца только после поражения революции. Покамест же из данных о росте торговли с Западом мы, без сомнения, можем сделать вывод о довольно бурном процессе втягивания России в систему международных товарных отношений.

О состоянии внутренней торговли более или менее исчерпывающих данных нет. Но рост ее, без сомнения, был еще более бурным и размах еще более широким, в сравнении с внешней, ибо внутренняя торговля должна были, во-первых, продвинуть через всю страну на десятки миллионов рублей экспортных и импортных товаров, а, во-вторых, она должна была обслужить внутренний процесс общественного разделения труда.

Главной, преобладающей формой торговли в рассматриваемую эпоху были ярмарки, устраиваемые в

тех или иных узловых пунктах района или страны: одни из них устраивались раз в год, другие несколько раз в неделю. На этих торговых съездах-ярмарках встречались, с одной стороны, более или менее крупные представители денежного и товарно-торгового капитала, а с другой — непосредственные продавцы товаров и покупатели их для собственных нужд. Поэтому сведения о росте ярмарок и о развитии их сети могут отчасти восполнить недостаток непосредственных цифровых данных о размерах внутренней торговли.

Согласно данным Меерсона, число ярмарок в России (без Сибири, Украины и Белоруссии) за период с сороковых до середины семидесятых годов выросло с 24 до 789.[1] Всего по тогдашней России мы насчитывали 1 536 годовых ярмарок и 95 еженедельных. Помимо цифр, о темпе роста говорит тот факт, что правительство в 1745 г. было вынуждено снять запрещение крестьянского торга.[2]

Разделив все ярмарки на сроковые (один раз в год) и недельные (один раз в неделю), а также распределив их по сельским, монастырским и церковным и городским пунктам, мы получаем следующую таблицу:[3]

Категории центров	Центров ярмарочной торговли	В них ярмарок сроковых	Недельных
Сельские (деревни, села, погосты, слободы крепости, устья рек, местечки и т. д.)	519	1.015	55
Монастыри и церкви или явно связянные с ними	46	76	—
Городские	221	445	40
Всего	786	1536	95

[1] Меерсон, „Вестник Ком. Академии", № 13.

[2] Семенов, указ. соч., ч. I, стр. 130.

[3] Подсчитано про Чулкову („Историческое описание российской коммерции" т. VI, кн. IV., стр. 179—323).

Таблица эта является неполной, так как и в нее вошли только поименованные самостоятельные пункты и ярмарки при них. На самом деле, как это видно из сообщения самого Чулкова, вне поля его обзора осталось довольно значительное число пунктов и ярмарок. Так, например, в отношении сельских центров Сибири автор ограничивается простым указанием, что „в оной почти каждой слободе и большом селе бывает ярмарка в храмовой праздник";[1] то же в отношении города Кузнецка, Саратовской губ. — у Чулкова имеется только указание, что в шести селениях вокруг него на расстоянии 10—30 верст происходят торги с такой расстановкой дней, что в общем получается недельный круг,[2] и т. д... Но и без этих дополнений картина получается довольно внушительная: 786 центров с 1.536 сроковыми и 95 недельными ярмарками — это был уже довольно сильный прорыв в натуральной экономике крепостничества. Конечно, в общее число ярмарок вошли как ярмарки, имеющие действительно международное значение, так и ярмарки чисто местного сельского значения, но все же обращает на себя внимание огромнейшее преобладание сельских центров и ярмарок над городскими, не говоря уже о монастырских (а ведь полтора века тому назад монастыри были главнейшими центрами сельской — и не только сельской — торговли), и довольно большое по сравнению с городами (55 против 40) количество сельских центров, где торговля производилась с перерывами в неделю и меньше.

Широко развившаяся ярмарочная торговля с ее стихийно установившейся внутренней регулярностью — недельные, сезонные и годовые круги ярмарок, — уже сама по себе являлась фактором громадного социально-экономического значения. Она разрывала узкие границы

[1] Чулков — „Историческое описание российской коммерции", т. VI кн. IV, стр. 146.

[2] Там же, стр. 102, 42, 54, 115, 145.

связи производителей, расширяя ее от пределов данного округа до общенациональных и даже международных пределов. На ряду с крестьянскими сермяжными сукнами и домотканными холстами на рынке обращались английские сукна, французские шелковые ткани и вообще заграничные (вспомните сохранившееся до сих пор в нашей деревне понятие „заграничный платок“) бумажные и набойчатые товары, на ряду с крестьянским хлебом — продукты иностранной промышленности.

По линии отношений внутри самой России через ярмарки связывались между собой самые отдаленные районы страны: Сибирь с Московской облатью, эта последняя с Украиной, азиатские народности с русскими и т. д. и т. п. В рассматриваемую эпоху наметилось уже общественное разделение труда между сельскохозяйственным югом, промышленносырьевым востоком и московским центром. На украинских ярмарках, как правило, видим приезжего из центра купца со всякими „красными“ товарами, скупающего хлеб и скот. На востоке существовали те же отношения, с той только разницей, что предметом продажи являлись шерсть, кожи, сало, меха, скот и т. д. И наоборот, в центре мы видим гораздо чаще купцов в качестве скупщиков кустарных изделий, продавцов хлеба и сырья.

Разрыв местной связи нашел свое выражение и в разрыве тех отношений в торговле, которые покоились на ней. Купеческие наказы в Екатерининскую комиссию полны воплей и жалоб купечества на крестьянство, которое продает и покупает товары оптом и в розницу помимо купечества, чем чинит купечеству „вредительное происшествие“, как писали шуяне, и „торгу помешательство“, как жаловались епифанцы. Наказы полны реакционных просьб о запрещении торга помимо купцов вообще, о запрещении торга в данном районе помимо купцов данного района, в частности. Погрязшему в

своих средневековых сословных привилегиях купечеству и в голову не приходило, что эти новые явления, разрушающие его монополию, зависят не от тех или иных указов, не от тех или иных запрещений или разрешений, а коренятся в самом производственном процессе, в разрыве натурально-замкнутого характера этого производства.

О том, насколько быстро шел этот процесс отдиференцирования промышленности от сельского хозяйства, говорит хотя бы тот факт, что в числе пунктов, знаменитых теми или иными продуктами, приведенных у Чулкова в разделе „О городах и продуктах“, мы имеем тридцать промышленных сел типа Лыскова Мурашкина и Павлова, Нижегородской губ., или типа села Иванова, Московской губ.[1] Эти села являлись представителями, центрами целых промышленных районов, охватывали своей деятельностью территориально 17 губерний, а по видам производства сосредоточивали в себе почти все основные отрасли промышленности, начиная от добычи и обработки металла и кончая такими „издревле“ существовавшими производствами, как добыча смолы, дегтя и т. д. Так, в селе Богородском, Симбирской губ., в Угличском, Весьегонском, Устюжско-Железнопольском уездах, по всей Белоруссии крестьяне занимались добычей руды и выплавкой железа в ручных печах.

На обработке металла, помимо районов его добычи, специализировались Нарская слобода, Ярославской губ., село Павлово, Нижегородской губ., и ряд других сел, где мы встречаем развитой кузнечный промысел. Крупнейшими представителями текстильных районов были село Иваново, Московской губ., Лысково, Нижегородской губ., ряд сел Тверской губ. и ряд сел Козельского уезда Калужской губ., Михайлова слобода, Белгородской губ., окрестные села Рыбной слободы, Ярослав-

---

[1] Чулков, указ. соч., том VI, кн. IV, стр. 179—323.

ской губ., Лысково, Мурашкино и др. пригородные села Нижегородской губ. отличались развитием промышленности, связанной с переработкой продуктов животноводства: кожевенные, салотопенные, мыловаренные и т. п. заводы. В селах Арат, Пензенской губ., Красное село тогдашней Петербургской губ., развивалось горшечное производство, и т. д. и т. п.

На ряду с довольно быстрым распространением, характерной чертой развития промыслов является сильнейшая конкуренция промышленников сельских центров с городскими. Яркую картину взаимоотношений города с деревней и в то же время наиболее яркое подтверждение этого взгляда дает Чулков. „Кто бывал,— пишет он,— в отдаленных городах, знает, что купец вместе и пахарь... Рукомесленный отнимет хлеб у купца, пахарь занимает место рукомесленника, живущие в деревнях дешевле содержать себя могут... по мере дешевизны содержания продает и сделанные им товары, и так городской рукодельный принужден бывает употребить в своей работе скорость, дабы униженную цену — деревенских рукодельных наградить поспешностью" (подчеркнуто мною — *С. С.*)" [1]. Напрасно только автор уделил так много внимания дешевизне содержания. Дело заключалось вовсе не в ней, а именно в поспешности работы, повышенной производительности деревенских ремесленников, как прямом следствии разложения натурального крестьянского хозяйства и конкурентной борьбы. Здесь именно корень того, что ремесло так быстро росло в деревне, что деревенский ремесленник, деревенский купец успешно конкурировал с городским.

Разрушение экономической мощи средневекового города, разрушение устойчивости натуральной экономики деревни проявлялись в разрыве старых отношений и создании новых отношений эксплоатации. По-

---

[1] Чулков, указ. соч., т. VI, кн. IV, стр. 252.

явление фигуры деревенского купца, скупщика, мануфактуриста-предпринимателя, с одной стороны, и фигуры наемного рабочего как в области промыслов, промышленности, так и в области обслуживания торговли, быстрый рост той и другой являлись прямым социальным выражением этого процесса. „В Кашинском уезде встречаем крестьян, которые отъезжают в Нижний для покупки хлебных товаров и отвозят их к Санкт-Петербургскому порту, среди них имеются и такие, которые имеют товара до 50.000 рублей.[1] Крестьяне Козельского уезда скупали и переделывали на своих трепальнях для дальнейшей продажи пеньку, количеством по несколько тысяч.[2] Купечество Ярославля, Нарской слободы, отмечают явления скупки крестьянами „гвоздей, холстов, кожи, сала и др. товаров, отправляя их большими судами и барочными перевозами".[3] Нижегородское купечество в своем наказе отмечает, что крестьяне пригородных сел, за неимением пахотной земли, занимаются исключительно торговлей и промыслами, и некоторые из них имеют капиталы до 20 и более тысяч рублей. Мы не будем останавливаться на дальнейших примерах роста и распространения явлений торгового капитализма среди крестьянства. Явления эти были естественны и являлись прямым порождением торговых связей в условиях мелкого производства, а потому они и были распространены столь же широко, как само ремесло, как сама торговля.

Менее заметным, но все же легко прощупываемым был второй процесс, процесс превращения скупщика в фабриканта. В своих первоначальных, наименее ярких формах он выступает как побочный вид торговли, как ее видоизмененная форма. В Козельском уезде скупщик, прежде чем продать пеньку, подвергал ее „трепанию",

---

[1] Сборн. РИО, т. 93, стр. 463 и след.
[2] Там же, стр. 319.
[3] Там же, стр. 300.

в Устюжско-Железнопольском уезде купцы поставляли ремесленникам железо, давая вперед деньги за выработанные изделия.[1] Более высоким типом является довольно распространенный вид промышленности по простой переработке сырья. Для рассматриваемого времени сюда относятся крупяные, солодоваренные, маслобойные, кожевенные, салотопенные и прочие подобного типа заводы[2] крестьян Муромского, Ярославского, Казанского, Солигаличского и др. уездов. Здесь промышленник еще не отделился от купца, его промышленная деятельность являлась только одним из моментов его торговой деятельности как купца.

И уж совсем высоким типом, мануфактурным типом приходится признать такие виды производства, которые связаны были с разделением труда внутри производственного процесса. Из данной категории особенно обращают на себя внимание явления, происходившие в текстильной промышленности,— качестве набойке и прядении. В рассматриваемый период, текстильная промышленность в основном еще не вышла из стадии ремесленно-кустарного производства, но такие факты, как организация прядильных фабрик в селах, лежащих вблизи теперешнего Рыбинска, в пригородных селах Нижегородского уезда, как наличие в Иванове двух полотняных фабрик, из коих фабрика Ефима Грачева насчитывала 112 станов; организация в том же Иванове ситценабивного производства Соковых и наконец, такие данные, как сообщение Чулкова, что в селе Городце Нижегородского уезда, в доме крестьянина Маркова Кондратия набиваются разными красками холсты,[3] говорят о том, что развитие ремесла уже сделало

---

[1] Сборн. РИО, т. 107, стр. 439.

[2] Там же, стр. 86, 133, 172, 538, 588.

[3] Сборн. РИО, т. 107, стр. 133 и след.; Меерсон („Вестник Ком. Академии" № 13, стр. 76); Гарелин — „Город Иванова-Вознесенск"; Чулков, указ. соч., т. VI, кн. IV, стр. 81.

к этому времени значительные шаги по линии превращения ремесленного предприятия в мануфактурное.

Наличие отмеченных выше трех форм связи торговли с промышленностью знаменовало собою и наличие соответствующих ступеней связи непосредственного производителя с средствами производства, соответствующих ступеней в формах его эксплоатации. Если скупщик эксплоатировал непосредственно производителя промышленных сельскохозяйственных продуктов, то поставщик, раздатчик сырья эксплоатировал уже полусамостоятельного производителя, фактически наемного рабочего, сохранившего видимость своей самостоятельности, а мануфактурист-предприниматель основывал свое производство на эксплоатации уже лишенного средств производства мануфактурного пролетария. Как видим, последним заключительным моментом в этом чрезвычайно сложном и взаимно переплетающемся процессе нарастания новых отношений эксплоатации было создание армии пролетариата.

Насколько была велика эта армия, говорят, помимо приведенных, следующие факты. По сообщению Чулкова работных людей на судах и рыболовов насчитывалось только на Волге до 1.000.000 человек.[1] В Лаишеве, Казанского уезда, даже ежегодно собиралась на срок более чем 3 недели (с 6 мая по 1 июня) специальная ярмарка для приезжающих работных людей.[2] В одном из крупнейших промышленных центров того времени, Ярославле, по данным, относящимся к 1772 г., на вольнонаемном труде организованы были следующие виды производства:[3]

---

[1] Чулков, указ. соч., т. I, кн. II, стр. 95.

[2] Чулков, указ. соч., т. VI, кн. IV, стр. 104.

[3] Грязнов — „Большая Ярославская мануфактура“ (приложение).

Производство	Число предприятий	Производительность
Шелковое	10	383 стана
Кожевенное	39	122.000 шт.
Крупян. и солодоварен. . .	21	5 950 четв. и 3.450 пуд.
Маслобойное	10	4.250 „
Крахмальное	13	7.410 „
Свечное	13	1.420 „
Металич. (медь и др.) . . .	17	837 „
Химическое	6	2.823 „

Кроме того, вольнонаемный труд применялся в ряде других, менее значительных отраслей производства. А ведь кроме Ярославля у нас существовало еще 43 городских центра, отмеченных в списке Чулкова, и до 40 сел, где имелись разнообразные фабрики и заводы. Всего для 1762 г. считают 984 фабрики.[1] Как велик должен был быть на этих фабриках процент вольнонаемных рабочих, показывает тот факт, что по подсчетам Семевского, из работавших на 272 фабриках в 1771 г. 55.000 рабочих 17.000 было вольнонаемных.[2] В горной и металлургической промышленности относительно 43 заводов, существовавших помимо Урала, по ведомости 1767 г. отмечаеся, что работа производилась главным образом вольнонаемными рабочими.[3] Среди уральских заводов имелись и такие, как Николае-Павдинский завод купца Походяшина, на котором работы „исправлялись вольными по пашпортам людьми"; на 19 уральских заводах работа выполнялась „собственными крепостными и вольными по найму людьми".[4] Прибавьте к этому растущее применение вольнонаемного труда в земледелии, особенно на окраи-

[1] Туган-Барановский — „Русская фабрика", стр. 72.

[2] Семевский, — „Крестьяне в царствование Екатерины II", т, 1, стр. 608.

[3] Чулков, указ. соч., т. VI, ч. II, стр. 552—554; 598—619.

[4] Там же, стр. 571—573, 578 и след.

нах, и перед вами во весь рост встанет картина разрыва базирующихся на натуральном производстве отношений эксплоатации, картина создания ее новых основ.

Торговля, развитие ремесла и вообще производство на рынок вместо производства только на помещика, возникновение новых основ эксплоатации — это была уже целая новая система, правда, еще не дозревшая окончательно, но и в незавершенном своем виде взрывавшая веками сложившиеся отношения. Она выводила производителя из его замкнутого местного круга, влекла за собой установление других, более широких форм связи, она поднимала на неизмеримо более высокую ступень непосредственное сознание производителя, толкала, и не могла не толкать его на осмысливания своего положения в обществе и т. д. и т. п. Характерны с этой точки зрения некоторые чисто бытовые черточки. Чулков, описывая ярмарки, счел необходимым отметить на основании личного опыта, своих наблюдений в своем сельце Коковине, лежавшем в 50 верстах от Москвы и в 17 верстах от Дмитрова: „за день, за два дня до ярмарочного дня бабы моют избы, убирают на дворах, а мужики варят пиво, бьют скотину, заготовляют большие обеды. С окольных сторон собираются гости и празднуют дня по три помещичьи крестьяне, а экономические, как неимеющие над собою присмотра, по неделе, по две беспросыпным образом пьют и едят.[1] Купечество в Екатерининской комисии жаловалось, что крестьяне своими торгами купцам „конфузию делают“, перебивают у них продавцов и покупателей, „многолюдством становясь на рынке линеями... сговорясь между собою, потаенным образом имеют свои лавки и амбары, своевольно называют себя купцами“[2] и т. д. и т. п. Засечные сторожа Лихвинского уезда в своем наказе просили, чтобы их „кнутом наказывать и протчими

[1] Чулков, т. VI, кн IV, стр. 92—93.
[2] Р. И. Б., т. 93, стор. 643—644.

гнусными звания... вовсе отменить...[1] Рабочие ярославской мануфактуры в числе более 3.000 человек 23 марта 1772 г. забастовали из-за того, что их перевели из Толчановской городской слободы в особые дома, выстроенные в поле, прекратив тем самым связь с городом, а в 1784 г. в распространяемом среди них подложном указе писали, „чтоб за работы настоящие цены давали, обид и налогов не чинили, старым и малым половинную плату платили и помимо коммерц-коллегии не судили“ [2].

Как видим, перед нами новые запросы, новые требования, новые бытовые отношения: крестьянин, стремящийся хотя бы в продолжение трех дней почувствовать себя человеком, почиститься, поесть, поговорить с такими же, как он, людьми и компенсировать себя за забитость и угнетение „свободой“, получаемой в опьянении; владеющий капиталом и конкурирующий с купцом-горожанином купец-крестьянин; добивающийся у дворянского правительства отмены рабского телесного наказания государственный крестьянин; борющийся, с одной стороны, за сохранение свободы вне работы и обеспечение гражданского отношения со стороны хозяев, а с другой — за создание человеческих условий для стариков и молодежи мануфактурный рабочий, предшественник современного пролетария, — таковы ступени этой лестницы новых отношений. Слов нет, новые формы здесь еще не развернуты, способы борьбы в большинстве еще уродливые—пьянство, околпачивание, просьба, подложный указ центрального правительства и т. д. и т. п. Но все же это были идущие на смену старого уклада новые, более прогрессивные отношения, несущие смерть разрушающимся старым.

Как видим, решительно по всем направлениям шел интенсивный процесс ломки старых и нарастания новых отношений. Эти последние, являясь огромнейшей раз-

[1] Р. И. Б., т. 115.

[2] Грязнов,— „Б. Ярославская мануфактура“, стр. 206—8, 543.

рушительной силой по отношению к старому, не вылились еще во вполне закоченные формы, развивающиеся со свойственной им внутренней закономерностью. Но даже при всей своей незавершенности они, именно в силу своего разрушающего влияния, поставили перед основными действующими силами — классами — тогдашнего общества вопрос об отношении к этим новым явлениям, вопрос, к ответу на который и сводится вся проблема пугачевщины.

Б. Дворянская политика сохранения старых основ эксплоатации в новых условиях.

Бурно развивающийся процесс разложения натуральных основ эксплоатации поставил перед господствующим классом тогдашнего общества и его исполнительным механизмом—государством—основной вопрос: как быть далее? какой путь развития обеспечит дальнейшее сохранение эксплоатации, дальнейшее сохранение классового могущества? Выражением именно этих вопросов, попыткой глубже пощупать положение и был созыв „знаменитой“ Екатерининской комиссии 1768 г.

Наиболее типичными путями сохранения мощи господствующего класса являлись английский и французский. Первый из них — путь превращения дворянства из класса феодального общества в класс капиталистического общества, производительный класс, посредством ограбления самостоятельных производителей и превращения их в свободных пролетариев. Стоит вспомнить только знаменитые „огороживания“, чтобы стала совершенно ясной экономическая и социальная сущность этого пути. Второй — французский — путь состоял в закреплении эксплоатации старых феодальных привилегий, торговле привилегиями в условиях почти полной изоляции от непосредственно производи-

тельной деятельности. По этому пути шло французское дворянство перед революцией 1789 г.

Наше дворянство не пошло ни по одному из этих путей. Развитие рынка и денежного хозяйства чрезвычайно расширило аппетиты этого класса; мечта быть и помещиком, и торговцем, и фабрикантом, и таким образом пожинать плоды общественного развития была так близка к осуществлению, что, казалось, дело только за соответствующим законодательством,— отсюда запрещение другим сословиям покупать крепостных, отсюда забота о свободе торговли и развитии промыслов, отсюда внешняя политика и т. п. и т. п. Развитие денежных отношений, торговой и промышленной деятельности предполагало и развитие соответствующего законодательства, обеспечивающего развертывание этой деятельности, нормирование отношений собственности между ее участниками, нормирование условий для сохранения и роста этой собственности и т. д. и т. п. Отсюда требования установления дворянского суда, давности дел, издания законов о вечной собственности на имения, о правах на наследство, о правах на крестьян и т. д. и т. п. Но развитие денежных отношений расширяло для представителей других сословий возможность проникать в среду дворянства, участвовать в дележе поступающей в распоряжение этого класса добычи, а, с другой стороны, расслоение внутри самого дворянства, начавшееся обеднение части его грозило размыванием этого „благородного“ сословия,— отсюда стремление закрепить, если можно так выразиться, личный состав этого сословия. С развитием экономики центр тяжести все больше и больше падал не на военный, а на мирный аппарат,— отсюда линия на сосредоточение этого аппарата в своих руках как в целях отстаивания дворянских интересов, так и для получения непосредственно материальных средств существования путем участия в управлении. Что касается центральной власти, то

даже ее феодально-чиновная структура того времени, с неизбежным при усложнении экономической и социальной обстановки нарастанием элементов бюрократии, приводит в ужас закоронелых представителей феодализма, толкает их к мысли о необходимости ограничения центральной власти, заставляет выбросить жалкий лозунг „самодержавие, а не самовластие“. [1]

Шкурные требования дворянства нашли впоследствии свое яркое отражение в так называемой „жалованной грамоте“. Если бы мы даже не знали о том, что эта „жалованная грамота“ составлена по наказам дворянства, что дворянство боролось за нее в комиссии 1767 г., то одного ее содержания было бы достаточно, чтобы сделать вывод о том, что обстановка уже не позволяла дворянству просто жить по-старому, что нужны были изменения, нужны были новые формы закрепления этих старых отношений. Много говорят и пишут о прогрессивности дворянства в век Екатерины, но эта прогрессивность на самом деле заключалось в том, чтобы закрепить на вечные времена, как писала жалованная грамота, ту монополию, наличие которой вызвало такое социальное явление, как пугачевщина. Дворянство видело, что дальше так жить нельзя, что для его существования нужны изменения, но программа этих изменений не выходила за пределы основ крепостнической системы.

Если мы от программных требований дворянства перейдем к самой его деятельности, то встретим здесь не менее, а еще более яркую картину. Прежде всего, дворянство чрезвычайно сильно расширило непосредственный источник своего существования — контингент крепостного крестьянства. Только при своем вступлении на престол Екатерина раздала помещикам 17.000 крестьян в крепость, положив начало той оргии раздач, которая продолжалась в течение всего ее царствования.

[1] О требованиях дворянства см. сборн. РИО. тт. IV, VIII, XXXII, XCIII. Из публицистических работ см. сочин. Щербатова. т. I.

Всего ею было роздано 400.000 душ мужского пола. На Украине крепостные отношения завершають цикл своего развития. Украинское казачество и крестьянство лишаются остатков свободы; в период с 1750 по 1783 г. они были переданы в полное распоряжение помещикам, с запрещением даже перехода от одного к другому. Число крепостных в 27 губерниях со времени третьей ревизии (1762—66 г.г.) до четвертой (1781—83 г.г.) увеличилось с 3.784,1 тысяч ревизских душ до 4.974,9 тыс., т.-е. выросло более, чем на 31%.[1]

Еще быстрее шел процесс расхищения земель и угодий. Здесь, помимо общей линии на изъятие земель и угодий крепостных крестьян для барского хозяйства, применялись все средства, начиная от узаконенного легального грабежа с разрешения правительства и кончая открытым индивидуальным грабежом. „Наезды помещиков друг на друга,—пишет Дубровин, были явлениями обыденными; они происходили в Орловской Тульской, Воронежской, Псковской и др. губерниях".[2] Больше всего от этих наездов и открытых грабежей страдали однодворцы, пахотные солдаты и государственные крестьяне.

Депутат Белгородской провинции в комиссии 1767 г. Маслов Андрей, заявлял, что „многие владельцы посылают своих крестьян к захватыванию чужих земель и выкашиванию севных покосов";[3] ростовские мелкопоместные дворяне жаловались, что архиерей отнял у них поместья и приписал к архиерейскому двору;[4] однодворцы Одоевского уезда сообщали, что часть земель они распродали, а оставшейся помещики завладели силой.[5] Пахотные солдаты города Пронска жаловались, что по межевым инструкциям немало земли

---

[1] Меерсон, „Вестник Ком. Академии", № 13, стр. 60.
[2] Дубровин—„Пугачев и его сообщники", т. 1, стр. 306.
[3] Сборник РИО, т. 32.
[4] Сборник РИО, т. 115.
[5] Там же.

отошло соседним помещикам: „смежны помещики приезжат силой для рубки леса, также хлеба и лугов"[1] граф Григорий Орлов у пахотных солдат Симбирского уезда отмежевал несколько десятин земли и леса и Черемшанский остров со всеми покосами.[2] Государственные крестьяне Симбирского уезда жаловались, что прапорщик Воейков, взяв с них 100 рублей, тем не менее, вместо размежевки леса с майоршей Дурнасовой „никакого удовольствия не учинил... до порубки леса не допустил".[3]

Наиболее заметны были эти явления на окраинах. Оренбургское дворянство в своем наказе просило из земель, приписанных к крепостям, „наделив по числу душ и по норме казаков, татар, новокрещен", остальное позволить покупать помещикам. Уфимское просили отдать „бортные угодия, рыбные промысла и проч. угодния" помещикам, мотивируя это тем, что башкиры все равно сдают их в оброк.[4] Саратовские казаки жаловались на притеснения со стороны дворян и просили „офицеров на их земли не допускать". Среди татарского населения помещики, скупая земли у новокрещен, в отношении оставшихся некрещеными татар „делали великие притеснения, с настоящих своих земель сбивали скот, бьют... сено косят, посевы, хлеб жнут и потравляют".[5]

Но все это меркнет перед теми грандиозными мероприятиями по захвату земель, которые проводились с ведома и разрешения правительства под видом скупки и „устроения" земель. В 1772 г. Юсупов приобрел на границе Яицкого войска участок земли в 500 десятин, его тетушка приобрела там же участок в 1500 десятин, но так как правительство, распродавая земли, учитывало

---

1 „Пугачевщина", т. II, № 5.
2 Там же.
3 Там же, № 4.
4 Сборн. РИО, т. 98, стр. 8 и след.
5 „Пугачевщина", т. II, № 1.

только удобную землю, в результате в распоряжении Юсуповых оказалась площадь в 120.000 десятин земли, в которую входил и залив Культук. Последний вплоть до 1820 года, несмотря на все протесты Яицкого войска, сдавался Юсуповым купцам в аренду за 40.000 руб.[1] По представленному Наплюевым в 1740 году проекту устроения башкир, правительство согласилось передать для раздачи за службу офицерству, а статским людям в продажу все земли, которые лежали к югу от линии Оренбург — Сакмарск — Казань. Начавшееся заселение сопровождалось покупкой участков по ту и другую сторону линии, размерами в двести-триста верст.[2]

Как видим, расширение сферы эксплоатации со стороны дворянства шло по разным направлениям, путем как мелких, так и грандиознейших грабежей, присвоения труда и средств производства непосредственных производителей, захватывая при этом почти все группы населения.

Выше мы дали общую картину экстенсивного расширения крепостничества. Перейдем теперь к явлениям, связанным с процессом интенсификации эксплоатации. Крепостные составляли в среднем 53% всех крестьян, из них барщинных 56% и оброчных 44%. По отдельным районам и губерниям те и другие распределялись довольно неравномерно. Если в губерниях черноземной полосы крепостные составляли от 40 до 70%, поднимаясь до 83 в отдельных губерниях, как например, Костромской, то на окраине они составляли от 21 (Уфимская) до 2% (Архангельская), и обратно, если барщинные в нечерноземной полосе составляли 45%, то в черноземной 74%.[3] Исследователи вопроса о крепостном хозяйстве единодушны в выводах, что в рассматриваемый период барщина принимает наиболее широкие

---

[1] Кашин — „300 лет накопления дома Юсуповых", „Труд в России", № 2-3, 1925.

[2] Сборн. РИО, т. 8.

[3] Семевский, указ. соч., т. I, стр. VII—XI.

размеры. „Наиболее обычной была трехдневная барщина для тяглых работников" — пишет Семевский, подводя итоги ответам на анкеты Вольно-экономического общества. „Но не все помещики, — продолжает он, — ею довольствовались, не следует забывать, что на вопросы Вольно-экономического общества отвечали прокуроры, обыкновенно сами бывшие помещики".[1] И если, тем не менее, даже сквозь такой помещичий фильтр проходили сообщения, что „в Алтырской провинции некоторые помещики, во время хорошей погоды, заставляют беспрестанно работать на себя", что у некоторых помещиков Тверской губ. крестьяне должны были работать на господской земле до окончания всей господской работы и только тогда уже могли заниматься выполнением своих работ, — а подобные сведения имеются и относительно других уездов и других имений, — то можно представить, насколько были распространены эти явления.

С точки зрения тенденции наиболее показательными являются, пожалуй, свидетельства Радищева. „Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенье не пропускаешь, да еще в самый жар?" — спрашивал он пашущего крестьянина. „В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз ходим на барщину"[2] — отвечал ему крестьянин. Можно смело утверждать, что эта тенденция — занять все время крестьянина за исключением праздников и ночей — находила настолько большую почву для своего осуществления, насколько велика была возможность перевести продукты барщинного труда в „прелестные ассигнации".

Как высоко ценили помещики безграничную свободу действий в области установления размеров барщины и оброка, показывает тот „рев", который вырвался у ораторов Екатерининской комиссии в ответ

---

[1] Семевский, указ. соч., т. I, стр. 63.
[2] Радищев, сочин., т. I, стр. 147.

на предложение депутата Коробьина определить размер платимой помещикам дани в виде произрастания или денег.

На ряду с земледельческой барщиной в „сей век“, когда дворянин хотел стать и фабрикантом, получила сильное развитие и промышленная барщина, работа крепостных на фабриках и заводах. По официальным данным, в 1773 г. из числа 328 фабрик дворянам принадлежало 66, при чем в то время, как выработка 305 фабрик равнялась 3.548 тыс. руб., выработка 57 дворянских фабрик равнялась 1041 тыс. руб.[1] Из 48 суконных фабрик дворянам принадлежало 24 с производительностью 410 тыс. руб.[2] Относительно развития полотняного производства имеются следующие сведения: вывоз полотна за границу в 1758-59 г.г. составлял 60.000 кусков в 1778-80 г. г.—183.000 кусков.[3] Из одной только Тверской губ. в 1797 г. вывозилось до 16.000.000 арш. полотна.[4] Развитие винокуренного производства характеризуется хотя бы тем, что в 1773 г. помещиками только для правительства было сдано более 2.000.000 ведер вина.[5]

Общее количество крепостных на дворянских фабриках, по подсчетам Семевского, для 1771 г., равнялось 36.400 чел., из них только на суконных фабриках было занято 3.267 чел.

Дворянство придавало огромное значение развитию фабрик. В 1762 г. оно добилось того, что купечеству были запрещены покупки к фабрикам крепостных деревень. В целях улучшения постановки дела на фабриках и заводах наиболее предприимчивые помещики, в роде, например, помещика Сызранского уезда Самарина, вводили денежную оплату крепостной адми-

---

[1] Туган-Барановский—„Русская фабрика“, стр. 31.
[2] Чулков, указ. соч., т. VI, кн. III, стр. 195, 604.
[3] Семенов, указ. соч., ч. III. стр 97.
[4] Туган-Барановский, указ. соч., стр. 31—49.
[5] Покровский—„Руская история“, т. III, стр. 137.

нистрации, приглашали из-за границы за „великие деньги“ иностранных экономов и управителей.[1]

Нужно ли долго останавливаться на том, как должна была отразиться „предпринимательская“ деятельность дворянства на тех, чьими руками она реализовалась? Система работы „брат на брата“, раздача уроков на дом, штрафы за малейшее нарушение порядка и порчу инструментов, поднятие с помощью палки и плети производительности труда, под руководством хорошо оплачиваемого пьявки-приказчика или прощалыги-иноземца, — все это даже в ту эпоху „расцвета крепостничества“ заставляло крестьян говорить о дворянской фабрике, как говорят о чуме или о еще более жестоком бедствии.

Перейдем теперь к области торговли. Совершенно очевидно, что здесь мы встретимся главным образом с дворянской политикой в том секторе хозяйства, где оно выходило из непосредственной системы барщинного хозяйства, будем иметь дело с оброчными крестьянами. Конечно, далеко не все оброки были связаны с развитием торговой деятельности крестьянства. Мы имеем факты тесного переплетения денежного оброка с натуральным; так, например, в имениях Нарышкиной, Костромской и Смоленской губ., крестьяне платили по 2 руб. с души, и, кроме того, бабы должны были прясть господский лен и 3 дня работать во время жнитва и покоса на помещика; в имении Лунина даже в 1793 г. оброк собирался исключительно натурой—грибами, курами, поросятами и т. д. Но все же характерной для оброчного хозяйства была большая связь крестьянства с рынком. Это подтверждается, в частности, и тем, что именно в районах развития кустарной промышленности и торговли,— в северных и центральных губерниях—мы имеем наибольшее количество оброчного крестьянства, его абсолютное переобладание над барщинным.

---

[1] Гайсинович, ученые записки Раниона, т. V, стр. 346, 351.

Если принять во внимание „бой“, который дало дворянство притязаниям купечества, его стремлениям остановить развитие крестьянского торга, если вспомнить тот факт, что именно дворянство и его правительство провели принцип свободы для крестьянских промыслов и торговли, если прибавить к этому, что помещики в конкретной торговой и промысловой деятельности крестьянства защищали ее от посягательств купечества и отдельных представителей власти, то может, пожалуй, сложиться представление о совпадении интересов крестьянина и помещика. К этому выводу, в частности, пришел и Меерсон в отношении оброчного крестьянства московского центра. Такая точка зрения является одним из наиболее ярких примеров прикрашивания крепостничества, забвения классовой эксплоатации в этом строе. В торговой политике дворянства в отношении крестьянства мы имеем, несомненно, противоречие: с одной стороны, содействие крестьянской торговле было лишь проявлением роста эксплоатации, с другой, этот рост являлся базой к вызреванию капитализма, независимо и в противовес желанию дворянства, его политике.

Проявлением роста эксплоатации был повсеместный рост оброка—с 1—2 руб. до 2—3 руб. к семидесятым годам, с дальнейшим его увеличением до 5 руб. в девяностые годы. Другой, более важной стороной дела, ради которой помещики особенно заботились о развитии торговли и промыслов, являлась сильнейшая эксплоатация помещиками наиболее развитых торгово-промышленных сел и изъятие накоплений у растущей крестьянской буржуазии. Так, в Загарской вол., Московского уезда, крестьяне платили в 1766 г. 3.900 руб. вместо 380 руб. в 1740 г., село Павлово, Нижегородской губ. платило Шереметьеву ежегодно 15.000 руб. оброка,[1] отдельные крепостные предприниматели пла-

[1] Семевский, указ. соч., т. I, стр. 57, 194.

тили по 1.000 руб. оброка и более. Посредством оброков помещик снимал в свою пользу сливки общестенного развития, используя, в частности, и вырастающую на основе этого развития крестьянскую буржуазию. Это не значит, что помещики обходили своей эксплоатацией растущую пролетарскую армию. Наоборот, отпуск помещиками крестьян на заработки в города как раз в рассматриваемый период получает особенно сильное развитие. В Ярославской губ. в 1778 г. уходило по паспортам 53.656 чел. мужского пола, в Московской губ. в 1799 г. 48.932 чел. мужского пола. Ушедший на заработок рабочий должен был вырабатывать там оброк помещику, часто должен был зарабатывать оброчные деньги за все тягловые души данного имения, где оставшиеся крестьяне выполняли за него барщинные натуральные повинности.

Мы остановились так долго на анализе деятельности дворянства, чтобы с полной очевидностью выяснилось, что перелом в деятельности дворянства—его ответ на те новые процессы, которые происходили в социально-экономическом строе страны,—во-первых, базировался целиком и полностью на старых феодальных привилегиях, а во-вторых—консервируя и расширяя старые феодальные отношения, не мог не задерживать развития производительных сил, процесса разложения натурального хозяйства, не мог, следовательно, не обрекать массы на разорение, полуголодное существование и т. д. и т. п. И это происходило в тот период, когда в экономике страны определились и развивались новые пути поднятия производительности труда, когда росли новые отношения господства и подчинения. В результате реализации дворянской программы осуществлялся двойной гнет эксплоатации—к ужасам рабства и крепостничества присоединились, по выражению Маркса, ужасы жажды накопления, ужасы эксплоатации ради получения прибыли.

Жажда денег, жажда удовлетворения чрезмерно

расширившихся потребностей помещика, в частности, утонченных потребностей, импортированных из Франции, приводила к тому, что крепостные — деревнями и на выселку, семьями и в одиночку — продавались, как скот, на базарах и в имениях, посредством объявлений и без них. Удовлетворение потребностей офранцуженных феодалов шло как путем содержания огромнейшей дворни, организации домашних театров, посылки за границу талантливых крепостных и т. д., так и путем поголовного изнасилования крепостных девушек, кормления щенят грудью крестьянок-матерей, зверств Салтычих и т. д. и т. п. Затягивание петли крепостничества, неограниченные права помещика над личностью крестьянина—право ссылки крестьян в каторжные работы, наказания крестьян в имениях, начиная от кнута и батогов до усовершенствованных застенков, снабженных всеми орудиями пыток — являлись средством обеспечения порядка для эксплоатации крестьян дворянством.

Против системы феодальной эксплоатации, феодальных зверств помещика, против очерченного выше дворянского ответа на новые процессы крестьянство боролось всеми силами. Законодательство того времени полно указов о беглых; им грозили, посылали за ними команды, объявляли милости — они возвращались и снова бежали, но уже не в одиночку, а целыми семьями, целыми деревнями. Бежали в Польшу, на Дон, в Сибирь и т. д. Из одной только Смоленской губ. за польскую границу бежало более 50.000 человек. [1] Каждый рекрутский набор вызывал громадное скрытое движение крестьянства — от набора бежали, кончали самоубийством, калечили себя и т. д.

Но на ряду с этими пассивными средствами борьбы мы видим и активные. Закрепощение Украины, получившее свое завершение именно в рассматриваемый период, сопровождалось непрырывно возникав-

[1] Сборн. РИО, т. 14.

шими бунтами (в 1673, 1678, 1708, 1712, 1723, 1730, 1743, 1768 годах). В центральных губерниях только за период 1762—72 г.г. было до 40 открытых волнений, не считая того, что в период 1764—69 г.г. были убиты 21 помещик и 9 помещиц, при 5 неудачных покушениях.

Крестьянство боролось против дворянской программы как могло, как умело. Но для того, чтобы эта борьба превратилась во всеобщее восстание крестьян против существующего строя, нужно было, во-первых, то благоприятное сочетание революционных сил, которое имелось в районе Урала, а, во-вторых, такой фактор, как пятилетняя изнурительная война за берега Черного моря.

В. Классовые противоречия на Урале.

Очерченное выше нарастание экономических и социальных противоречий своего наиболее яркого выражения, своей высшей ступени достигло в районе Средней Волги и Урала. Первый вопрос, который здесь естественно возникает, это вопрос о том, почему это произошло именно там, а не в старом московском центре.

Ряд исследователей, отвечая на этот вопрос, считают вполне достаточным ограничиться ссылкой на колониальное положение данного района, на быстрый процесс закрепощения, развивавшийся там, или на особый, по сравнению с центром, тип колониального первоначального накопления. Таким ответом они отрывают противоречия данного района от противоречий всей системы, или даже противопоставляют их друг другу, превращая эти противоречия в чисто местные, локальные. Такой поход с логической неизбежностью приводит к взглядам на революционную борьбу как на местное локальное восстание, не характерное для всей системы. На самом деле вопрос гораздо сложнее

и ответа на него нужно искать не в тех или иных местных особенностях противоречий в данном районе.

Достаточно бросить беглый взгляд на рассматриваемый район, чтобы сказать, что иначе и быть не могло. Взгляните на карту, — прежде всего вы увидите Волгу, эту главнейшую артерию торговой жизни страны, колыбель русского капитализма. Следующие цифры, характеризующие только внешнюю торговлю, показывают, как быстро росла Волга и вокруг нее торговый капитал.

Торговля по Каспийскому морю (в английских фунтах). [1]

Годы	Экспорт	Импорт	Баланс
1760	36.100	42.100	— 6.000
1768	87.700	63.700	+ 24.000
1775	125.000	64.120	+ 60.880

Итак, торговые обороты выросли за полтора десятка лет более чем в два раза, экспорт более чем в три раза, актив в 1775 г. превышает полмиллиона рублей. А ведь помимо внешней торговли по Каспийскому морю вокруг Волги концентрировалась главная основная масса внутренней торговли, основная масса внешней торговли по западно-европейской границе. Мы не имеем в своем распоряжении даже приблизительных данных о концентрации торгового движения, торгового капитала на Волге и вокруг Волги, но можно не сомневаться, что торговый оборот здесь во много раз превышал двухмиллионный оборот на Каспийском море, составляя больше половины торгового оборота всей страны. И не случайно в связи с этим Волга долгое время — в продолжение XVII и XVIII в.в. — оставалась главным пролетарским, или, вернее, предпролетарским центром России (в XVIII в. на Волге насчитывалось до миллиона судовых работных людей и рыболовов), не случайно в связи с этим Волга являлась не раз колыбелью крестьянской революции. К рассматриваемому времени это был один из основных центров, где сильнее всего

[1] Томсинский, „Историк-марксист", № 6, 1927.

проявлялись социально-экономические противоречия, где скорее всего они могли вылиться и выливались в открытую борьбу низов с господствующим классом и его государством.

За Волгой, дальше на восток, мы встречаем тесно связанный с ней Камой и системой других рек горный Урал,— колыбель нашей металлургической промышленности.

Уральская горная промышленность является прямым порождением развившегося в XVII в. торгового капитала, возникшим, правда, в рамках феодальной системы, в чем, собственно говоря, и заключается все своеобразие, все противоречие этого явления. Горная промышленность Урала с начала XVIII в. до рассматриваемого времени достигла громадных по тому времени размеров. В 1699 г. на реке Невья, в Верхотурском округе, был построен первый завод, а к 1767 г. их было уже 120 с производством в 7,1 млн. пуд. чугуна и 186 тыс. пудов меди[1].

Каково было экономическое значение горнозаводской промышленности, показывает тот факт, что чугуна и изделий не только было достаточно для внутреннего потребления, но они еще вывозились за границу на сумму 1,7 млн. руб. Горнозаводская промышленность, возникновение и развитие которой явилось наиболее ярким показателем роста общественного разделения труда в России, была базой, которая придала новое качество дворянскому государству XVIII в. О монархии того времени нельзя было сказать, как это говорили позднее о монархии Николая, что она держалась на глиняных ногах,— в сравнении с окружающими государствами „ноги" у нее были железные, чугунные стальные.

Именно этим громадным его значением в экономике, а с точки зрения сохранения господства и в политике, объясняется огромнейшее внимание к Уралу со стороны

[1] Чулков, указ. соч., т. VI, кн. II, стр. 548, 598.

правительства, которое развивало уральскую промышленность, не жалея сил и средств. А так как главными и основными силами того строя были крепостные — и государственные — крестьяне, так как они являлись и главным источником средств (при организации Невьянского завода с крестьян было собрано 10.347 руб.), то содействие Уралу и его развитие влекли за собой массовую передачу государственных крестьян в крепостные заводчикам, массовую приписку государственных крестьян к заводам для выполнения всевозможных работ, отдачу на работу рекрут и всех социально-опасных элементов. В 1734 г. к каждой доменной печи прикрепляли 100—150 дворов, к каждому молоту — 30 дворов, а к медным заводам по 50 дворов на каждую тысячу пудов меди.

Насколько соблюдались эти нормы, видно из того, что Демидовские Верхний и Нижний, Авзяно-Петровские заводы имели одну домну, 13 молотов и якорную фабрику, а приписных в них было 1.701 душа мужского пола; продукция заводов в 1767 г. выражалось в 146,6 тыс. пуд. чугуна, 5,7 тыс. пуд. чугунного литья и 96 тыс. пуд. железа.[1]

Рост уральской промышленности сопровождался быстрым ростом числа приписных крестьян; так, с 1719 г. (первая ревизия) по 1762 г. (третья ревизия) число приписных возросло с 31,3 тыс. до 190 тыс. душ. К началу пугачевщины приписных было не менее 200 тыс. душ, ибо по четвертой ревизии (1781—88 г.г.) число их выражалось в 263,8 тыс. душ.[2] Кроме приписных крестьян, на Урале к рассматриваемому времени уже сложилась целая армия мастеровых, как из собственных, так и из переданных на заводы крепостных крестьян, а также из беглых и (по пашпортам) вольнонаемных людей. Точной, даже более или менее

---

[1] Там же, стр. 594, 621.

[2] Семевский, указ. соч., т. II, стр. 304 и след.

приближающейся к точной, цифры мастеровых мы не имеем. Семевский для уральских заводов, которыми владели по дворянскому праву, определяет число мастеровых в 50 тыс. человек; кроме того, на 19 заводах работы производились исключительно собственными и „по пашпортам людьми“, так что общая цифра приближаются к 100 тис. человек.[1] Итак, обратной стороной медали, ее классовой стороной был рост, в прямом смысле этого слова, крепостного мануфактурного пролетариата, с огромнейшим резервом полупролетарского населения, приписных крестьян.

Нужно ли распространяться о том, какое значение — в смысле совместных выступлений, организации, обеспечения материальной базы борьбы, тесной связи этой борьбы с громаднейшей периферией, как по линии связи с массами, так и по линии дезорганизации экономической жизни страны — имел этот единственный с точки зрения отмеченных особенностей и, без сомнения, наиболее мощный кулак тогдашнего пролетариата? В развитии Урала проявились не колониальные противоречия и т. п., а свойственный всякому развитию закон диалектики: горная промышленность Урала, как основа могущества дворянского государства XVIII в. и создание в результате ее развития наиболее сильных противников и борцов с этим государством. Фигурально выражаясь, дворянское правительство, развивая Урал, укрепляло свои „ноги“, но это укрепление создавало „голову“ для борьбы эксплоатируемых.

Обратимся к тем условиям, в которых протекала эксплоатация горнозаводской армии, к тому положению, в котором находилась она на заводе. Условия работы в основном регулировались регламентом 1724 г. Рабочий день на заводе, как правило, устанавливался „с зори до зори“, т.-е. летом продолжался $13^1/_2$-14 часов, а зимой — 10 часов. Мастеровые при 280 годовых рабочих днях получали в год: мастера — 24—35 руб.,

[1] Семевский, указ. соч., т. I, стр. 75.

подмастерья — 15—18 руб., ученики и чернорабочие — 2-3 руб. Приписные должны были отрабатывать 1 р. 10 к. податного и подушного оклада, из расчета оплаты летом 5 коп. в день за пешую и 10 коп. за конную работу, а зимой 4 коп. за пешую работу и 6 коп. за конную.[1] Заводчики должны были иметь заводские лавки и продукты для рабочих, больничные койки при каждом заводе, смотреть, чтобы рабочие работали хорошо: „За плохую работу переводить мастеров в подмастерья, жестоко наказывать и в работе быть скованными". Уже это показывает, насколько жестокой была эксплоатация, насколько мастеровой и приписной попадали в полное распоряжение заводчика. Но эти условия труда ухудшались еще тем, что с тридцатых годов начинается усиленная передача заводов из ведения казны в частные руки, дополняемая развитием частного горнозаводского строительства. Из 120 заводов к 1767 г. государственными оставались только 9, а частных заводов выстроено было только за период 1740 — 1762 г.г. 76.[2] Это новое явление — развитие частного предпринимательства — не могло не повести за собой усиления и без того зверской эксплоатации крепостной и приписной массы. Заводчики пользовались всеми средствами, чтобы выкачать из рабочих и ту мизерную плату, которую они выдавали, чтобы возложить все издержки производства непосредственно на рабочих. Штрафы были наиболее решительным средством изъятия у рабочего его платы и в то же время его закабаления. Из таблицы, опубликованной Томсинским, мы узнаем, что на 6 заводах (Ижевский, Воткинский, Мотовилихинский, Ягощихинский, Юговский, Бабический) с числом рабочих 31,5 тыс. человек из суммы

---

[1] Пажитнов — „Продолжительность рабочего дня в горной промышленности" („Архив истории труда", кн. 2); его же — „Заработная плата в горнозаводской промышленности" („Архив истории труда", кн. 3, 1922).

[2] Чулков, указ. соч., т. VI, кн. II, стр. 548—680.

их зарплаты в 75,8 тыс. руб. изъято путем штрафов за недовыработку и переработку 7,3 тыс. руб., т-е. около 10%; кроме этого штрафы налагались за пьянство, за работу в праздничные дни, за больных, умерших, новорожденных и т. д. и т. п. [1] Кроме указанной суммы штрафов рабочие названных заводов должны были уплатить 80,9 тыс. руб. подушных денег, следовательно, в итоге своей работы они оказывались еще должны заводчикам 22,3 тыс. руб.

Не менее сильно на ухудшение положения приписных и мастеровых влиял рост цен — рубль от начала столетия до 1762 г. упал в своей стоимости в 2,7 раза. [2] Одновременно для приписных увеличилась сумма необходимой отработки с 1 руб. 10 коп. до 2 руб. — 2 руб. 70 коп.

Приписные к Ягощихинскому и Мотовилихинскому заводам в своем наказе писали: „При казенных заводах находились на казенном содержании, а ныне у Воронцова за подушный оклад... Лошади наши заняты гоньбой, а кто не имеет — приходится за двойную плату нанимать... печи плавленные выше и уголь по лестнице носить... работа вдвое тягостнее, а мы еще работаем за малолетних и престарелых". Приписные к Вознесенскому заводу писали: „не выработав нормы, нас с завода не отпускают и работаем бессменно". [3] Из наказов в Екатерининскую комиссию видно, что, получая за рубку дров 25 к., приписные платили наемным по 35 коп., за кладжу, дерние, осыпку, сжение и разломку 20-саженной кучи угля получали 3 руб. 40 к., а сами платили 9 рублей; за поставку смолы, за деготь получали 3 — 3,5 коп. за ведро, а сами покупали его и привозили не менее как за 300 верст, платя на месте по 20 коп. за ведро, как сообщали в наказе приписные Кунгурского уезда. Приписных обязы-

---

[1] Томсинский, „Историк-марксист", № 6, 1927.
[2] Семенов, указ. соч., ч. III, стор. 345.
[3] Сборн. РИО, т. 115.

вали доставлять с Ягощихинского на Вознесенский завод медные трубы, с завода выдавалось на это по 5 р. 70 к. на 1000 пудов, а крестьянам, помимо работы, приходилось доплачивать еще по 5 руб., ибо сплавных судов у заводчиков не было и их приходилось нанимать. Но приписного не только стригли, его прямо стремились из крестьянина превратить в рабочего. Приписные крестьяне, несмотря на широкие возможности их эксплоатации, представляли в одном отношении для заводчика нежелательный элемент — они являлись временными гостями для завода, тогда как ход заводского производства требовал наличия постоянных работников. Отсюда тенденция заводчиков к пролетаризации приписных. „На Юговских заводах всех крестьян, запретив пахать пашню, заставили работать... Но плату назначили столь низкую, что им не только подати и оброк платить, но и на пищу нехватает". Приписные Чердынского уезда писали: „В 1761 году 274 человека взяли с семьями на завод, и плату Чернышев платит такову, что они все вместе на пропитание не могут заработать и бегут все кто куда". На других заводах только принимались подготовительные меры к превращению приписных в рабочих. „Деды наши расчистили для пашни и выпаса скота земли, а теперь их отобрали", писали приписные Ягощихинскому и Мотовилихинскому заводам. [1]

В целях обеспечения условий эксплоатации и накопления в 1763 г. фабрикантам и заводчикам предоставлено было право ссылки рабочих в Сибирь, право подвергать их наказаниям вплоть до назначения на тяжелые работы. Уральским заводчикам не приходилось пользоваться разве только правом ссылки в Сибирь на каторгу, потому что заводы сами представляли собой каторгу, куда направлялись всевозможные категории ссыльных. Каждый завод представлял собой в миниатюре целое государство — он был вооружен,

[1] Сборн. РИО, т. 115.

укреплен, в нем имелись все приспособления для пыток, своя каторга, свой штат экзекуторов. Рабочих наказывали за малейшие преступления, не говоря уже об участии в составлении челобитных или участии в волнениях. Крестьяне Маслецкого острога и Батыевской слободы за 5 лет своей работы в качестве приписных представили список в 225 человек, подвергнутых наказаниям, — битью кнутом, заковыванию в кандалы и т. д. Сигов в своей статье „Закрепощение вольных поселенцев и их быт“ приводит целый ряд наказаний — рабочих заковывали в кандалы, надевали на голову четырехпудовые железные шапки или к кандалам прикрепляли цепи от 2 до 3 пуд. весом и в таком виде заставляли выполнять уроки в течение нескольких дней. Легенды рассказывают о таких случаях, как бросание живьем в домну. На дне одного пруда нашли целую груду костей, при разборке стен заводов находили скелеты в цепях. Рабочим приходилось платить жизнью не только за защиту своих элементарнейших прав, но и расплачиваться за преступления заводчиков: во время ревизии кн. Вяземского (шестидесятые годы) беглые рабочие, вырабатывавшие тайно монету в подземельи, были, по распоряжению Демидова, залиты водой из пруда с целью уничтожения улик и свидетелей. [1] Подобные меры практиковались и на Выксунских и Олонецких заводах. Таковы были условия труда и жизни уральского мастерового и государственного крестьянина, приписанного нередко к заводу, расположенному за 200—700 верст.

При таких условиях вполне закономерно, что Урал представлял собою пороховой погреб — история Урала есть прежде всего история беспрерывных восстаний и волнений как на самих заводах, так и вокруг них, вокруг мобилизации рабочих сил для Урала. Ко времени вступления Екатерины на престол волнениями было охвачено 49 тысяч горнозаводских, за период

[1] Сигов, „Русское богатство“, № 3, 1899.

с 1762 по 1767 г. имеются сведения о 12 волнениях приписных крестьян, при чем на ряду с открытыми формами борьбы беспрестанно шла скрытая борьба — отказ от работы, составление челобитных, бегство с заводов в одиночку и целыми партиями и т. д. и т. п.

Из организованных восстаний наиболее характерное—восстание приписных к заводу Демидова крестьян Масленского острога и Батыевской слободы в количестве 900 человек в 1760—61 г.г. и приписных к заводам Шувалова в 1762 г. Первые, захватив Масленский острог, вели борьбу настолько организованно, что не только мелкие отряды, но и 500 человек донских казаков долгое время не могли их взять; при взятии острога 8 декабря 1761 г. крестьяне удачно отражали атаки и организованно вели оборону, когда же дальше сопротивляться стало невозможно, большинство их сумело во-время скрыться. Шуваловские же крестьяне в количестве 300 человек организовали снятие с работ остальных приписных, подговорили часть вольнонаемных рабочих, разослали по деревням агитаторов за присоединение к ним, и в результате волнением был охвачен громадный округ Казанской и частью Оренбургской провинции.[1]

Подавлением постоянно вспыхивающих восстаний была занята большая часть войск Казанской провинции. Расправа с восставшими была жестокая. Помимо убийств, крестьянам вырывали ноздри, ссылали на каторгу, в деревнях ставили на постой войска и т. д. и т. п. Но эта расправа только готовила почву для более широких восстаний, готовила кадры для руководства ими.

В тесной связи с развитием волжской торговли и уральской горной промышленности шло развитие торговли и торгово-капиталистических отношений в Оренбургском и Казанском краях. Разница между первым и вторым заключалась в том, что в то время, как Ка-

[1] Семевский, указ. соч., т. II, стр. 332.

занский край был старым торговым центром, Оренбургский край с его центром Оренбургом был в периоде своего бурного роста и втягивания в систему широких торговых связей. Так, развитие торговли в построенном в 1736 г. Оренбурге представляется в следующего виде:[1]

Годы	Собрано пошлин	Пропущено товаров
	в тыс. руб.	
1738 . .	0,5	28
1749 . .	44,1	900
1751 . .	85,1	1.600

Растущие торговые отношения втягивали в свою систему новые группы населения — башкир киргиз, уральских казаков и др. Насколько быстрым был темп этого втягивания, показывают следующие факты: экспорт киргизских лошадей за период с 1745 по 1753 г. вырос с 552 с до 1.084, баранов с 3 тыс. до 200 тыс.;[2] стоимость скота, пропущенного через оренбургскую и троицкую таможни, равнялась 175,8 тыс. руб.[3]. Среди башкир, кроме продажи скота, широко развилась продажа земель. О развитии торговых отношений среди яицких казаков говорит тот факт, что только откупных за рыбный промысел денег казаки платили по 10.000 ежегодно.

Эти развивающиеся торговые отношения порождали — и не могли не порождать—явления разложения старого уклада, а с другой стороны — новые формы эксплоатации. Среди татар торговый—скупщический и ростовщический—капитал и свойственные ему тенденции развития нашли если не более, то во всяком случае не менее широкую базу, чем в центральной России.

---

1 Семенов, указ. соч., ч. III, стр. 181.
2 Томсинский „Историк-марксист“ № 6.
3 Чулков, указ. соч., т. II, кн. III, стр. 268.

„Купцы,— писали ясашные татары, — взаймы деньги дают,— обратно отдаем с процентами, они не берут". [1] Не берут денег потому и для того, чтобы брать изделия и продукты, чтобы держать производителя под постоянной угрозой внезапного требования расплаты за просрочку и т. д. Среди башкир развившиеся денежные отношения нашли выражение в сдаче в аренду земли, продаже ее, в выделении слоя крупного землевладения—все пришельцы и переселенцы на башкирские земли должны были платить башкирам оброк. [2] Только в качестве наказания за восстание башкир в 1735 г. тептярям и бобылям дано было право безоброчного пользования башкирской землей. Среди казаков торговые отношения привели к выделению крупного казачества — старшинной партии, и к появлению слоя казаков, которые за деньги соглашались нести за других военную службу; плата в этом случае составляла 1.500—3.000 руб. за участие в походе. [3] Среди казачьего населения довольно широко были развиты промыслы, ремесленники жили домами. [4] Здесь же находили себе место беглые и, в частности, раскольнические элементы, одни в качестве купцов, другие в качестве работных людей на сенокосах. Киргиз-кайсаки, жившие тремя ордами, из коих присоединены были к России только Меньшая и Средная орда, не вышли еще из стадии родового быта. Среди них имелись элементы рабства; так, только в период 1742—54 г.г. правительству удалось высвободить у них 182 человека пленных. [5] Недалеко от них, но все же на более высокой ступени стояли калмыки. Здесь особенно сильно была развита эксплоатация со стороны представителей культа — мулл; в сое-

---

[1] Сборн. РИО, т. 115.

[2] Труды „Оренбургского о-ва по изучению Казакстана".

[3] Левшин —„Историческое и статистическое обозрение уральских казаков".

[4] Чулков, указ. соч., т. VI, кн. IV, стр. 299.

[5] Там же, т. II, кн. III, стр. 393, 14.

динении с эксплоатацией, которую развивали агенты правительства, она довела калмыков до того, что они продавали не только свой труд, но и своих детей.

Как видим, данные группы довольно глубоко были захвачены торгово-капиталистическими отношениями. Вопрос о последствиях этого процесса сводился к тому, что эти отношения развивались в условиях политического господства крепостнического государства над данными группами населения. Политическое господство этой системы привело к тому, что развивающиеся экономические процессы приняли для масс тягчайшую форм открытого грабежа, проводившегося как путем непосредственного нажима, так и в союзе с верхами соответствующих групп населения. Формы и методы насилия среди разных групп были разные — их мы рассмотрим ниже, но в общем процесс был везде один и тот же. Именно это вмешательство со стороны крепостнической системы приводило к тому, что все группы, одни в целом, другие в части, направляли острие растущих противоречий по линии борьбы с этой системой. Ниже мы рассмотрим следующие группы: татар, башкир и казаков.

Эксплоатация, вернее экспроприация татар со стороны крепостнической системы и ее агентов шла тремя путями.

1. По линии присвоения татарских земель и угодий. Главными методами экспроприации являлись крещение татар и скупка у них земли русскими помещиками. Механика такой экспроприации была чрезвычайно проста: „сыскав такого татарина, который креститься вознамеритця, а иные за воровство и протчие преступления... оные татары от себя давали купчие, а по крещении оные помещики купчие брали на свои имена... покупая, и населяли крестьянами и оставшимися некрещеным делали великие притеснения, с настоящих своих земель сбивали, скот бьют, сено косят. Просить же в присудственных местах не в состоянии... почему от своих зе-

мель отставать принуждены“.[1] Правительство, запрещая некрещеным татарам продавать землю, не принимало никаких мер против того, что ее отбирали даром. Такие угодья, как леса, просто отдавались заводчикам или отписывались в казну в качестве заповедных, со всеми вытекающими отсюда притеснениями по отношению к населению. Не говоря уже о больших штрафах за порубку лесов, в отношении татарского населения широко были распространены всевозможные виды подлогов со стороны приводчиков: они забирали крестьян, когда те везли лес из своих или своих владельцев лесных дач и писали „немалое число иску“. „В ночное время... дубовые деревья подсачивают а иногда и срубливают, и наведя волтмейстров... приводили неповинных (к) 10-рублевому штрафу, кроме... от следствия убытков“.[2] Ясачные татары Казанского уезда в своем наказе просили „за чужие порубки в заповедных лесах наказаний не чинить“.[3]

2. Широкое развитие получила практика грабежа населения со стороны духовной и светской администрации. Изобретательное духовенство не гнушалось никакими средствами для ограбления своей обращенной из магометанства паствы и живущего с ним татарского населения. По две копейки с души брали при самом крещении; брали деньги в качестве откупа, чтобы не посылать детей в города учить „верую“ и „отче наш“, в домах зажиточных „оборачивали образа вниз ликом, в постные дни вкладывали в пищу мясо... за что брали деньги и лошадей по выбору, по жительствам новокрещен ездили с женами и детьми, сами собирали деньгами, скотом и овчинами, а жены холстами и пряжей“; с целью вымогательства денег заставляли „перемешанный с водой табак пить“, и у кого от этого

[1] „Пугачевщина“, т. II. Из материалов о происхождении пугачевщины, стр. 16.

[2] Там же, стр. 18.

[3] Сборн. РИО, т. 115.

бывали последствия, „яко изобличенного (в грехах), бив без милосердия, брали деньги“; били за малое количество погребений, брали деньги за брак и новорожденных, посылали крестьян в монастыри, якобы для приказаний, „где держиваны были под караулом недели по две и больше... обобрав, отпускали домой“ и т. д. и т. п. Не меньшие притеснения от духовенства терпели некрещенные татары — с них не только брали поборы по доносу новокрещен за то, что они, якобы, склоняют к прежнему закону, но и выбивали окна, рубили двери и т. д. Кто не желал креститься, должен был давать деньги — по рублю и больше; заставляли некрещеных перевозить из деревень, где были новокрещены, свои строения, и т. д.[1]

Светская администрация грабила через суд, затягивая по году и больше как действительные, так и вымышленные тяжбы, с тем, чтобы в продолжение всего времени под разными предлогами брать деньги: „без денег и говорить не хотят“; через рекрутские наборы — собираемые с населения деньги не отдавали тем, кто должен был итти в рекруты, а затем, по неявке этих последних, брали снова деньги и уже со штрафом за невыполнение набора. Подговаривали людей на зажиточных „делать оговоры... держали их в тюрьмах, пытали“ с тем, чтобы взять деньги; толмачи в судах вместо переводов клеветали; целовальники вливали в вино воду; за конские продажи требовали сборов даже тогда, когда продаж лошадей не было; обвешивали при покупке соли с пуда фунтов по 10 и т. д. В деревни посылались команды для сборов недоимок даже в тех случаях, когда они могли быть уплачены, но их не брали. При сыске воров и разбойников командиры заставляли пойманных воров оговаривать зажиточных, при обыске порубок все крестьяне должны были платить по 1—2 р. в качестве гарантий от доноса и т. д.

---

[1] „Пугачевщина“, т. II, стр. 3—10.

3. Разоренным такой системой грабежа оставалось одно — продавать свою рабочую силу. Но и здесь их ожидала не лучшая участь — задерживали выдачу паспортов нанявшимся на работу, что влекло за собой штрафы; за полученные вперед задатки у нанимавшихся на медные и железные заводы удерживали половину с договорных сумм (они работали по 5 руб. в год), а иногда и вовсе не платили, силой заставляя расписываться в книгах; в заводских лавках за лапти, онучи, рубахи брали вдвое дороже, заставляли покупать вдвое больше товаров, чем нужно, или просто вносить задаток за невзятый товар. В результате такого произвола, несмотря на работу, долги рабочих увеличивались; тех, кто успевал все же отработать, попросту не отпускали с завода, удерживая силой; бегство же влекло за собой погоню, новые грабежи и разорение и т. д.[1]

Наказы полны требований о выселении новокрещен, о запрещении продажи земли, дозволении решать дела устным судом, по-старому — с муллой и кораном, об избавлении от обид и т. д. и т. п.[2] В этих наказах, на ряду с требованиями, направленными непосредственно на всю систему, довольно ярко проскальзывает уродливая линия — забвение внутренних классовых противоречий (муллы, крупные землевладельцы, служилая аристократия), борьба двух групп трудящихся (выселение новокрещен) и т. д. Все это было, однако, прямым порождением гнета крепостной системы.

Башкир было около 106.000 душ. История башкир представляет собой историю непрерывных восстаний против московских порядков — годы 1645, 1662, 1667, 1677, 1683, 1705, 1707, 1717, 1735, 1740, 1755 отмечены восстаниями башкир. Начиная с 1735 г. правительство развивает систему мероприятий по охвату башкирских земель сетью крепостей и острогов, с целью держать

[1] „Пугачевщина", т. II, стр. 3—10.
[2] Сборн. РИО, т. 115.

их в повиновении, направляя одновременно против башкир все острие национальной вражды между башкирами и мещеряками, башкирами и киргизами, калмыками и т. д. Причина такой заботы о башкирах ясна — они имели несчастье жить в районе, не говоря о прочих богатствах, с плодороднейшей и рудоносной землей, правительство же и эксплоататорские классы держали твердый курс на растаскиванне этих богатств.

Одним из способов эксплоатации башкир был сбор ясака, а также торговля солью. До 1754 г. последняя выдавалась им в Казани из казны за доставляемые башкирами поборы по 25 коп. с двора. В 1754 г. было предписано покупать соль по 35 коп. пуд. Что это значило при почти натуральном хозяйстве, при той системе торговли солью — обмер, обвес, подлог и т. д.— говорит хотя бы тот факт, что башкиры ответили на это распоряжение грандиознейшим бунтом 1755 г.

Не менее сильна была эксплоатация в области торговли. Приемы ее были здесь еще более откровенны, чем среди татар. В уложении о торговле в Оренбурге 1755 г.[1] правительство предписывало: „при торгу с азиатскими купцами и степными народами крепко наблюдать, дабы российские купцы товаров своих в цене не снижали... а привозимых не возвышали“, для чего предписывалось выбрать из купцов“ двух или трех человек лучших для наблюдения“.[2] Поддерживаемая правительством монополия купечества приводила к тому, что даже русские крестьяне — из-за того, что никто не покупал товаров за сходную цену — „вынуждены были не только дешевой ценой, но и с убытком отдавать“, ибо „долго зажиться не могли... лошадиный корм недешев и жить негде“[3]. Если так, по признанию самого правительства, его мероприятия отража-

[1] Чулков, указ. соч., т II, книга III, стр. 71, 216.
[2] Там же, стр. 104.
[3] Там же, стр. 184.

лись на крестьянах, то можно себе представить, каких пределов достигал грабеж инородцев; так, согласно правительственного уложения, в Оренбурге практиковалась двойная цена на хлеб — беспошлинная для русских и с пошлиной в 40 коп. с пуда на крупу и пшеничную муку и 20 коп. на ржаную муку[1] для инородцев, с расчетом, что степные народы „сего знать и чувствовать не будут". Примеры эти лишь в слабой степени отражают то, что было на самом деле, ибо не случайно в том же указе так много места уделялось вопросу охраны купцов командами и приставами, о наказаниях за „своевольства" приезжающих инородцев как в самом Оренбурге, так и на башкирских землях.

Но особенно сильного развития достиг грабеж башкирских земель. Захват земель и угодий, производившийся до 1734 г. по крайней мере с формального согласия башкир, с 1734 г. производился по усмотрению власти и ее представителей. Насколько широкие размеры приняла раздача земель, видно хотя бы из того, что она вызвала восстание башкир, продолжавшееся с 1735 по 1741 г. Результат расправы — помимо убитых, 28.000 закованных и розданных в рабство, 396 разоренных селений, больше 120.000 уведенных лошадей и 6.000 коров.[2] Только учитывая такое кровопускание, можно понять ту оргию захвата земель, ту широкую волну строительства заводов на башкирской земле, которая распространилась после восстания. К рассматриваемому времени частью было выстроено, частью намечено к постройке 18 медных и 30 железных заводов.[3] При каждом из них сосредоточивались огромнейшие массивы земли и лесов — так, например, Авзяно-Петровский завод „заарендовал" за 20 руб. в год

---

[1] Там же, стр. 187.

[2] Дубровин — „Пугачев и его сообщники", т. I, стр. 235 и след.

[3] Чулков, указ. соч. т. II., кн. III, стор. 489, 496.

180.000 десятин земли, Строганов в 1754—55 г.г. „скупил до 12.000 десятин земли за 300 руб., купец Алушников в 1740 г. „купил 200.000 десятин за 400 руб“.[1]

В качестве мероприятий, обеспечивающих такой грабеж башкир, правительство, на ряду со строительством крепостей, разрешением заводчикам иметь свою охрану и т. д., еще в 1729 г. освободило башкир от регулярной воинской повинности и запретило им иметь огнестрельное оружие; после 1735 г. башкирам запрещена была выплавка металлов, имевшая до того среди них, по свидетельству Чулкова, довольно широкое развитие,— башкиры плавили медь и сталь в ручных печах.[2]

Но кроме этих мер принимались и другие, так сказать, внутреннего порядка. После восстания 1729 г. был создан институт привилегированных собственников—тарханство, освобожденное от уплаты ясака; после восстания 1735 г. за активное содействие в подавлении восстания тептяры - мещеряки получили башкирские земли, которыми они владели на оброчных началах; тогда же были приняты меры по привлечению церкви к делу усмирения башкир. Принявшим христианство обещаны были льготы — свобода от налогов на 3 года, освобождение холопов от зависимости, обеспечение пользования холопам и тем, кто принял решение и т. д. В условиях господства штыка результаты были рекордные — за два года 17.000 „спасенных“.

Но все эти мероприятия оказались бессильны перед влиянием того гнета, который лежал на плечах башкир, и в 1755 г. вспыхнуло громаднейшее восстание. Непосредственным поводом явилась замена ясака обязательной покупкой соли по цене 35 коп. пуд. Во главе восставших стал образованнейший мулла Батырша; его воззвания действовали не только на башкир, но и на всех мусульман-инородцев; в его план входило нечто в роде организацни мусульманской империи. Оренбург

[1] „Труды Оренбургской комиссии по изучению Киргизского края“.
[2] Чулков, указ. соч, т. VI, кн. IV, стр. 206.

скому губернатору Неплюеву пришлось прибегнуть к подлогу — выпустить воззвание от имени оренбургского ахуна с призывом к киргизам двинуться на башкир; 2.000 казаков и 650 калмыков, с приказом ничего не щадить, были двинуты против восставших. Мещерские старшины не поддержали восстания; среди самих башкир часть согласилась, под влиянием поражений, кончить борьбу, а остальные—около 50.000 чел.— не желая позорной сдачи, бежали в степи за реку Яик. Обращением к киргизам Неплюев отдавал им в рабство жен и дочерей, а также имения всех бежавших, лишь бы они содействовали возвращению населения мужского пола. Почва для строительства медно-плавильных заводов была подготовлена. „Твердышевы“ за храбрость (постройка заводов на башкирской земле) были выключены из податного сословия и стали получать чины.

Из восстания башкиры вышли не только разбитыми, но и с элементами расслоения внутри движения, которое переходило на новую базу. Насколько этот переход способствовал развитию борьбы против крепостнической системы, увидим ниже.

Яицкая группа казаков представляла собой естественное географическое и социальное продолжение украинской и донской групп. Как и последние, развиваясь в условиях отсутствия феодальных отношений, она в своей эволюции подвергалась воздействию крепостничества посредством давления государственного аппарата власти.

Среди украинских казаков воздействие крепостнической системы выразилось в том, что не только усиливалась и ускорялась экономическая диференциация, но в результате ее возникло крепостное право, которое в рассматриваемый период как раз и получило свое завершение. Среди донцов давление центральной власти, поддержка ею „сильного“ казачества привели к установлению чиновничье-бюрократического управления — наз-

начение атамана сверху, назначение им старшин и т. д. До образования крепостного права среди донцов дело не дошло. Обязанные службой, они в экономическом отношении представляли собою довольно расслоенную массу, начиная от казаков типа помещиков, широко применявших вольнонаемный труд, и кончая рядовыми казаками-тружениками. В яицкой группе не получил своего завершения ни тот, ни другой тип.

Рыбопромышленная деятельность требовала организованного, а не хищнического использования богатств Яика (у казаков был довольно подробно разработан план использования этих богатств — одновременные выезды на тони, порядок ловли и т. д.).[1] Отсюда совместные выступления казачества в целях обеспечения этой деятельности — борьба за откупы, борьба против киргиз и т. д.; но внутренне оно было расслоено — по заведенному порядку рыбу ловил каждый на себя, равно как и платил откупные деньги, занимался охотой, скотоводством и т. д.[2]. Достаточно сказать, что для превращения того или иного казака в бедняка требовалось только одно неудачное участие в рыбной ловле — ему уже нечем было платить откупа. Товарный характер развития хозяйства и связанная с этим внутренняя диференциация являлись главной причиной того, что казаки перенесли центр тяжести в экономической деятельности на свое хозяйство, а в политической жизни с общевойсковых интересов на интересы определенных групп — старшины и рядового войска.

Мы не будем подробно описывать борьбу среди яицких казаков до движения 1762—72 г. г.[3] Характерной ее чертой является, как и чертой этого движения, что борьба велась не только против старшинской пар-

---

[1] Чулков, указ. соч., т. VI, кн. IV, стр. 295—318.

[2] Левшин —„Историческое и статистическое обозрение уральских казаков".

[3] Витевский — „Неплюев и Оренбургский край", т. I, гл. VI и т. II, гл. IX.

тии, но и против правительства, эту старшинскую партию поддерживавшего и на нее опиравшегося. Это позволяет нам предположить, что в общем процесс развивался, как в свое время и среди украинских и донских казаков. Атаман Бородин, против которого началось движение 1762 г., являлся атаманом не выбранным, а назначенным правительством. Он же сам назначал остальных чинов, а за войсковым кругом фактически оставалось только право утверждения штатов и контроль над собираемыми суммами. Как широко использовала старшинская партия во главе с Бородиным свою власть, видно из прошения казаков в военную коллегию, где они обвиняли атамана в том, что „родственники атамана в зимнее время берут для рыболовства не состоящих в казачьй службе людей, и Бородин раздает им ярлыки на право рыбной ловли, своих родственников определяет в старшины сверх положенного штата, дозволяет участвовать в рыбной ловле лицам, к казачьей службе отношения не имеющим“.[1] Независимость атамана от войска дошла до того, что Бородин наказывал казаков плетьми, самовольно назначал в служебные команды, в продолжение трех лет не отчитывался в собираемых суммах, собирал большие поборы и пр. Эта политика эксплоатации привела к тому, что один из старшин, Логинов, повел агитацию против Бородина и объединил вокруг себя войсковую часть казаков. Отказ платить Бородину деньги, посылка двух депутаций в Петербург, — одной со стороны Бородина с жалобой на мятежных казаков, другой со стороны казаков с жалобой на произвол Бородина — были прологом того бунта, который, медленно нарастая и развиваясь, привел к военному столкновению 1771—72 г.г.

Характерной особенностью этой борьбы является, во-первых, то, что войсковая сторона имела решительный перевес над старшинской партией, и дело могло легко кончиться перевыбором атамана, выбором новых

[1] **Дубровин**, указ. соч., т. I, стр. 11.

старшин, введением необходимых отчетов и т. д., но правительство, с самого начала борьбы затягивая в своих бесчисленных комиссиях разрешение этого конфликта, задерживало его ликвидацию. Во-вторых, уступая в частных вопросах, как это было в 1765 г., когда оно согласилось на перевыборы атамана, предписало запретить самовольные поборы, порубки лесов и т. д., правительство шаг за шагом вело линию на полное уничтожение остатков казацкой вольности, на сужение экономической самостоятельности казаков. В 1765 г. оно потребовало посылки на Кизляр 500 казаков, в 1770 г. потребовало 334 казака в Московский легион, настаивая на выполнении этого требования путем очередей и проводя одновременно аресты вождей войсковой группы. Отсюда борьба казаков, в начале направленная против ставленника правительства и сторонника старшинской партии Бородина, все больше переходила в борьбу против всей линии правительства. При этом по мере усложнения борьбы изменялись и ее формы. Казаки, начав с прошений, переходили к освобождению арестованных (Кирпичников с 22 казаками в 1770 г.) и к открытой вооруженной борьбе (19 января 1772 г.).

Основным моментом, вокруг которого развернулась вся борьба и развитие которого обусловило ее обострение, была эксплоатация казаков на основе использования политической власти. В первой своей фазе борьба против Бородина вылилась в борьбу за его смещение (1762—65 г.г.). С 1767 г. борьба ведется уже против выполнения предписаний правительства о посылке на Кизляр в порядке очереди 500 человек казаков. Высшей своей стадии она достигает в 1768 г.— перевыборы атамана и выдвижение на его место кандидата войсковой стороны Тамбовцева. В 1769 г. со стороны правительства было предъявлено требование о выделении из каждой сотни по 17 человек казаков в резервные части, а в начале 1770 г. оно потребовало

334 человека для формирующегося в Симбирске (Московского) легиона. Борьба развернулась уже под лозунгом „против регулярства“, „против очередности“ против превращения казака в солдата. И характерно, что вопрос о старшинах, игравший некоторую роль до 1768 г., в этот последний период снимается с порядка дня. Казаки прямо писали, — пусть будет по-старому, назначьте только хорошего чиновника из Петербурга.

В состоянии войны с Траубенбергом, добивавшимся усмирения казаков, последние находились уже с июня 1771 г.; их ловили, арестовывали, они отбивались, освобождали арестованных, а главное — скрывались на своих хуторах. С наступлением зимы и концентрацией казаков в Яицком городке вопрос о борьбе встал еще острее. 9 января 1772 г. началась уже настоящая война, весь город был занят казаками, ими же охранялись проходы, а 13 января, отслужив молебен, казаки двинулись к войсковой избе, где в схватке был убит Траубенберг. Дальнейшее — посылка карательной экспедиции Фреймана, неудавшаяся попытка оказать ему сопротивление — было уже разгромом локального казацкого движения. Казаки скрывались в степи, не получали денежного жалованья; пойманных судили, казнили, отправляли на каторгу и т. д. Но в этот период, вплоть до сентября 1773 г., среди казаков, при участии Пугачева, уже зрел другой план, план борьбы со всей системой, на основе использования не только сил бунтовавших казаков, но и сил всей системы.

Как видим, характерна для движения казаков этого периода вовсе не местная борьба, а, наоборот, борьба на основе местных сил против затягивавшейся петли крепостной системы — поборы, „регулярство“, назначение атамана,— которая, усиливая эксплоатацию, ставила предел их самостоятельному экономическому развитию. Только в свете этого можно понять, во-первых, почему усилия войсковой стороны

были направлены на борьбу с центральным правительством, а во-вторых, почему эта борьба, поражения войсковой стороны в этой борьбе подготовили почву для перенесения ее за пределы войска уральского.

Анализ противоречий в районе Урала позволяет сделать три вывода.

1. Этот район с примыкающим к нему средним течением Волги был, с одной стороны, районом наиболее развитых товарно-денежных отношений, а с другой— районом наиболее сильного давления крепостнической системы во главе с государственной властью; поэтому здесь наиболее сильно развились противоречия, и направлялись они непосредственно на крепостническое государство.

2. В районе Урала имелось наиболее благоприятное сочетание классовых сил, с точки зрения организованной борьбы их со всей системой. С одной стороны, горнозаводский и примыкающий к нему волжский пролетариат, обладающий материальной базой борьбы, оружием и металлом, с другой — национальное движение инородческого населения, башкир и примыкающих к ним татар, с третьей стороны — своеобразное свободное крестьянство, низы казаков, не разучившиеся (как это было в центре) пользоваться оружием и обладающие навыками военно-стратегической борьбы.

3. Главным и основным качеством всех этих сил было то, что они, помимо своей способности к организованной борьбе, имели за спиной громадный опыт борьбы с правительством, опыт, который позволил им не только самим подняться, но и развернуть борьбу в национальном масштабе.

Эти три обстоятельства обусловили тот факт, что восстание началось именно на Урале в районе Урала и Оренбурга.

II. Общий ход революции — стратегия и тактика борющихся сил.

А. Начало движения.

Фактором, обусловившим создание непосредственно-революционной ситуации и превращение ее в революцию, явилась война 1769—1774 г.г. Даже в условиях сравнительно слабой связи отдельных районов между собой и всей страны с международным рынком, при преобладании натуральных отношений, влияние войны было настолько велико, что его можно проследить буквально на всех сторонах хозяйственной жизни.

Возьмем внешнюю торговлю. Развитие ее за эти годы характеризуется следующими цифрами:[1]

Годы	Ввоз в тыс. руб.	В проц. к. 1770 г.	Вывоз в тыс. руб.	В проц. к 1770 г.	Хлебн. вывоз в тыс. четв.	В процент. к 1771 г.
1770	11.374,2	1000	14.989,1	100	—	—
1771	10.726.8	93,5	17.136,3	115	2.163,8	100
1772	15.562,6	137,6	15.670,3	105	3.416,9	162
1773	13.571,4	119,0	18.141.6	121	1.951,8	90
1774	13.595,9	119,0	17.603,9	117	—	—

В то время, как в предшествующие годы имелся ежегодный прирост не менее чем на 10%, в рассматриваемый период мы видим чрезвычайно колеблющиеся цифры внешней торговли — по ввозу в пределах 40%, по вывозу — 20%, а по хлебу до 70% при общем росте за 5 лет для вывоза на 17% и ввоза на 19% и при сокращении вывоза хлеба на 10%. Сильно сократилась внутренняя торговля — так, сбор пошлины в орен-

[1] Чулков, указ. соч., т. VII, книга I, приложение.

бургской таможне равнялся (в тыс. руб.): в 1768 г.— 65, 1769 г. — 64,5, 1770 г. — 43,8, 1771 г. — 49,[1] 1772 г.— 60,8, 1773 г. — 55,1.[2] Перед нами, таким образом, картина беспрерывного падения, в то время как в предшествующие годы Оренбург развивался бешеным темпом.

Кризис с особой силой ударил по производственной мощи крестьянского хозяйства. Вывоз льна и холста в сильнейшей степени падает. Вывоз холста с 1768 по 1773 г. упал с 4.905,9 тыс. арш. до 2.220, 2 тыс. арш., льна с 804, 5 тыс. пуд. до 583,7 тыс. пуд.[3] Пострадало и производство хлеба: сообщения воронежского губернатора канцелярии опекунства иностранцев, астраханского губернатора гр. Панину в 1774 г. о „прошлом 1773 г. в Саратовской колонии неурожаю", о том, что в 1771—72—73 г.г. „хлеб весь в раздаче партикулярным людям",[4] „о прошедшем лете неурожаю" — говорят о том, что, видимо, часть района была поражена неурожаем уже в 1773 г. Если еще вспомнить о разразившейся в 1.771—72 г. г. чуме, то картина расстройства экономической деятельности будет налицо.

Что касается политических настроений верхов и низов, политической обстановки, то ее довольно верно схватил знаток рассматриваемой эпохи Дубровин. Он следующим образом характеризует положение в 1773 г.: „Недавний раздел Польши возбудил зависть держав, не принимавших участия, и вызвал интриги, в особенности со стороны Франции; со Швецией отношения были натянуты, пришлось принимать меры на случай наступательных действий... Пятый год война с Турцией, потери не столько от сражений, сколько от климата... В течение всего года в Петербурге происходила борьба партий... Рекрутские наборы вызывали ропот населения.

[1] Чулков, указ. соч., т. II. кн. III, стр. 268.
[2] Там же, т. VII, кн. I.
[3] Там же.
[4] „Пугачевщина", т. II, № 16, 18, 20.

Поход Румянцева за Дунай неудачен... попытка громом победы заглушить борьбу не удалась".[1] Картина почти фотографическая. В условиях расстройства экономики, осложнений в международных отношениях, в условиях резкого ухудшения положения масс вполне понятными становятся и трения в верхушке господствующего класса и ропот со стороны низов. Поскольку по господствующей системе бил еще добавочно „гром поражений", дезорганизующий ее, поскольку эти поражения раскрывали перед массами гнилость и бессилие правительства,— возникла революция.

Теперь, после опубликования архива Пугачева, определенно можно утверждать, что Емельян Пугачев не только не искатель приключений, но и не случайная личность в движении — он был действительным вождем движения, его лучшим организатором. Буржуазные историки, с целью умалить возглавлявшееся им движение, довольно сильно напирали на то, что Пугачев неграмотный, что он просто беглый казак. На самом деле факты говорят прямо обратное относительно, того и другого.

Такие близкие к Пугачеву люди, как Чика-Зарубин, Шигаев, с самого начала принимавшие участие в движении, организовавшие его вместе с ним, уже при вторичных допросах на вопрос об уменьи Пугачева писать отвечали: „о умении писать подлинно сказать не может" (Шигаев), „писал... прямым письмом" (Зарубин).[1] Во время своего пребывания в 1772 г. на хуторе яицкого казака Оболяева Степана („Еремина Курица") Пугачев сам однажды предложил присутствующим послушать, что он будет читать. „Ну, хорошо,— отвечали присутствующие и сели рядом".[2] Едва ли найдется человек, который в момент, когда он берет на себя возглавление, восстания, взялся бы сам за такое дело, которое его

[1] Дубровин, указ. соч. т. II, стр. 54.
[2] „Пугачевщина", т. II, № 32, 41.
[3] Дубровин, указ. соч., т. I. стр. 177.

явно дискредитирует. Те каракули, которые обыкновенно приводятся в литературе в доказательство неумения Пугачева писать, независимо от того, кто их в действительности писал, все же показывают совершенно ясно, что писал их человек грамотный, ибо неграмотный не сумеет даже крючки писать в строчку, тем паче крючки правильные, однородные.

Так же разлетается в прах и вторая легенда — о случайном беглом казаке. Уже около 1768 г. мы видим Пугачева среди приписных крестьян Авзяно-Петровского завода, села Котловки, где он был 5 дней и затем, закупив дегтя и холстов от разных крестьян, отправился вниз по реке Каме к Царицыну.[1] В 1772 г. он оказывается среди волжских казаков, в Дубовской станице, где, видимо, ведет агитационную работу, ибо 9 февраля 1772 г. его арестовывают. Освободившись 13 февраля того же года, он бежит на Яик, где завязывает с казаками связи, выслушивает их жалобы на притеснения правительства „объявляет", что он государь, и обещает прибыть к весне будущего года. Каковы были результаты его пребывания среди яицких казаков, видно из показаний Зарубина: „И пошла, говорит он, молва, что государь был у Пьянова... в доме... и как сойдемся... все думали и дожидались весны (1773 г.), вот будет у нас государь".[2] После этого Пугачев, повидимому, снова отправился прощупывать настроение и завязывать связи в уральском районе, но был пойман и отправлен в казанскую тюрьму, откуда летом 1773 г. бежал (из-под конвоя по дороге к священнику).[3] Человек, который в течение 6 лет изучал положение, завязывал связи, за год до восстания уже начал вести организационную подготовку восстания, не мог быть случайным человеком. Будь в нашем распоряжении все материалы, мы, без

---

[1] „Пугачевщина", т. II, № 59.
[2] Там же, № 41.
[3] Дубровин, указ. соч., т. I стр. 156—172.

сомнения, не только увидели бы Пугачева в этот период его деятельности, мы смогли бы проследить все связи, которые он устанавливал, ознакомиться с настроениями и жалобами, которые он собирал и изучал.

Покровский, опровергая легенду о Пугачеве, как случайной личности, объявил его купцом, торговавшим с восточными народами. Однако, это едва ли правильно. Тот факт, что Пугачев закупал товары у крестъян Авзяно-Петровского завода, еще не говорит о том, что он был купец-профессионал. Это могло быть, и по моему мнению и было, только формой прикрытия настоящей цели путешествия; не даром Карася, у которого Пугачев ночевал, он впоследствии назначил генералом.

С другой стороны, имеется ряд данных, которые опровергают мнение Покровского. Пугачев был великолепный артиллерист. „Пушки,— говорит Падуров,— он направлял большей частью сам“, [1] а ведь пушки пугачевской армии, как ивестно, били неизвестным тогда еще в русской армии наводным огнем. Подготовляясь к решительному столкновению с войсками правительства под Татищевой крепостью (22 марта 1774 г.) Пугачев в короткое время превратил ее из развалин в великолепно укрепленный пункт. Он сам руководил всей работой, сам расставлял орудия, обозначил вокруг крепости колышками район поражения огня артиллерии, установил такую дисциплину, что была абсолютная тишина, и т. д. и. т. п. [2] Купец ничего подобного сделать бы не мог, не мог, во всяким случае, знать так хорошо детали военного строя.

Если к сказанному присоединить великолепное знание настроений масс, уменье выбросить лозунги, зовущие их на борьбу, учесть в борьбе не только состояние внутренних сил, но и настроения за границей („довольно уже наполнена была Россия о нашем от

[1] „Пугачевщина“, т. II, № 60.
[2] Дубровин. указ. соч., т. II, стр. 298.

злодеев (главных сенаторов и дворян} укрытии вероятным слухам, но и иностранные государства не безызвестны“ — писал он донцам), то приходится сделать повод о том, что это был не рядовой человек, не рядовой беглый казак, не купец. По имеющимся материалам трудно установить, кто был Пугачев, как шло его развитие, какие были у него связи до начала восстания, но этих материалов вполне достаточно, чтобы рассеять легенды о нем.

Движение началось в том районе, где в течение предшествующих десяти лет шла беспрерывная борьба, достигшая в 1772 г. высшей своей формы — вооруженной борьбы. Казаки яицкого войска, разгромленные Фрейманом, были частью в бегах по яицким хуторам, частью находились под арестом и направлялись в ссылку в Сибирь. И те и другие готовились к борьбе. Между 31 августа и 14 сентября 1773 г. 144 человека казаков были отправлены небольшими партиями в ссылку в Сибирь.[1] Правительство и его местные агенты больше всего боялись, как бы они по дороге не вели пропаганды. И их опасения вполне оправдались. Логинов, например, открыто объявлял себя полковником, а детей своих капитанами; ряд деревень, по которым проходили ссыльные, знал о появлении Пугачева, несмотря на все предосторожности. Насколько широко была развита работа ссыльными казаками, какую благодарную почву среди населения находила их агитация, показывает, например, такой факт: житель Посельничьей слободы деревни Калмановой (Сибирь) Федор Самсон после ночлега у него казаков сам начал широко распространять сведения о движении Пугачева. Правительсту пришлось дать предписание о его поимке и направлении в Тобольск.

В то время, как ссыльная часть казаков вела агитацию в кандалах и под конвоем, другая, оставшаяся, часть организовывала силы для борьбы. 17 сентября

[1] „Пугачевщина“, т. II, № 97—104.

1773 г. Пугачёв манифестом „объявил" себя императором всероссийским и, жалуя вольности казакам, „калмыкам и татарам", призывал их стоять за „свое отечество". [1]

Попытки разгрома сил Пугачева 18 сентября под Яиком привели лишь к тому, что большая часть войска открыто перешла на сторону Пугачева. Не теряя времени на взятие Яицкого городка, Пугачев двинулся с собранными силами по форпостам (форпост — 20-25 человек при одном орудии) и в короткое время занял ряд крепостей — Илецкий городок, Рассыпную, Нижне-Озерную, а 27 сентября уже взял одну из сильнейших крепостей, Татищеву, с гарнизоном в 1000 человек при 13 орудиях. Дальнейшее движение — взятие Красногорской крепости, занятие Сакмарска 2 октября — приводит к тому, что пугачевская армия уже 4 октября осаждает Оренбург, в котором было более 2.000 войска при 70 орудиях.

Спрашивается, чем объяснить такой головокружительный успех? Только тем, что движению была обеспечена поддержка масс. Занятие крепостей, за исключением Татищевой, было, в сущности говоря, торжественным въездом, встречей пугачевской армии с хлебом и солью. Под Татищевой к Пугачеву сразу примкнул отряд ставропольских калмыков в 500 человек, и перешел на его сторону, на глазах всей крепости, высланный против него отряд во главе с Падуровым. Но движение Яик—Оренбург имеет и другое значение оно вскрывает организационный и тактический план Пугачева. Двигаясь к Оренбургу, он собрал по дороге мощный и в материальном отношении кулак для армии революции, разрушив в то же время организационную связь местного аппарата контр-революции: Оренбург — главнейший, центральный пункт округа — оказался отрезанным от периферии.

В литературе идет спор, правильно ли сделал

[1] „Пугачевщина", т. I, № 1.

Пугачев, двинувшись от Татищевой крепости к Оренбургу, а не к Казани. Некоторые исследователи видят в этом проявление местной ограниченности движения, неуменье казаков оторваться от интересов своего округа и т. д. Взгляд этот неправилен, потому что Пугачев уже в первом своем манифесте призывал бороться за свое отечество, имел прямое намерение итти в Москву, и казаки об этом знали.[1] Казаки могли отказаться от взятия Яицкого городка. Но двинуться от Татищевой к Казани, а не к Оренбургу значило оставить в тылу сильнейшего противника, оставить в тот момент, когда движение только стягивало силы, когда только создавалась возможность организовать усилия масс на борьбу со всей системой. Дезорганизация сил конт-революции в Оренбургском районе и осада самого Оренбурга давали движению возможность вырваться из узкого круга яицкого района и борющихся на Яике сил, перейти к борьбе со всей системой, к мобилизации сил для этой борьбы вокруг организованной под Оренбургом армии крестьянской революции.

После разгрома местных сил в Оренбургском районе движение перешло в высшую стадию борьбы с силами всей системы,—из местного яицкого движения оно переросло в национальную революцию. Это и было осуществившееся начало плана.

Б. Первый этап революции — совместная борьба революционных сил района Оренбург — Урал.

Первый этап движения охватывает собой период от 4 октября 1773 г. до 1 апреля 1774 г. Основными действующими силами на стороне революции являются: войсковая часть казачества, горнозаводские рабочие (приписные и мастеровые) и инородцы, главным, образом, башкиры. Прорвавшееся к Оренбургу казацкое движение стало центром мобилизации и стягивания ре-

[1] „Пугачевщина, т. II, № 34.

волюционных сил. Присоединение башкир обеспечило последним огромнейший численный перевес, присоединение горнозаводского Урала дало армии материальную базу — вооружение. Движение сравнительно быстро разбивает мелкие местные силы, заставляя остальные укрыться в двух центральных пунктах — Оренбурге и Уфе. Но продолжающееся в течение всего этого периода стягивание сил контр-революции ведет к тому, что к концу его на стороне контр-революции создается количественный и качественный перевес сил. В решительных столкновениях революционной армии с силами правительства она терпит поражение, в результате которого из строя выбывает в качестве активной силы все казачество, за исключением его активной верхушки, и национальное движение, как единое движение. Перед революционным штабом встал вопрос о перенесении борьбы в другой район, район благоприятного сочетания других классовых сил. Такова общая характеристика первого этапа.

В целях получения более ясного представления о развитии движения на этом этапе, мы разбиваем его на два периода: первый период — с 4 октября 1773 г. по 1 января 1774 г., и период накопления сил как со стороны революции так и со стороны контр-революции, и второй период — с 1 января по 1 апреля 1774 г., период решительной схватки.

Начиная с 1 октября Пугачев и его штаб развертывают огромную агитационную работу среди населения. Программа, формулированная в манифесте яицким казакам чрезвычайно сжато принимает развернутую форму, дополняясь новыми требованиями для националов и крестьян; самые „жалования" приобретают более боевой характер, они призывают массы к активной борьбе со всей системой. „Пожаловал сим награждением: землею, рыбными ловлями, лесом, бобровыми гонами и прочими угодиями, также вольностью", [1] — писал

[1] „Пугачевщина", т. I, № 13.

Пугачев крестьянам; „верою и законом вашим, свинцом и порохом“ [1] — дополнял он в отношении башкир и в качестве средства борьбы предлагал: „и оное ваше в войске и генералов и бояр не послушали б“; „никогда ни от кого не бойтесь и моего неприятеля не слушайтесь“; „когда кто на приказания боярские в скором времени... изменит... таковые благодеяния моего не ожидайте“ [2] и т. д. и т. п. К распространению манифеста привлекается весь организационный аппарат периферии: „а кто ж сей мой... указ получит в свои руки, тот бы в тот же час... из городу в город, из жительства в жительство пересылал и об оном... моем милосердии объяснял“, [3] „в губерниях, городах и во всяких жительствах всенародно публикуеца“. [4] Судя по изданным материалам, это был период самый интенсивной пропаганды взглядов пугачевщины; так, выпуск 13 из дошедших до нас 22 манифестов падает на рассматриваемый период. Достигнутая локальная победа, прорыв с Яика к Оренбургу используется штабом революции для собирания сил.

В движение втягиваются новые массы. Уже к 20 ноября Башкирия была настолько растревожена, что 24 ноября 500 человек башкир появилось под Уфой, а 29-го Уфа окружена была уже башкирами. По заводам Урала распространялся манифест от 17 октября к Авзяно-Петровскому заводу, заводы один за другим переходили на сторону Пугачева. Крестьянство Оренбургской губернии принимается за помещичьи имения — на расстоянии 100—250 верст от Оренбурга помещики вынуждены были бегством спасаться от крестьян и небольших отрядов пугачевцев. [5] О программе пугачевщины узнает крестьянство даже таких отдаленных от театра действий

---

[1] „Пугачевщина“, № 4.
[2] Там же, №№ 3, 7, 9.
[3] Там же, № 13.
[4] Там же, № 16.
[5] Дубровин, указ. соч., т. II, стр. 82.

районов, как Нижегородская, Пензенская и Московская губернии. „От Саратова до Пензы все крестьяне, как государственные, так и помещичьи, уверяли курьера Полубояринова, что Петр III жив“. Слухи среди крестьянства принимают столь широкое распространение, что член следственной комиссии Маврин пишет: „торопясь скорее прибыть в Казань, некогда было всем буянам и придерзателям делать примечания и оных забирая отсылать к начальникам... невозможно по причине множества их“.[1] Городские низы даже таких центров, как Москва и Петербург, говорили, хотя и не открыто, по кабакам про Пугачева.

Состояние правительственных войск лучше всего характеризуется донесениями Бибикова: „Вместо боя от нерегулярных вооруженных крестьян выходит с бунтовщиками дружеский разговор... многие же при первом выстреле из пушек бегают к злодеям“, „здешние гарнизоны всего боятца, никуда носа не смеют показать“.[2]

В виду такого широкого втягивания масс в движение среди местного дворянства началось повальное бегство из-под Оренбурга и Казани в Москву.

Руководящий штаб движения проводит целый ряд мероприятий по организационному закреплению активности масс. В центре организуется военная коллегия из шести человек, ведающая стратегическими и тактическими вопросами движения, формированием отрядов, снабжением войск, административным управлением и т. д. В армии было введено полковое и ротное деление, при чем, судя по сопроводительным,[3] имелись и ротные списки. Комплектование полков проводится по национальному и производственному принципу — Дербетов командовал полком ставропольких калмыков,

---

[1] Дубровин, указ. соч., стр. 181.

[2] Там же, стр. 345; А. С. Пушкин — „История Пугачевского бунта“, стр. 134.

[3] „Пугачевщина“, т. I, № 79.

Овчинников — яицких казаков, Хлопуша — полком рабочих и т. д. Большое организационное значение приобретает практика посылки уполномоченных от военной коллегии; так, около 10 октября на заводы посылается Хлопуша, 14-го — к калмыкам Лысов и к яицким казакам Шилов, в декабре в Ногайбацкую крепость Тарнов, в Уфу — Зарубин. Эта практика, видимо, была гораздо шире, чем мы о ней знаем. Посланные эмиссары являлись организаторами движения на местах.

Низшие административные центры формируются в виде земских изб. Имеющийся материал говорит о том, что они сосредоточивали в себе не только гражданские, но и военные функции; так, на адрес осинской земской избы встречаются рапорты местных командиров. Заводская администрация заменяется выборными от рабочих правлениями и всем аппаратом служащих, самые заводы становятся, помимо производственных, и военными центрами.

С распространением движения выделяются крупные группы, объединяющие целые районы и руководящие движением в них: так, Чика - Зарубин сосредоточивает всю полноту власти в районе Урала, атаман Арапов в районе Самары. В свою очередь группы, — особенно это видно на уфимской, — приобретают значение самостоятельных штабов не только в тактическом, но и в стратегическом отношении: прибыв под Уфу, Зарубин выделил из состава своей армии две боевые группы, одну, под начальством Грязнова, направил в Кунгур, а другую, под начальством Кузнецова, в район Челябинска.

Присоединение заводов используется по двум линиям: по линии комплектования личного состава войск и по линии технического снабжения их — пушками, снарядами, копьями и т. д. Указ № 10 к Авзяно-Петровскому заводу и №№ 36 и 46 на Воскресенский завод содержат поручения доставить мортиры, бомбы, исправить вооружение. С наступлением зимы выдвинулся специальный вопрос о снабжении хлебом; в при-

казе Арапову от 16 декабря предписывается обмолотить и доставить барский хлеб. Со стороны населения продовольствие доставляется при помощи фуражиров, при чем население, по признанию самой оренбургской следственной комиссии, это делало „без чувств жалости".

Фронт военных действий состоял из трех ударных групп — оренбургской, осаждавшей Оренбург с 4 октября в продолжение всего периода, во главе с Пугачевым, уфимской, осаждавшей Уфу с 29 ноября в продолжение всего периода, во главе с Чернышевым-Зарубиным, и группы Арапова на линии Самара — Бузулук. Кроме того, имелось значительное число мелких боевых объединений.

Общий ход военных операций развивался вокруг первых двух ударных групп. Устойчивость Оренбурга и Уфы настолько определилась, что уже никакие увещавания, угрозы и обещания на осажденных не действовали. Не имея возможности сломить осажденных, пугачевская армия сравнительно легко справлялась с отрядами местных войск. Самым интересным из этих столкновений был последовательный разгром Пугачевым — 9,13 и 28 ноября — целой армии численностю около $3^1/_2$ тысяч человек, в виде трех отрядов — Кара, Чернышева и Заева.

Судьба этих трех отрядов может объяснить многое в тактике Пугачева, в частности, оренбургского периода. Если разрозренность, локальность являются одной из причин поражения крестьянских движений, то при умелом руководстве организованное крестьянское движение может поставить в такое же положение противника. Кар, отправленный из Петербурга для умиротворения, боялся только одного — как бы Пугачев не убежал без боя. „Опасаюсь только того, что сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бегство". Не потрудившись завязать связей с отрядом Чернышева и армией Деколонга, Кар в ночь

с 8 на 9 был неожиданно окружен „разбойниками" и должен был в сильнейший мороз, под обстрелом пушек, построившись в карре, отступать 17 верст имея в своем распоряжении 1.500 чел. войска. Отряд Чернышева численностю в 1.300 чел. 13 ноября вышел из Черноречинской крепости, имея в качестве проводников захваченных в плен пугачевцев; подойдя на утро к самому стану Пугачева и будучи застигнут врасплох, он вынужден был сдаться в плен. Отряд Заева 29 ноября был разгромлен при попытке пойти на выручку к Оренбургу, при Ильинской крепости.

Почему же, несмотря на такие блестящие победы, на наличие огромнейшей и технически недурно вооруженной армии (у Пугачева под Оренбургом было 70 орудий), при таких тактиках, как сам Пугачев, Хлопуша, Зарубин, действия и под Оренбургом и под Уфой вынуждены были ограничиваться только осадой?

В одном из своих донесений Кар писал, что у него нет конницы, а с пехотой ничего не сделаешь. Пугачев с таким же успехом мог сказать, что у него нет пехоты, а с одной конницей крепостей не берут. Отступить ни та ни другая сторона не могли, не подвергая себя опасности разгрома; взять верх тоже не могла ни та, ни другая группа. Отсюда затяжная осада.

Выхода было два: или отступить и перенести театр действий за Волгу, потеряв тем самым техническую базу Урала и конницу башкир и казаков, или строить тактику на разгроме отдельных отрядов правительственных войск, а осажденных брать измором. Но такая тактика, несмотря на блестящие успехи пугачевщины, оказала серьезное влияние на исход всей борьбы на этом этапе движения.

Проследим бегло мероприятия правительства. 18 октября Фейервар писал Чернышеву: „Мы подобны здесь стадам без пастыря: всякий старается да ничего не успевает... Покорно прошу ваше сиятельство отправить надежного генерала, который мог бы своим авто-

ритетом... здесь порядок завести".[1] Хороший авторитетный генерал, действительно, был нужен, ибо Рейнсдорп, например, уже будучи окружен в Оренбурге, не только отказался от войск, направленних по распоряжению Фейервара из Сибири (13—15 октября), но и сделал ему строгий выговор за самочинные действия. Но что суть дела заключалась не в одном хорошем генерале, лучше всего видно из того положения, которое застал Бибиков, прибыв в Казань 26 декабря. „Что за причина, что вы стали так нерешительны... все идет у вас навыворот, нет строгости..." — спрашивал Бибиков Брандта (казанский губернатор). „Что же мне делать, на кого опереться, все меня обманывают", — отвечал Брандт.[2] Местная власть перестала быть сколько-нибудь существенным фактором в подавлении движения в рассматриваемый период, и корни этого нужно искать вовсе не в трусости или в нежелании подчиняться. Полковник Бибиков писал генерал-аншефу Бибикову: „На всех заводах были орудия и достаточно запасов снарядов, но можно ли от своих врагов быть где-нибудь в безопасности?".[3] Массовое движение совершено дезорганизовало и деморализовало местные организации правительства.

Единственной силой оставалась центральная власть. В ее поведении в рассматриваемый период резко различаются две полосы. До 28 ноября правительство смотрит на восставших, как на большую разбойничью шайку, и разрабатывает мероприятия, исходя из положения, что дело можно поправить при помощи умного генерала и одного-двух отрядов войск. 14 октября для усмирения мятежа был направлен Кар с заданием, — используя посланные и местные войска, вооружив башкир и т. п., переловить мятежников. Из центральных губерний посланы были одна рота гренадер Том-

---

[1] Дубровин, указ. соч., т. II, стр. 70.
[2] Там же, стр. 226.
[3] Там же, стр. 242.

ского полка, два гусарских эскадрона, 4 легких полевых команды и 700 чел. башкир из Польши. 16 октября был отпечатан манифест, призывавший к борьбе против вора и мятежника Пугачева.

Для оценки правительством движения характерно, что на заседании Государственного совета 15 октября слова манифеста, где Пугачев сравнивался с „Гришкой расстригой“, были опущены, как недостойное сравнение, а манифест отпечатан был не больше, как в 200 экземплярах, исключительно для местностей, охваченных мятежом. При посылке войск старались, чтобы целые части не отправлялись и чтобы солдаты не знали, зачем их посылают. Замолчать движение, принять меры, чтобы среди „общества“ и в международных кругах не создалось мнение о нем, как о чем-то важном,— такова была линия правительства. Результаты ее мы знаем: Кар был разбит, его просьбы о скорейшей присылке кавалерии и полевой артиллерии не получали быстрого удовлетворения, и старик под предлогом болезни 23 ноября выехал из Казани, а 30-го был уже в Москве.

Приезд Кара сразу заставил насторожиться правительственную верхушку. Первое, что сочли нужным сделать, это заклеймить позором поступок Кара. „Чтобы он (Кар) не дерзнул и показаться на глаза и ехать в Петербург“,[1] — писала Екатерина Волконскому. Второй задачей было заглушить разговоры среди московского общества: „а если по Москве от его приезда болтания умножились, то обновите из Сената указы старые о неболтании“.

28 ноября в район восстания назначается Бибиков с правом сосредоточения всей полноты гражданской и военной власти в своих руках. В помощь Бибикову выделяется секретная комиссия из пяти человек, посылается целый ряд видных генералов и поручиков и т. д. 27 ноября отправляются два пехотные полка и один полк и три эскадрона гусар. 9 декабря на за-

[1] Дубровин, указ. соч., т. II, стр. 161.

седании Государственного совета принимается указ о предосторожностях, требующий, чтобы каждый помещик наблюдал за своими крестьянами, чтобы сельская администрация задерживала всех шатающихся „бродяг“, не допускала ночевать подозрительных и т. д. Словом, на ноги был поднят весь аппарат сверху донизу. Издается два манифеста (28 ноября и 28 декабря) к населению, при чем в последнем правительство уже сочло нужным сравнить Пугачева с „Гришкой-расстригой“.

Из более мелких мероприятий правительства надо отметить комедию перевоза жены и детей Пугачева с Дона в Казань. Вяземский писал Лунину: „не худо, чтоб пускать ее ходить и чтоб была в народе, а паче черни могла рассказывать, кто Пугачев и что она его жена“. [1] И как бы чувствуя всю фальшь такой меры, добавлял: „Сие однакож надлежит сделать с манерою, чтобы не могло показаться с нашей стороны ложным уверением... Чтобы она, ходя, будто сама рассказывала о нем кому кстати будет“. Бибикову было поручено объявить, что за поимку Пугачева будет выдано 10 тысяч рублей.

Принимая целый ряд мер организационного, административного, военного и агитационного характера, правительство, под влиянием растущих симпатий низов к пугачевщине, приступило к мобилизации всех классовых сил. От замалчивания бунта от „общества“ оно перешло к разъяснению классовой сущности пугачевщины. Первый шаг в этом направлении поручено было проделать Бибикову. В указе Екатерины о назначении Бибикова ему поручалось разъяснить дворянству смысл пугачевщины и призвать его к защите кровных дворянских интересов, изобразив все это яркими красками. Резолюция казанского дворянства в ответ на речь Бибикова от 1 января, выражающая готовность служить жизнью и имением отечеству и императрице, постановление об организации дворян-

[1] Дубровин, указ. соч., т. II, стр. 245.

ского вооруженного конного корпуса служат доказательством, что борьба с пугачевщиной перешла в новый фазис. Объявление императрицы себя „казанской помещицей" являлось первым шагом к ликвидации наметившейся перед пугачевщиной семейной ссоры между правительством и дворянством.

Нельзя, наконец, обойти молчанием политику правительства по отношению к купцам и торговым людям вообще. В упоминавшемся выше указе о предосторожностях правительство писало: „Проезжающим через селения дворянам, купцам и крестьянам, едущим... за собственными нуждами никаких притеснений не чинить и... ночлег давать",[1] а в манифесте от 22 февраля, изданном в ответ на приветственный адрес казанского дворянства, Екатерина восхваляла, как заслуживающий особого поощрения, поступок казанского дворянства и купечества (казанский магистрат взял на себя содержание гусарского эскадрона). Манифест должен был быть прочитан во всех церквах.

Результаты первого периода движения сводились к следующему: 1) и революция и контр-революция вполне развернули свою программу; 2) и революция и контр-революция из первого периода выходили в организационном и военном отношении укрепленными; 3) перед революцией в итоге первого периода стояли не местные правительственные и даже не местные контрреволюционные силы — перед нею встало центральное правительство, не только мобилизовавшее свой аппарат, но и приступившее к мобилизации дворянства и буржуазии; 4) в военном отношении пугачевской армии предстояло столкнуться не с местными, а с настоящими правительственными регулярными войсками.

С начала января по 1 апреля движение переживало задержку в росте активных сил, и в то же время его сжимало кольцо правительственных войск.

Район активного революционного движения оста-

[1] А. С. Пушкин, „История пугачевского бунта", ч. II стр. 9.

ется тот же или почти тот же, что и в предшествующий период. Выделившаяся группа Белобородова заканчивала процесс привлечения на сторону революции уральских заводов. В Исетской провинции в районе Долматова монастыря и города Кургана развивается крестьянское движение в присущей ему организационной форме — в виде отрядов партизан, под руководством атаманов Ражева и Новогородова, есаула Буцева и других. Движение Белобородова являлось продолжением знакомого нам движения горнозаводского населения. Белобородов брал заводы, скорее используя активную часть имеющихся сил, чем содействуя росту этой активной части. Движение же партизан, хотя и достигало временами значительных размеров, не могло сколько-нибудь серьезно изменить общей картины.

Две громадные группы в районе Оренбурга и Уфы, разгром всех местных сколько-нибудь серьезных противников внутри охваченного района — таково было положение.

Бороться в районе движения массам было уже не с кем, хотя осада Уфы и Оренбурга связывала активные силы. Контр-революции нет, хотя она, запершись в Оренбурге и Уфе, требует для своей осады громаднейшего напряжения. Контр-революции нет, хотя из Москвы, Воронежа, Царицына, Тобольска и т. д. она стягивает свои силы. Таково было основное противоречие в стане революции. От охваченных движением масс требовалась огромнейшая выдержка, чтобы не успокоиться на достигнутых победах, не потерять перспектив борьбы и не заняться устройством своей собственной жизни. Многоснежная зима, недостаток хлеба были еще осложняющими положение обстоятельствами.

Имеющиеся документы, относящиеся к этому периоду, говорят об огромнейшей работе, проделанной в это время всеми более или менее активными участни-

ками движения. Декларирование общих принципов, их пропаганда, составляющая характерный момент первого периода, отсутствует — вся энергия направлена на организационную работу. От созданного в борьбе организационного аппарата требуется теперь четкость выполнения заданий и внимательное отношение к населению. „Над оными соляной и винной продажами иметь обстоятельное... смотрение, дабы в соли обвесу, а в вине обмеру и подмесу чинено не было под опасением за неисполнение неопускаемого штрафа“,[1] — писал Кузнецов Чугвинцеву 18 января 1774 г. „Дав подводной гоньбе без видов кто будет требовать, чтобы отнюдь праздно не давать. По сему чинить... непременное исполнение“,[2] — писала военная коллегия тому же Чугвинцеву. „В жительствах казакам никаких обид, налог и препятствий не чинить, ко взяткам кроме съестного припаса не касаться под опасением смертной казни“.[3]

Что эти мероприятия не были пустыми фразами, а действительно проводились, показывает тот факт, что „Белобородов заковал представителей Пугачева, приехавших для связи, но занимавшихся грабежом“.[4] По поводу кражи из челябинской походной полковой канцелярии дьячком Земляницыным 1 рубля 31 копейки возникает целая переписка.[5] От приказчиков по продаже соли требуют записи сумм в книги. Целый ряд документов говорит о мероприятиях по линии борьбы с голодом. „По просьбе войска Яицкого .. отпустить... из имеющего в вашей крепости казенного магазина провианту 250 четвертей... в наличности иметь для обывательских необходимостей 50 четвертей“.[6]

---

1 „Пугачавщина“, № 122.
2 Там же, № 28.
3 Там же, № 75.
4 Томсинский, „Красная новь“, № 2, 1925, стр. 167.
5 „Пугачевщина“, № 136 — 137.
6 Там же, № 53.

От февраля месяца имеется приказ о выдаче хлеба миченским татарам. Носков в наставлении Воткинскому заводу писал, чтобы провиант выдавали „согласно семей“, чтобы оставшимся женам с детьми выдавали такую же норму, как и остальным.

Не нужно думать, что Пугачев только раздавал хлеб, — он его собирал и, вероятно, в гораздо большей степени. Вот характерный с этой точки зрения документ: атаман Туманов пишет „казаку“ донскому „Получа сей, имеешь ты ехать... в деревню Першину, Долу, Баландину... выкомандировать с каждого двора по возу сена, овса по каде, печеного хлеба ковриг по 20. Не принимать от жителей никаких оговорок“ [1]. Это уже нечто в роде разверстки — застоявшаяся армия требовала от населения жертв.

В поднявшейся в предшествующий период волне башкирского движения выявляется отрицательная черта: башкиры начинают нападать на русские селения и заводы. Военная коллегия уже 20 декабря писала Чернышеву (Зарубину), что „мещерятские и башкирские команды... не только помещиков разорили, но и людей до основания разорили... близ Уфы казенную соляную пристань разбив, соли бесчисленно много развозили“. [2] Жители Рождественского завода жаловались в своем приговоре от 1 февраля, что башкиры и жителей разорили и казну забрали.

Чернышев (Зарубин) и Кузнецов, судя по документам, действовали довольно энергично и другим приказывали действовать против методов борьбы башкир. Но национальную ненависть едва ли кто мог окончательно сломить. Имя Чернышева служило достаточным аргументом в руках башкирских вождей для воздействия на массы. „Граф Иван Чернышев, так знайте же!“ — писали старшины, обращаясь к населению. Но тем не менее нападения на селения и заводы не прекращались,

[1] „Пугачевщина“, № 132.
[2] Там же, № 25.

и Чернышеву приходилось, уже после разграбления, требовать возвращения захваченного имущества.[1]

Насколько деятельность башкир влияла на население показывает тот факт, что жители Саткинского завода вынуждены были сообщать Пугачеву, что „осторожность производится не против него, но от набегу озорнических из башкирцев воровских партий“.[2] Упорное сопротивление, оказанное Белобородову на Уткинском и Сысерском заводах (последний после трех дней атаки так и не был взят), без сомнения, нужно отнести за счет нападений башкир. Одним из аргументов жителей Кунгура, в ответ на увещавания Грязнова, была ссылка на грабежи башкир. Грязнову в ответ приходилось писать: „уверяю, что сей народ несколько делали самовластность... тепер присмирены“.[3] Уфимской буржуазии удалось именно на этой почве склонить население к организации обороны — Уфа находилась в центре башкирского восстания.

На почве задержки в развитии движения и роста противоречий сколачиваются разбитые силы местной контр-революции. Управитель Воткинского завода Клепиков с неким „крестьянином“ Лоханиным уже в январе месяце начинают подговаривать осинских крестьян к походу на Воткинский завод. От 16 марта имеется документ, написанный от Рождественского завода Воткинскому на имя Клепикова, где предупреждается, что в случае нападения Клепикова на село Степаново Рождественский завод выступит в защиту — видимо, эта контр-революционная группа успела захватить уже целый завод.

При получении сведений о продвижении правительственных войск, каждый населенный пункт старался обзавестись военной защитой. „Просят все мирские люди, чтобы нашей команде стоять в наших житель-

---

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 225.
[2] Там же, № 238.
[3] Там же, № 122.

ствах для караула проезжих воровских партий",[1] — писал сотник Иванов старшине Якубову. Насколько стремление иметь у себя вооруженную охрану принимало уродливую форму, показывает поведение осинской земской избы. „Своих казаков распустили по домам, а наших принудили стоять на карауле денно и нощно, чтобы стерегли их город Осу со всеми домами"— писал староста дубовской земской избы и требовал „наших экономических казаков не задержать отпустить, а остерегать вам самим свою волость". [2]

Защита своей волости, своей деревни, забвение общих задач становится одной из причин развивающегося дезертирства. Принимаются срочные меры к задержке покидающих армию. „Поставить тебе, старосте, в одном селе Крылове на двух дорогах крепкий караул, чтоб здешней армии без писаных билетов много в домы свои не разошлись... Кто... без билетов или хотя с билетами оных отнюдь не пропускать, а посылать обратно в здешнюю команду", [3]— писал Сайфула Сайдашев старосте Дмитрию Захарову.

Элементы, примкнувшие к движению, начинают отставать от него, частью становясь также на путь дезертирства, частью прося под всевозможными предлогами об отставке. „Красноуфимовского казацкого войска есаул Григорий Овчинников доношением просил об отставке, объявляя, что он в службу е. и. в. определен с 1736 года и служил по сие время в разных старшинских чинах беспорочно; а ныне по возопиянию на него от той казацкой команды, а к тому ж он отролу имеет 58 лет и некоторые представил болезни... Велено... Овчинникова от службы отставить". [4] Та же история повторилась и с сотником Денисом Ефимовым. Элементы разложения проявлялись и снизу

---

1 „Пугачевщина", т. I, № 157.
2 Там же, № 115.
3 Там же, № 127.
4 Там же, т. I, № 154.

и сверху; уходили не только рядовые, но и сотники и есаулы.

Руководящий штаб принимает самые разнообразные меры к сохранению устойчивости сил. Белобородов в своих войсках вводит железную дисциплину. „Если кто из находящихся... в командах казаков отказываться будет в самовольствиях, озорничествах и вам непослушаниях... наказывать... без всякой пощады плетьми: русских при собрании русской и татарской команд, татар при собрании татарской и русской команд". [1] При занятии заводов Белебородов при малейшей попытке распить вино немедленно приказывал его выливать. Пугачев в своей резиденции Берде при всяком случае организует празднества, с песнями, фейерверками и пушечными выстрелами, организует состязания по верховой езде, стрельбе в цель и т. д. В январе месяце он пополняет свой царствующий дом — женится на казачке Яицкого городка. Царь низов, он берет себе и соответствующую царицу, с тем, чтобы воодушевить колеблющихся и усталых и укрепить их в мысли, что дело серьезное.

Одновременно среди войска организуется внутренняя разведка. Дубровин, конечно, преувеличивает, заявляя, что „счастлив был тот, на кого доносили не самозванцу, а в военную коллегию", ибо, мол, „Пугачев вешал без суда и разбора, а военная коллегия судит судом и в случае недостатка доказательства... освобождает". [2] Что доносили и что суды были—это верно и свидетельствует об организованности движения, но доказательством того, что здесь никакой жестокости не было, является своеобразная присяга, которая служила аргументом против выставленных обвинений. Обещаюсь и клянусь всемогущим богом перед святым его евангелием, что клевещет на меня такой-то (имя обвинителя), что я сделал то-то". Наличие такой формы

[1] „Пугачевщина", № 74.

[2] Дубровин, указ. соч., т. II, стр. 140.

доказательства неправильности обвинения свидетельствует еще и о том, что военная коллегия была свободна от свойственных правительственному суду проволочек при решении дела.

Двукратную попытку (в начале января и начале февраля) взять укрепившуюся в Яике старшинскую партию, во главе с комендантом Симоновым, нужно тоже рассматривать в свете задачи поддержания боевого духа войск. Дубровин, по-моему, неправильно толкует эти попытки, объясняя их тем, что Пугачеву нужно было получить базу для зимовья, ибо Пугачев знал еще в конце декабря о начавшейся концентрации военных сил и готовился, как мы уже установили, к отпору. По своим результатам обе попытки были неудачны, по своим методам они несколько отдают духом авантюризма. Достаточно указать, что под крепость в течение продолжительного времени вели подкопы, а в результате взрыва упала только какая-то старая церковь. Пугачев едва ли сам верил в удачный исход этой затеи; но в известной мере значение ее было в том, что этими мероприятиями он сумел больше, чем на месяц, занять внимание яицких казаков. 25 января Зарубин делает отчаянную попытку сломить сопротивление Уфы, но терпит неудачу.

В области военной политики Пугачев ведет линию увеличения личного состава войск и их вооружения. Если раньше приходилось посылать только организационные силы, возглавлявшие взбунтовавшееся население, то теперь приходится практиковать набор в армию. Чернышев рекомендовал Волкову (Рождественский завод) „в службу набирать чтоб не были моложе 18 и старее 50 лет“.[1] Бахтияр Канкеев рекомендовал „взять с каждых двух домов по человеку“. Как общее правило, всякий являвшийся на службу должен был быть как приличествует казаку, т.-е. вооруженным и на коне,

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 75.

отсюда наставления брать на службу людей, „кои доброго состояния“. Воскресенский завод, — через полковника Антипова — становится базой снабжения вооружением оренбургской группы войск. Насколько велико было его значение, показывает хотя бы факт доставки экстренно потребовавшихся 4 марта „к секретным единорогам ядер до 500 с ушами“.[1] Артиллерией пугачевская армия в рассматриваемый период была снабжена довольно хорошо. Но хорошо вооруженные десятитысячные армии Пугачева под Оренбургом и Зарубина под Уфой (в последней только башкирцы были со стрелами и пиками) не могли оказывать серьезного сопротивления продвижению правительственных войск — они были прикованы к осажденным группам.

Мы дали анализ внутреннего состояния движения, чтобы показать, во-первых, насколько силен был элемент сознательности в движении, и, во-вторых, к каким последствиям, несмотря на огромнейшую работу пугачевского штаба, должно было привести вторжение извне сил контр-революции.

Правительственные войска сравнительно легко разбили окраинные отряды пугачевской армии. 29 декабря отряд Муффеля взял штыковой атакой Самару. 9 января у пригорода Алексеевск разбит был отряд Арапова. Правительственный отряд Гринева 9 января занял один из пунктов концентрации сил ставропольских калмыков — Красный Яр. 14 января отряд Юрия Бибикова разбил пугачевцев в предместьях Заинска и т. д. и т. п. „В самом начале февраля — пишет Дубровин — было очищено все пространство от границ Башкирии до реки Волги и на юг до самарской линии“.[2]

Первое серьезное столкновение между правитель-

---

[1] „Пугачевщина“, № 52.

[2] Дубровин, указ. соч., т. II, стр. 265.

ственными войсками и Пугачевым произошло в районе гор. Сарачинска 6 марта. Ночью, при сильнейшем морозе и буре, Пугачев, пройдя 37 верст, внезапно напал на отряд Елагина в 2.300 человек. Сам Елагин пал в бою, но умеющие маневрировать равительственные войска ударили одним из своих отрядов в тыл, и Пугачев отступил.

Местом решительного столкновения с правительственными войсками Пугачев избрал Татищеву крепость, где в короткое время организовал укрепление. Пугачев сам расставил орудия, обозначил вокруг крепости колышками места действия снарядов и приказал, чтобы „в тот день, когда Голицыну прийти должно, была совершенная тишина и люди всячески скрылись“.[1] Исполнение приказа было настолько точное, что, посылая занять высоты перед крепостью, Голицын не знал, есть ли кто в самой крепости или нет.

В бою 22 марта со стороны Пугачева участвовало до 8.000 чел. с 36 тяжелыми орудиями, со стороны Голицына до 7.000 чел. с 70 орудиями. Комбинированной атакой пехоты, артиллерии, конницы и отрядов лыжников крепость после шестичасового боя была взята. 1 апреля силы Пугачева, выведенные из Берды, с присоединившимися к ним остатками разбитой армии, сконцентрировались у Каргалы, местности, с военной точки зрения весьма удобной. Бой окончился для пугачевцев так же неудачно. В плен попало большинство членов военной коллегии. Сам Пугачев с остатками армии скрылся в Башкирии. Приблизительно таков же был результат боя Михельсона с Зарубиным под Уфой 24 марта.

О военных столкновениях с правительственными войсками группы Белобородова много не приходится говорить. Потерпев частичные неудачи 26 февраля на Уткинском заводе и 12 марта на Каслинском, она, тем

---

[1] Дубровин, указ. соч., т. II, стр. 298.

не менее, более остальных групп сохранила свою боевую силу и организационные связи. С ней мы встретимся уже во второй фазе движения.

Главные силы были разбиты. Организационные связи, стягивавшие отдельные отряды, были нарушены. Таковы были первые последствия поражения.

Не меньшее значение имел проявившийся распад общественных групп, участвующих в движении. После поражения под Татищевой из Берды началось бегство тех элементов, которые раньше были настроены менее революционно, главным образом, верхушки казачества, в роде племянника бывшего атамана Бородина — Григория Бородина. Бегство это приняло большие размеры; об этом свидетельствуют показания Хлопуши о том, что Пугачеву пришлось ставить особые караулы, чтобы уменьшить дезертирство. Не менее показателен факт совещания части башкирских старшин в 40 верстах от Табынска и отправление ими депутатов к Михельсону с покорностью. Другая часть, во главе с группой Салавата Юлаева, не только не изъявила покорности, но всюду и всеми мерами боролась против упадочных настроений, возникших под влиянием поражения. Три вождя пугачевщины были выданы правительству способом, как две капли воды похожим на выдачу впоследствии самого Пугачева. Зарубин с тремя товарищами по прибытии в Табынск после поражения был скован табынским казачьим есаулом; Торнов, связанный, был доставлен Михельсону башкирским старшиной Кидрясом; Хлопуша перед отъездом из Берды отправился в Каргалу, чтобы направить жену и сына в Сакмарский городок, но был связан каргалинским старшиной и отправлен в Оренбург.

Революция, как видим, потерпела поражение не только тактически — по линии военных столкновений, — но и стратегически, по линии общественных групп, участвовавших в движении. Подведем итоги всему этапу движения.

1. Движение с самого своего начала носит характер борьбы со всей системой.

2. Движение одерживает блестящие победы в локальном масштабе.

3. Несмотря на продолжительность срока борьбы, усталость масс, проявление ряда противоречий, движение сумело развернуть настолько широкую агитационную, организационную и военную работу, что вплоть до своего поражения оно могло сдерживать внутренние противоречия — в рамках локальных движение поражения не терпело.

4. Главным противоречием и причиной поражения движения явилось несоответствие между силами революции и контр-революции — одни были организованы только в локальном масштабе, другие в общегосударственном.

5. Тактическое поражение превратилось в стратегическое в силу отхода части участников из среды националов и казаков. Объединить ранее действовавшие силы, поднять их на новую борьбу на старой основе было уже нельзя.

В. Второй этап: горнозаводский Урал — основа движения

(1 апреля—12 - 15 июля 1774 г.).

Поражение пугачевщины в первой фазе движения мы определили не только как тактическое, но и как стратегическое. Часть сил, участвовавших в движении, выбыла из строя или вследствие разгрома, или вследствие отхода от революции.

Армия Пугачева, если ее можно назвать армией, состояла из оттесненных от Екатеринбурга отрядов Белобородова и части башкир во главе с Салаватом Юлаевым. Разбитые в двух боях — под Шадринском 14 февраля и Курганом 24 марта,— крестьяне Исетской

провинции хотя и тревожили правительство, но серьезной силы собой не представляли. Отступивший от Яицкого городка отряд Овчинникова в 300 человек казаков присоединился позднее, о нем штаб Пугачева даже и не знал. Следовательно, активными силами оставались башкиры и горнозаводские отряды Белобородова.

Что представляла собою активная часть башкир? Во главе башкирского движения стоял Салават Юлаев. Крупнейший владелец земельных богатств, Юлаев один из первых пострадал от захватнической политики горнозаводских королей — заводы Твердышева самым бесцеремонным образом строились на его земле. Выделяющийся новый класс эксплоататоров — вот кого представлял Юлаев. Но в данный момент эти представители нового класса оказались во главе подавляющего большинства населения Башкирии и продолжали национальную борьбу на новой основе. Борьба башкир в рассматриваемый период была борьбой за землю. Вот первая характерная черта их движения в этот период — отсюда его разрушительный характер.

В результате предшествующей борьбы огромная часть приписных разбрелась по своим деревням, как свидетельствует немалое количество документов.[1] Следовательно, на Урале оставалась наиболее пролетаризированная часть рабочих — мастеровые. Движение мастеровых и новая волна башкирского движения и послужили исходным пунктом для развития рассматриваемой фазы пугачевщины.

В литературе укоренилась точка зрения, что Пугачев, скрывшись в Башкирии, первым долгом обратился с манифестом к башкирам. Возможно, что Пугачев действительно первый манифест после своего поражения отправил в Башкирию, но является ли это доказательством того, что он ставил ставку на башкир,

---

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 212

как на главную активную силу? Уже в предшествующий период штаб Пугачева столкнулся с таким фактом, как национальные противоречия. Новая волна башкирского движения означала новый взрыв противоречий на расширенной базе, а следовательно и ослабление сил революции. Точка зрения Покровского, что Пугачев использовал „башкирское движение, как занавес“, правильна именно в применении к рассматриваемой фазе движения. Пугачев посылал манифесты башкирам с тем, чтобы отвлечь правительственные войска от горных заводов. Как на активные силы борьбы он, без сомнения, сознательно ставил ставку на горнозаводское и притом мастеровое население.

В нашем распоряжении имеются некоторые косвенные и прямые доказательства этого положения. В указе Белобородова на имя Бахтияра Канкеева и др. от 9 апреля о необходимости приступить к собиранию многотысячного войска в числе рекомендуемых мер имеется следующая: „У которых естли обыщутся хорошие лошади, а казаков в команде не будет, у таковых тех лошадей обирать з запиской“.[1] Указ этот был издан почти на второй день после поражения пугачевщины. Спрашивается, неужели башкирам требовались еще лошади? Ясно, что они нужны были для пролетаризированной массы мастеровых. В наставлении некоего Абдея Абдулова прямо рекомендуется: „Будучи вам при Рожественском заводе и в экономической вотчине, выбрав в тех местах казаков хорошего состояния, которые могли в руках большой провор и ружейных, молодых людей при Рожественском заводе казаков инных переменить, а из економических набрав и со старыми, чтобы сто человек хороших людей... Препоручается Волкову с товарищем... выбирать хороших людей, а не деревенским старостам“.[2] Этот документ, видимо, относится к выполнению упо-

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 77.
[2] Там же, № 233.

мянутого указа Белобородова о наборе в армию. Набирать казаков в нем рекомендуется и из заводских и из экономических крестьян, но контроль за ходом, если так можно выразиться, мобилизации возлагается на выбранного заводским населением атамана.

Состав армии Пугачева как нельзя лучше показывает, кто являлся главной ее силой. Тимашев и Станиславский, прибыв 18 мая в оставленную Пугачевым Магнитную крепость, застигли 112 чел. крестьян Белорецкого завода и при них до 600 чел. женщин и детей разных заводских крестьян. „На этих крестьян, а также на уцелевших обывателей и раненых солдат возложено было заготовление разного провианта и в особенности сухарей“.[1] 21 мая Пугачев прибыл в Нижне-Увельськую слободу с отрядом, приблизительно, в полторы тысячи человек „преимущественно заводских крестьян“.[2] Двигаясь за Каму, Пугачев с Рождественского завода забрал только местных мастеровых.[3]

Мастеровые, составлявшие главную боевую силу пугачевской армии, придавали ей способность быстро маневрировать и особую дисциплинированность. Недаром Михельсон, встретившись 23 мая, на другой день после полученного сообщения о разгроме Пугачева под Троицкой крепостью, с армией Пугачева, готов был принять ее за правительственные войска.

После выделения ударной группы, опоры для развития движения, перед штабом Пугачева естественно встал вопрос о дальнейшей классовой, а следовательно, и военной стратегии. Сформироваться и кое-как маневрировать, в условиях отвлечения правительственных войск башкирским движением, было можно, но нельзя было ставить ставку на единоборство армии горнорабочих с правительственными войсками. Нужно было,

---

[1] Дмитриев-Мамонтов—„Пугачевщина в Зауральи и Сибири“, стр. 117.

[2] Там же, стр. 113.

[3] Там же, стр. 135.

во-первых, иметь численно большую армию,— а мы вплоть до Осы видим Пугачева с отрядом в полторы-две тысячи человек,— во-вторых, необходима была среда, из которой можно было бы пополнять эту армию.

Башкиры двигались огромными армиями в 5—10 тыс. человек и буквально изводили правительственные войска. „Буйство сего народа,— писал кн. Щербатов,— великое... отовсюду приходят известия, что успели они во многих местах развить свое злодейство, выжечь некоторые заводы... и дерзают многие команды окружать, препятствуют мне... не только узнать, начало ли мое увещавание производить на них действие, но и получать рапорты“.[1] Насчет увещаваний князь мог не беспокоиться, ибо как могли не оказать своего действия такого рода увещавания: „Башкирцы! Я знаю вас, что вы злоумышленники; только знайте же... ежели до меня дойдет слух, что вы, воры и шельмы, ждете к себе воров... тогда пощады не ждите: буду вас казнить, вешать за ноги и ребра“, пойманному с письмом Пугачева „я велел отрезать нос и уши“.[2] Так писал полковник Ступишин. Не диво, что Башкирия пылала в огне восстания даже тогда, когда Пугачев сидел в клетке.

Для Пугачева вся суть заключалась в том, что башкиры не только дезорганизовали правительственные войска, но и разрушали заводы, т.-е. выбивали из-под ног последнюю почву. Пугачев, как мог, использовал движение башкир, но при данном сочетании сил—горнозаводские и башкиры, при наличии острых противоречий между ними—разрушение заводов башкирами,— рассчитывать на решительный разгром правительственных войск он не мог и не рассчитывал.

Выхода было два. Или итти в Исетскую провинцию и организовать там борьбу крестьян, или отправиться

[1] Дубровин, указ. соч, т. III, стр. 31.
[2] Там же, стр. 26.

за Каму и Волгу. Было ли серьезное намерение у штаба пугачевщины двинуться в Исетскую провинцию или нет — неизвестно, во всяком случае сибирские правительственные круги на основе „допросов“ пойманных пугачевцев составили себе мнение, что Пугачев двинется в Сибирь, и начали стягивать войска для отпора.

После более чем полуторамесячных маневров в районе Магнитная - Троицкая - Кунгур, расстроив все планы правительственных генералов, Пугачев 21 июня при звоне колоколов въехал в крепость Осу, имевшую более чем 1.000 чел. гарнизона с 13 орудиями, а 22 июня крестьяне экономических сел Прискенича, Зубачевки и Дубровы перевозили на „коломянках“ его войска. Попытки оказать сопротивление на Воткинском и Ижевском заводах привели к тому, что оба завода были сожжены. Сожжение заводов вызвано было тем, что Пугачев старался обеспечить себе тыл: оставив заводы в целости, Пугачев оставил бы, во-первых, довольно удобный опорный пункт для организации преследования его, а, во-вторых, опорный пункт для концентрации сил, парализующих развитие активности крестьянства.

Отношение к движению закамского крестьянства видно хотя бы из того, что силы Пугачева „появились одновременно в Сарапуле, Елабуге, Заинске и на всем правом берегу Камы до Ижевского завода“.[1] Кто не имел возможности непосредственно двигаться с армией, спускался на судах вниз по Каме. „В деревне Бедки Обернибесов узнал, что барки с мятежниками находятся у села Чулкова в верху Камы“. Не желая дать им возможность спуститься, он выслал отряд на лодках, и на барках было захвачено 373 человека, преимущественно крестьян помещиков Глебова и Собакина.

Крестьянство не только присоединялось к армии, но и составляло ее надежнейший тыл. „Данному от

[1] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 77.

тебя мне писменному приказу чтоб смотреть по рекам Вятке и Каме перевозы, дабы злодейских толп сюда никто не перевозили, о чем весьма и смотрствую",[1] — доносил походный сотник Никитин Бахтияру Канкееву. Разрушение перевозов было одним из способов препятствовать продвижению правительственной армии — так, полковник Кожин свой первый отряд послал на занятие Шунского перевоза, как только узнал о падении Осы; Михельсон в рапорте Голицыну писал, что всю ночь со 2 на 3 июня с большими затруднениями переправлялись через р. Каму.[2] Захваченные по пути движения пленные сообщали заведомо ложные сведения.

Опираясь на горнозаводский мастеровой люд, Пугачев сумел вырваться из кольца душивших революцию правительственных войск, организовать крестьянство и доставить революции победу в более широком масштабе — взять Казань.

Я не буду останавливаться на подробностях взятия Казани. Пугачевский штаб обнаружил здесь лишний раз превосходство революционной военной тактики перед правительственной. Часть населения, городские низы и часть солдат, без сомнения, активно поддерживали Пугачева. Брандту с большим трудом удалось организовать оборону, и то очень слабую.

Новым при взятии Казани было разве только то, что в руководстве им активное участие принял перешедший при взятии Осы на сторону Пугачева поручик Минеев, да татарская часть казанского купечества большими подарками засвидетельствовала свое присоединение к национальному татарскому движению.

С точки зрения развития революции вширь Казань представляла выгодное сочетание сил для борьбы со всей системой. Казань объединила, по крайней мере, три основных группы активных сил — инородческий

[1] „Пугачевщина", т. I, № 99.
[2] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 80.

элемент, горнозаводский люд и крестьянство. В дополнение к этому Казань открывала возможности присоединения к революции городских низов и части буржуазии. В экономическом отношении оренбургский период влиял разве только на горнозаводское дело и Сибирь (в Ирбите ярмарка не состоялась), взятие же Казани сразу грозило нарушить связь отдельных частей империи; не только победа, но и длительная задержка революционной армии у Казани, без сомнения, повела бы к развитию кризиса, к разрыву связей отдельных частей системы.

Пугачев, без сомнения, учитывал эту двойную в стратегическом отношении роль Казани. Расположив силы лагерем на Арском поле, „Пугачев сам разъезжал по стану и благодарил людей; говор и песни не умолкали до полуночи. Только одни канониры не приняли участия и валялись под пушками“.[1] Дубровин, приводя это описание, видимо, хотел показать, как у Пугачева все было плохо, а на самом деле Пугачев занимался не чем другим, как укреплением армии для новых боев. Три ожесточеннейших боя — 13, 14, 15 июля — пугачевской армии с армией Михельсона являются доказательством того, что занятие Казани для Пугачева важно была не только с точки зрения овладения городом, но именно с точки зрения сохранения наиболее выгодного сочетания сил для борьбы с существующей системой.

Вторая решительная схватка окончилась более серьезным поражением для революции. На сей раз выбывали из строя горнозаводское население и все национальное движение. Вторая локальная победа при столкновении со всей системой превратилась в поражение.

Хотя башкиры и татары, локализировавшись от общего движения, еще продолжали борьбу, но правительственные войска быстро дезорганизовали движение, разорвали его на мелкие отряды и превратили национальную борьбу в избиение националов.

[1] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 97.

Г. Третий этап — движение поволжского крестьянства и городских низов

(15 июля — 1 августа).

На третьем этапе своего развития пугачевщина имеет ту особенность, что на ряду с организованной формой движения выдвигается его неорганизованная форма, на ряду с крестьянской войной выдвигается „жакерия“.

Этой особенностью движения объясняется условность взятого нами срока — с 15 июля по 1 августа. Период этот охватывает только организованное движение, неорганизованное же выходит далеко за его рамки. когда организованное движение было разбито, жакерия далеко не сошла еще со сцены.

В целях получения более ясного представления мы дадим анализ каждой формы движения в отдельности и проследим влияние одной формы на другую. Обратимся сначала к организованной форме.

Крах стратегической установки под Казанью, разгром боевых сил выдвигал два вопроса — о дальнейшем стратегическом плане движения и о боевых его силах.

Относительно стратегии движения в литературе довольно широко распространена точка зрения, что, потерпев поражение под Казанью, Пугачев взял установку „на Дон“. Одни усматривают в этом чуть ли не измену Пугачева в отношении угнетенного крестьянства не только Поволжья, но и всей страны, объясняя это казацким аристократизмом: другие считают это проявлением ограниченности замыслов яицких казаков, для которых весь вопрос сводился только к защите своего Яика; третьи договариваются даже до того, что противоречия по сю сторону Волги были совсем иногда рода и порядка, чем по ту сторону,— там они привели к революции, здесь они привели бы к тому, что крестьянин с дубиной в руках двинулся бы на защиту помещика.

Мы не будем опровергать отдельно каждую из этих точек зрения, ибо все они имеют то общее, что пытаются объяснить причину поворота на Дон, приняв за исходный пункт, что такова была стратегическая установка на самом деле. Если же присмотреться к маршруту движения, принять во внимание свидетельства самих участников движения, то картина получается совершенно обратная. Кривая движения Казань — Пенза показывает, что поворот происходил не сразу, а под влиянием каких-то внешних сил. Получая прямое направление на Москву по линии Казань — Курмыш, движение делает крутой поворот к Волге по линии Курмыш — Алатырь с тем, чтобы затем сделать снова изгиб в сторону Москвы, и уж только после Саранска до Пензы линия имеет вид медленно, а после Пензы до Саратова более круто сгибающейся кривой, и затем уже поворот на Дон. Кривая движения не дает основания для вывода, что после Казани курс был взят на Дон, скорее можно предположить, что курс брался до Пензы на Москву, но противостоящие силы так давили на эту линию, что в результате получилась кривая Казань-Курмыш-Пенза-Саратов. Участник движения купец Иван Трофимов на допросе показывал: „И намерение имел он... следовать прямо через Нижегородскую губернию в Москву, если б не предускорил полковник Михельсон или Голицын“; [1] то же подтверждает Илья Аристов: „Намерение было итти к Нижнему“, но на остановке верст 15 от Казани „пришли... человек 15 чуваш и на спрашивание ево о Нижнем объявили, что он весьма укреплен... Да сверх оного уведомясь через разъездные о переправляющейся близ города Свияжска воинской команде... переменя намерение свое, пошел к Донцу и Дону“.[2] Правительственные агенты и прежде всего нижегородский губернатор Ступишин в своей переписке оценивали положение так, что направление удара будет на

[1] „Пугачевщина“, т. II, № 72.
[2] Там же, № 137.

Нижний, а затем на Москву. Как видим, совершенно различные по происхождению источники говорят за то, что движение имело направление на Москву, но в результате нажима правительственных войск организованная часть движения вынуждена была повернуть на Дон.

Мобилизация сил движения по своей интенсивности напоминает первый период оренбургского этапа. Знаменитый манифест 31 июля 1774 г., призывающий крестьянство во имя вольности, свободы от податей и от прочих тягот к истреблению дворян и мздоимцев-судей, [1] по данным Дубровина, был издан 18, 20, 28 и 31 июля, т. е. за период в 2 недели мы имеем минимум 4 издания. Манифест этот носит более боевой характер, чем в свое время манифест к яицкому войску, он не только жалует, но и призывает к самой решительной борьбе по всей линии, вплоть до истребления дворянства. Можно, конечно, толковать призыв к истреблению дворян, как агонию движения, как это делает М. Н. Покровский; по-моему же это была совершенно правильная тактика — не мог же, в самом деле, Пугачев либеральничать в тот период, когда вопрос о победе или поражении стоял на острие ножа. Нужно было не только призывать поддерживать движение путем усиления его авангарда, армии, нужно было еще толкнуть массы. чтобы они взялись за истребление активных сил контр-революции. Тактика решительной расправы террора ставила ставку на деморализацию сил противника, на отрыв от противника и присоединение к движению всех колеблющихся элементов; в условиях, когда часть активных сил была отрезана, это был единственный путь, идя по которому можно было сколько-нибудь рассчитывать на победу. Результаты сказались очень быстро, с одной стороны, в виде крестьянского движения, а с другой — в виде городского.

---

[1] „Пугачевщина", т. I, № 19.

Армия Пугачева росла с неимоверной быстротой. Разбитый в трех боях под Казанью, он имел под Алатырем уже более 15 тыс. человек. Наплыв в армию был столь велик, что Пугачев принимал не всех крестьян на службу, а только конных. Если с точки зрения движения правительственных войск движение армии Пугачева было отступлением, то с точки зрения движения самой армии это было парадное шествие. Не было ни одного города, который Пугачеву пришлось бы брать с боя.

Приближение Пугачева вызывало нечто в роде городских революций. При приближении его 20 июля к Курмышу „городское население и дворяне разбежались... а чернь в сопровождении духовенства вышла навстречу Пугачеву". [1] При известиях о движении Пугачева по направлению к Пензе воевода и другие начальствующие лица бежали, а 29 июля „бургомистр Борис Елизаров собрал на совет все купечество и спрашивал их мнение: противиться им мятежникам или нет? Купцы молчали. „Ну, чем же мы станем ему противиться", — стал говорить Елизаров. „Хотя бы и было чем, так где нам против его силы устоять, когда и крепости не в силах были. Ничего нам больше делать не остается, как встретить его с хлебом и солью", — отвечали ему купцы". [2] Делать, действительно, было нечего. Попытка секунд-майора Герасимова вооружить пахотных солдат ни к чему не привела, так как охотников нашлось только 12 человек. Насчет же оружия бургомистр был не прав, обманывая лишь свою совесть: в Пензе было достаточное количество пороха, ядер и т. п. Пугачева в Пензе встречали с иконами купцы устроили ему обед и т. д.

Можно подумать, что присоединение к Пугачеву в подобных случаях было все же результатом страха. Но

[1] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 115.
[2] Там же, стр. 163 и след.

вот другие факты: при приближении к Нижне-Ломову отряда пугачевцев в 13—15 чел. все однодворцы высыпали к нему навстречу с хлебом-солью и двинулись вместе с отрядом к городу; так как ворота были закрыты, то отряд ушел на взятие монастыря, а однодворцы вернулись в город. При возвращении отряда обратно их угрозы зажечь город привели к тому, что воевода был связан и город сдался. В Петровске в ответ на попытки прапорщика Юматова собирать подписи с жителей о том, что они будут защищать город, пахотный солдат Никита Ларин „бил его дубиною смертельно", а провинциальная канцелярия не решилась даже наказать Ларина. Здесь перед нами, таким образом, выступления всех элементов городских низов и части среднего купечества. Не даром нижегородский губернатор при первом известии о появлении Пугачева под Казанью решил закрыть нижегородскую ярмарку и собирать сведения о поведении „кержачей".

Движение городских низов наблюдалось не только в приволжских городах. Волконский в донесении от 4 августа из Москвы писал: „Здесь за раскольниками недреманым оком через полицию смотрю".[1] Смотреть Волконскому было за чем, ибо, по словам Белькура, еще в марте месяце „дух возмущения витал над Москвой... несмотря на все предосторожности, в марте в шесть часов вечера раздался всеобщий клич „да здравствует Петр III и Пугачев!" и несколько раз возобновлялся по всем кварталам".[2] Гуннинг писал: „Московские тюрьмы переполнены огромным количеством бунтовщиков... в Петербурге многие захвачены за то что пили за здоровье Пугачева".

Так как эти данные относятся к центрам, непосредственно не охваченным движением армии Пугачева, то ясно, что встреча, организованная Пугачеву в приволжских городах, не носила характера сличайности или

[1] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 141.
[2] „Анналы", кн. III, стр. 172.

„колониальности“. Городские низы всеми силами поддерживали Пугачева, они толкали к этому даже средний городской элемент, и не их вина, если они находились на таком уровне общественного развития, что не смогли сами стать во главе движения.

Отступая из занятых городов, Пугачев оставлял свой аппарат власти — назначал воевод; так, в Курмыше был оставлен прапорщик Сюльдяшев, в Алатыре — прапорщик Шихмаметов, в Пензе — секунд-майор Герасимов и товарищ к нему купец Карнов. Извещая указом по городу о их назначении и рекомендуя жителям подчиниться, Пугачев не забывает низы и угнетенных крепостнической системой: в указе о назначении воевод Пугачев писал: „Господину воеводе поступать как в государственных делах, а особливо для склонившагося народу в силу указанных узаконениев, не чиня напрасно никому обид и налог“.[1]

Во всех городах первым делом выпускали всех заключенных и колодников.

Мы имеем слишком мало материалов об организованном движении в городах и движении армии Пугачева в рассматриваемый период; Пугачев и его армия останавливались буквально на один-два дня в том или ином городе, а следом за ними шествовала правительственная армия и устанавливала старые порядки; но, без сомнения, городское движение — один из интереснейших моментов движения в этот период.

Относительно участия крестьян говорилось уже при анализе предшествующих периодов развития. Свойственные крестьянскому движению формы имелись, без сомнения, и там, но дело в том, что крестьянское движение типа „жакерии“ не являлось для предшествующей фазы сколько-нибудь существенной чертой. Движение развивалось главным образом в организованной форме, и с ликвидацией организационной формы—армии Пугачева — его значение сводилось на-

[1] „Пугачевщина“, т. 1. № 40.

нет. Совсем другой характер имеет движение крестьян в рассматриваемый период: по своему значению и по последствиям оно буквально топит в своих волнах пугачевскую армию.

Мы уже указали, что крестьянское движение оплатило издержки поражения под Казанью. Для армии нашлась питательная среда, в то же время крестьянское движение было тем заслоном, который сохранил армию от окончательного разгрома. Факт развития активной борьбы крестьянства в связи с вступлением на территорию приволжских губерний революционной армии несомненен. Манифесты Пугачева, дезорганизация и деморализация местных властей способствовали развязыванию недовольства крестьян.

Крестьяне первым делом стремились расправиться со своими непосредственными угнетателями — помещиками Насколько сильна была тенденция избавиться от помещиков, показывает тот факт, что крестьяне буквально охотились за ними, искали их, чтобы расправиться с ними самим или отвести к Пугачеву. Вот характерная в этом смысле картинка. „Помещик деревни Ожгибовки... ожидая приезда пугачевцев, уехал с семейством к своему другу. Через месяц послал дворового узнать, как дела в деревне. Поймав дворового, крестьяне рассказали ему свое горе: за отъездом барина только они одни останутся крепостными... все окрестные деревни, отвезя своих господ к Пугачеву, получили от него свободу, оставив своих помещиков. Решили, чтобы посланный уведомил барина, что в деревне все спокойно, сами же выделили людей на тройках, чтобы поймать барина на остановке. Воспользовавшись моментом, когда барин купался, они схватили его и, связав, помчались в Кумыш“.[1] Нередки были случаи, когда крестьяне сотни верст гнались за Пугачевым, чтобы сбыть своих помещиков.

[1] „Осьмнадцатой век“, т. III, стр. 482.

На ряду с помещиками расправе подвергались и те, кто тем или иным способом соприкасались с осуществлением эксплоатации крестьян помещиком. Расправлялись с неугодными приказчиками, ловили городских воевод, а если не шли с восставшими, то ловили и священников и старост. Последнее было исключением, ибо старосты в большинстве случаев шли вместе с восставшими, а священники вместо уговоров, что Пугачев самозванец, уверяли как раз в обратном. Не даром потом священников „стригли, как овец".

От бунта в своей деревне крестьяне поднимались до бунта в своем округе. Крестьянин княгини Голицыной, некто Иванов, сумел организовать отряд численностью до 3.000 человек. Отряд оперировал в окрестностях Пензы, разрушая имения, убивая помещиков, воевод и т. д.; разбитый под Пензой, этот отряд действовал вплоть до 30 августа, и при его поражении было захвачено 13 пушек. Отряды меньшей численности, часто человек по 5—7, а иногда и по 2, двигались из одного района в другой, встречали среди крестьян сочувствие и являлись инициаторами разгрома имений. Огромные округа кипели взбунтовавшимся крестьянством. Михельсон застал в окрестностях города Керенска величайшее возмущение на пространстве более чем 500 верст. О распространенности движения граф Панин писал императрице 21 августа: „Сие пламя прорывается уже по здешней стороне Волги не только в одной Нижегородской губ., но в Воронежской и Московской губерниях" и дальше, характеризуя общее состояние: „разнесшиеся от него искры в черни, конечно, везде, куда только оные достигнуть могли, совсем готовы воспламениться". [1]

„Совсем готовы воспламениться"—это, по-моему, лучшая, наиболее удачная формулировка состояния

[1] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 285.

крестьянства: стоит только слегка толкнуть, и движение примет активную форму.

Что касается участия в борьбе в рассматриваемый период отдельных групп крестьян, то боролись не только барщинные, но и оброчные, не только помещичьи, но и государственные крестьяне. 23 июня бурмистр и староста села Алферьева писали Пугачеву: „Просим у вас, великого государя, на крестьян села Верхняго Талызина... Оные крестьяны были на оброке, а мы сеили на их земле хлеб господцкой. А ныне оные крестьяне такой господцкой... хлеб нам не дают“.[1] Споры между крестьянами из-за раздела имущества помещика не представляют собой чего-либо особенного или нового, для нас в данном случае важен факт, что делят и те и другие. Мы видели уже, какую роль играли государственные крестьяне, однодворцы и пахотные солдаты.

В полосе, охваченной движением крестьян, восстание было всеобщим. Оно грозило стать и повсеместным, захватив и другие районы. Дело было только за субъективными факторами. Задержка армии на сколько-либо длительный период, укрепление и развитие движения городских низов неимоверно расширили бы базу крестьянского движения, а следовательно и его разрушительную роль в отношении крепостнической системы.

Граф Панин великолепно оценивал роль и силу крестьянского движения, когда уже после ухода армии Пугачева писал: „Не так важно истребить или поймать самого Пугачева, как укротить дух возмущения в народе“,[2] и в качестве радикальной меры предлагал: „пользуясь заключенным с Турцией миром, обратить часть войск с их генералами на устранение и обуздание черни во всех губерниях, зараженных бунтом“.

---

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 266.

[2] Грот — „Материалы“, стр. 11.

Правительству и графу Панину пришлось попортить порядочно нервов, прежде чем они получили возможность быть спокойными за свое существование. Один факт взятия Казани так подействовал на верхушку правительства, что, по словам Н. Панина, на заседании Государственного совета 21 июля на вопрос Екатерины—что делать?—все молчали. Когда 23 июля было получено известие о мире с Турцией, всех объяла неописуемая радость, не потому, конечно, что был заключен мир, а потому, что теперь получили возможность взяться „всеми руками за безумных бунтовщиков".

К 31 июля на театре военных действий против пугачевщины находились: семь полков и три роты пехоты, девять легких полевых команд, восемнадцать гарнизонных батальонов, семь полков и одиннадцать эскадронов регулярной кавалерии, четыре донских полка, тысяча украинских казаков, казанский и пензенский дворянские корпуса. Кроме того, из освобожденной с фронта армии Долгорукова были двинуты в распоряжение воронежского губернатора десять эскадронов карабинерных полков, десять эскадронов гусарских полков и пятьсот драгун Астраханского полка, в Полтаву двинуты были пять рот пехоты с артиллерией, в Бахмут — пехотный полк.[1] В Москве было сосредоточено семь полков, вся площадь перед домом Волконского была уставлена орудиями. Мы не знаем, каково было количество войск в других губерниях, но эти сведения говорят о том, что с военной точки зрения борьба против пугачевщины потребовала не меньшего сосредоточения сил, чем война с любой державой. Вся эта армия была направлена в первую очередь против вооруженного дубиной мужика.

Наученное горьким опытом предшествующих периодов борьбы с движением, правительство не ограничивается посылкой только военной силы. Принимаются решительные меры к консолидации сил дво-

[1] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 148 и след.

рянства. Если в первый период обращались за помощью к казанскому дворянству, то теперь на ноги поднимается дворянство всей империи. Организация дворянских корпусов—всем быть готовым к отражению—таков был основной лозунг после взятия Пугачевым Казани. Привлечение Панина на пост главнокомандующего, сосредоточение в его руках огромной власти было дальнейшим шагом политики консолидации дворянства и централизации аппарата государственной власти.

Не ограничиваясь „мобилизацией" дворянства, правительство неофициально проводит ряд временных мероприятий по отношению к низам населения. Вот характерная выдержка из письма Потемкина князю Вяземскому: „Приказано мне вам сообщить, чтобы вы написали к воронежскому губернатору письмо... как известно, что сей господин Шетнев более 10.000 народу держит... для делания дороги перспективой. Сие некстати в рассуждении поры рабочей, а еще больше по обстоятельствам... есть дела важнее в его губернии".[1] Письмо это вызвано было слухами, что в Воронежской губернии уже возникают волнения. Об этой линии правительства говорит и следующая выписка из письма Екатерины к князю Вяземскому: „О тульских обращениях здесь слух есть, будто там между ружейными мастеровыми неспокойно. Я ныне там заказала девяносто тысяч ружей для арсенала: вот им работа года на четыре. Шуметь не стану" [2].

Как видим, одновременно с проведением в жизнь лозунга, — „глаголи на всех перекрестках", правительству пришлось пережить неприятные минуты и „заботиться" о работающих на дороге перспективой крестьянах, об оружейниках и т. д. и т. п.

Только крайним напряжением сил, приведением в действие всех рычагов существующей системы правительству удалось разбить то сочетание сил движения

---

[1] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 44.
[2] „Осьмнадцатый век", т. I, стр. 122.

и форм борьбы, которое наметилось в третьей фазе пугачевщины. Заставив авангард повернуть на юг, правительство получило возможность разбивать движение по отдельным отрядам.

Формально движение проделало еще одну фазу, по сути же оно в рассматриваемый период потерпело поражение.

На предшествующих этапах поражение терпел авангард движения, который, оправившись, мог быстро восстанавливать свои силы, перебросившись в не охваченный движением район. В рассматриваемый же период движение получило удар в корень, авангард был оторван от почвы, и в этом, собственно говоря, и заключалось поражение. Готовое стать всеобщим, крестьянское движение было обезглавлено, а потом и разбито. Повторилось еще одно локальное поражение, но на сей раз оно влекло за собою поражение всего движения.

Д. Четвертый этап движения — Дон.

Анализ состояния движения в его донской период — одна из самых трудных проблем пугачевщины. Достаточно сказать, что ни один спор о пугачевщине, ее характере, причинах ее поражения не обходится без затрагивания этой фазы движения.

На основе поворота движения на Дон строится теория „колониальной революции", теория, что „движение было результат локального кризиса", что движение не имело программы и т. д. и т. п.

Внешне движение зашло в тупик и в этом тупике нашло свою смерть. Если же подойти с точки зрения состояния внутренних сил движения, то мы увидим, что, собственно говоря, движение пришло на Дон уже умершим, разбитым.

Вывод этот может вызвать большие сомнения, могут поставить целый ряд вопросов о том, почему дви-

жение одерживало победы, почему обратились с манифестом к донцам и т. д. Но суть здесь не во внешних проявлениях, а в тех силах, которые участвовали в движении. Постараемся их определить и выяснить, что же они, в сущности, представляли собой с точки зрения развития революции.

В самом повороте движения при взятии Саратова мы имеем не только пассивное, но и активное участие городских элементов. Каким бы плохим организатором обороны ни считали саратовскую администрацию, все же она оборону сорганизовать сумела. И вот, когда Пугачев 6 августа расположился лагерем на Соколовой горе, то организованное для обороны купечество заявило, что драться не будет, а „лучший" купец Кобяков разъезжал на лошади перед выставленным против Пугачева войском и кричал: „поберегите своих"; прапорщик Григорий Косьмин, вместо защиты города, требовал и добился, чтобы ворота были отворены.

Как видим, успех Пугачева среди городского населения Саратова и купечества превзошел все доселе бывшее. Но что представляло собою движение саратовских купцов и низов с точки зрения уже пройденного этапа пугачевщины? Отзвук, правда, довольно сильный, того положения, которое имелось в предшествующий период. Если раньше вызванное крестьянскими волнениями городское движение грозило стать центром крестьянского и Пугачев, назначая воевод, к тому и стремился, то саратовское движение, в условиях разбитого крестьянского, соединяло свои силы не с массовым движением, а с авангардом, который нечего было организовывать. Следовательно, системе соотношения классовых сил, их организации для развития революции Саратов уже не мог дать ничего нового.

За Саратовом к Пугачеву присоединилось 700 человек заводских мастеровых во главе с казаком Ходиным. По Волге к Царицыну прибыла партия в 1.000 че-

ловек, состоявшая главным образом из ахтубинских рабочих. Последняя партия, правда, была разбита, но даже в лучшем случае влитие рабочих в армию могло бы продолжить несколько маршрут Пугачева, и только.

В бою на реке Прилейке 16 августа к Пугачеву присоединилось до 3.000 калмыков. Но о роли и значении националов мы уже говорили. Я не буду перечислять случаев присоединения и отхода частей волжского, украинского и донского казачества. Важно что их присоединение ничего нового для комбинации сил уже не давало, не говоря уже о его прочности.

Армия Пугачева, представлявшая еще грозную силу, но оторванная от питательной среды, неизбежно шла к разгрому.

Если взять с внешней стороны общественные силы, которые участвовали в движении, то они, за исключением разве только калмыков, представляли собой лучшие силы, авангарды масс. Яицкие казаки, горнозаводские рабочие, армейцы, крестьяне,— в общем эта масса была довольно сплоченной, и не даром Пугачев в двух боях сумел разбить правительственные силы, в том числе и 4 полка донских казаков. С точки зрения внутреннего состояния движения донской период был движением авангардов предшествующих фаз пугачевщины—авангардов уже разбитых масс. В этом, по-моему, и заключается вся трагедия Дона, и искать ее причины в настроении яицких казаков или в том, что Пугачев просчитался в донцах, совершенно не приходится.

Что касается донских казаков, то Пугачев знал, с кем имеет дело. Посмотрите на тот манифест, который он им послал: в нем есть и о „немецких обычаях", и о вытекающем отсюда богомерзком брадобритии, есть приглашение для желающих „оказать ревность и усердие для истребления вредительных обществу дворян" и т. д.— какие-то общие, я бы сказал, лишенные целевой установки положения, а реального только то,

что „на первый случай не в зачет жалования по 10 рублей награждения оставлены не будут“.[1] Чем объяснить такую смену ясных, четких, боевых манифестов неуверенным аргументированием, чем объяснить замену обещания по взятии власти выполнить программу—попыткой купить казаков за „10 рублей“? Не психологией яицкой группы, не просчетом, а тем, что Пугачев знал, с кем имеет дело, знал, что требованиями и программами донцов не заманишь.

Донцы не знали крепостничества, они были уже достаточно расслоены, так что общей программой борьбы с крепостничеством их привлечь было нельзя— вот почему Пугачев в качестве, так сказать, „общенационального“ лозунга выдвинул здесь „деньгу“.

Отсюда не следует, что среди донцев не было элементов, готовых поддержать движение. Бригадир Брынин писал Щербинину, что „донцы мысли имеют худые и некоторый подлый народ охотно бунтовщика Пугачева ожидают“.[2] Мы имеем факты как прямого присоединения „донцев“ к мятежникам, так и нейтрального их отношения. „Во многих станицах Войска Донского его... стречают не только с хлебом-солью, но и знаменами“.[3] Когда атаман Луковкин набрал 550 человек донцев и двинулся против отряда пугачевцев, казаки неохотно шли за Луковкиным: „как бы нам,— говорили казаки,—вместо Пугачева не поднять рук на миропомазанника Петра III“;[4] в боях на реке Мечетной на сторону Пугачева перешло около 400 человек донцев, и т. д. Но все это было не то, что нужно, а нужно было активное выступление, восстание основного массива донского казачества. Но этого не произошло: ждал, встречал пугачевцев только „худой народ“, а не вся масса, и в этом была вся суть. Если прибавить

---

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 21.
[2] Там же, т. II, № 78.
[3] Там же, № 79.
[4] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 224.

к сказанному, что Дон был буквально запружен перебрасываемыми на борьбу с Пугачевым войсками, что донцы только что освободились от войны с турками, то станет понятным, почему Пугачев выдвинул лозунг „деньга“. Этот лозунг, рассчитанный на нейтрализацию основной массы казачества, со стороны Пугачева дополнялся тактикой активизации низов Дона путем внедрения туда организованых элементов. Из Курмыша на Дон были направлены три отряда пугачевцев; они должны были поднять тех, кто хотел подняться, но не имел для этого силы, сломить ту часть, которая организовывала контр-революцию, и таким образом несколько уравновесить соотношения борющихся сил. Эту комбинированную тактику нельзя не признать правильной и вполне допустимой. Уязвимое место ее состояло в том, что она должна была заменить собой классовую стратегию. А расстановка сил на Дону была такова, что, с одной стороны, имелась привилегированная старшина, с другой—привилегированным было все казачество; отсюда противоречия между старшиной и казачеством и между казачеством и остальным населением. В результате со стороны низов мы видим только колебания, а со стороны верхов—активную борьбу.

Пугачев тщательно готовился к встрече с Михельсоном, но результатом сражения 25 августа под Сальниковым заводом явился сначала разгром армии, а потом и предательство в отношении самого Пугачева.

Разгром армии Пугачева на Дону был разгромом смелой попытки авангарда революции выполнить свою программу, когда массовое движение было уже задушено.

III. Основные проблемы революции.

(Оценка движения).

Рассмотрев социально-экономические предпосылки и борьбу классов в революции, перейдем к вопросам оценки движения — его программы, организационных

форм борьбы, причин поражения и влияния на господствующую систему. Совершенно очевидно, что в анализе этих вопросов мы исходим из того основного положения, что революция была порождением кризиса всей системы, что борьба велась всеми эксплоатируемыми со всем командующим классом и его государством.

А. Программа движения

Анализу программы пугачевщины в исторической литературе определенно не повезло. Не говоря уже о буржуазных или марксистско-плехановского толка историках, даже историки наших дней игнорируют этот вопрос, отделываясь утверждением, что программа эта сводилась к истреблению дворян или, что еще хуже, утверждая, что на основе пугачевских манифестов нельзя доказать, что повстанцы имели осознанную политическую программу.[1]

Нужно сказать, что, помимо некоторого несерьезного отношения к документам, в основе такого отношения лежит едко высмеянное М. Н. Покровским положение: „И как ни гнусна интенсифицированная барщина... что могли поставить на ее место поволжские крестьяне, вдохновляемые уральским казачеством".[2] Этот старый взгляд, открыто высказываемый буржуазными историками, проникает и в марксистские ряды. Выше (глава I) мы уже приводили теорию о том, что в России до самой реформы развивались те же процессы, что и до пугачевщины, а раз так, значит, не за что было бороться, не было экономической базы борьбы, не было и не могло быть программы. Мы не можем здесь развертывать доказательств несостоятельности такой постановки вопроса: заметим только, что корень ее заключается в признании прогрессивным хозяйством,

[1] Томсинский, „Историк-марксист", № 6, 1927 г., стр. 50.
[2] Покровский — Предисловие, стр. 4. „Пугачевщина", т. I.

в своем развитии дающим капитализм, только помещичьего крепостного хозяйства; что касается крестьянского хозяйства, то его тенденции и способности к развитию отрицаются, оно сводится к роли винтика барщины, и только. Эта точка зрения — одно из наследий, которыми наградила нашу историческую науку буржуазная историогрифия. Маркс, а затем Ленин давно уже доказали обратное, доказали прогрессивность развития крестьянского хозяйства по сравненню с помещичьим. И это вполне понятно, ибо помещичье хозяйство в крепостную эпоху представляет собою не что иное, как присвоение труда или продукта труда крестьянского хозяйства. Развитие, разложение феодализма идет с крестьянского хозяйства — с этой производственной ячейки феодального строя. Следовательно вопрос стоит не только о разложении феодализма, о подготовке перехода к капитализму, а о том, идет ли это разложение, эта подготовка к переходу в условиях господства феодальной эксплоатации или при ее отсутствии. Так и только так может ставить вопрос марксист.

Но вернемся к программе. Она вырабатывалась в процессе движения, она, конечно, не была заранее подробно разработана; манифесты, где эта программа формулировалась, были агитационными призывами, они должны были учитывать уровень масс, особенность района, степень обостренности борьбы и т. д. и т. п.

Характерно, что то, о чем мы спорим спустя 170 лет после начала движения, было совершенно очевидно как для участников борьбы, так и для противников Пугачева. Вот что писала Екатерина в указе о назначении Бибикова главнокомандующим: „Поручаем вам созвать... дворянство и... изобразить... живыми красками... что в пресечении опасного и поносного бунта... интересованы собственная их и семей их личная безопасность, безопасность их имений да и самая цельность дворянского корпуса“. [1]

[1] Записки Академии Наук, т. I, кн. II, стр. 40.

Как видим, дело ставится на широкую ногу — „личности“, „имению“, „корпусу“, словом всей системе грозит удар, и на защиту ее призывают весь класс. И это вполне понятно. Представители классовых интересов дворянства иначе не могли поступить в такой момент, когда по России гуляли манифесты Пугачева с такими призывами: „А естли кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то помещики и вотчинники, тех как сущих преступников закона и общего покоя... лишат жизни..., а домы и все имение брать себе в награждение“, [1] когда Грязнов писал: „Подумайте того, что дворяне привыкли всею Россиею ворочать, как скотом“. [2]

Движение было ярко антидворянское. Но мы ошиблись бы, ограничившись только такой характеристикой „Компанейщики,—писал Грязнов,—завели премножество заводов и так крестьян работой утрудили, что и в ссылках тово никогда не бывало“. [3] Но и это не все: „Освобождаем всех прежде чинимых от злодеев-дворян и городских мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев“.[4] „Довольно уже наполнена была Россия о нашем от злодеев (главных сенаторов и дворян) укрытии вероятным слухом“. [5] Дворяне, компанейщики, сенаторы, судьи мздоимцы — это целая галлерея, целая система, которую собирался уничтожить Пугачев, и не удивительно, что Екатерина завопила — движение направлено против всей системы.

Спрашивается, во имя чего же должно было произойти такое „истребление“, такой переворот, какова была положительная программа?

„Жалуем... всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподанными ра-

---

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 13.
[2] Там же, № 71.
[3] Там же, т. I, № 70.
[4] Там же, № 19.
[5] Там же, № 21.

бами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владение землями, лесными, сенокосными угодиями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем всех прежде чинимых... отягощениев",— писал Пугачев 31 июля 1774 г. Это обещание „жалования" проходит красной нитью через все манифесты рассматриваемого периода: „будите мною... жалованы: казаки и калмыки и татары... во всех винах прощаю и жаловаю вас рякою с вершын до усья и землею и травами и денежным жалованьям и свинцом и порахам и хлебныим провиантам"[1] — писал Пугачев 17 сентября 1773 г.; „от ныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом и провиантом, словом всем тем, что вы желаете... и бутьте подобными степным зверям"[2] — писал Пугачев башкирам 1 октября 1773 г. Среди остальных манифестов есть еще одно новое „жалование"— чинами, а остальные только так или иначе варьируют приведенные.

Стоит сравнить приведенные выдержки из манифестов, чтобы стало ясно, что между указами, разделенными годичным промежутком, принципиально никакой разницы нет — исходные пункты одни и те же. Объяснять это заведенной формой было бы неправильно, ибо как раз по форме манифесты разнообразны: отсюда вывод — на протяжении всего движения идеология его оставалась одна и та же, проводился раз взятый курс, хотя конкретное выражение его менялось в зависимости от обстановки.

Постараемся представить эти обещания „жалования" в развернутом виде. Своим острием программа

[1] „Пугачевщина", т. I, № 1.

[2] Там же, № 4,

направлена против феодальной собственности и феодальных основ эксплоатации — ликвидация монополии на естественные богатства, ликвидация прав на труд крепостного крестьянства: отобрать от дворян угодья, „крестьянам быть от помещиков свободными“, „деревни отнимать“ и „имения брать“.[1] Дворянство ликвидируется как класс феодального общества. Зарубин в своих показаниях говорил, что дворян предполагалось взять на службу и „дать им денежное жалование“, конечно, при условии, если они согласятся признавать новую власть.

Буржуазным историкам, которые так много распространяются о служебно-государственной деятельности дворянства, следовало бы лучше познакомиться с документами пугачевщины, с ее программой ликвидации дворянства и превращения дворян в служилых за жалованье. Впрочем, этого им не одолеть, ибо у Пугачева ликвидация класса дворянства, его превращение в наймитов государства было прямым образом связан с ликвидацией феодальной эксплоатации, с ликвидацией такого положения, когда „дворянство владеет всем государством, взявши чин, пойдет в отставку и крестьян бедных разоряют“. [2]

Пойдем дальше. Существование феодальных отношений в условиях развития денежного хозяйства неизбежно связано с целым рядом таких отношений эксплоатации, которые выросли на иной, чем феодализм, базе — на базе развития денежного хозяйства. Таковы применение крепостного труда в промышленности, откупа и привилегии в торговле, всевозможные пути присвоения собственности, начиная от прямого насилия до использования феодальных прав и судов (или лучше, отсутствия последних для производителей). Отсюда — борьба против компанейщиков-заводчиков, откупщиков, мздоимцев-судей и т. д. Заводские кре-

[1] „Пугачевщина“, т. II, № 41.

[2] Там же, № 64.

стьяне получали свободу, оставшиеся переходили на „государево“ жалование и снабжение, заводы переходили „на государя“. На обеде у пензенских купцов Пугачев коротко сформулировал свою программу в отношении городской деятельности: „Ну, господа купцы, теперь вы и все городские жители называйтесь моими казаками, я ни подушных денег, ни рекрут с вас брать не буду, и соль казенную приказал я раздать... а впредь торгуй ею, кто хочет, и промышляй всяк про себя“.[1] Для борьбы с другими видами всевозможных присвоений чужой собственности характерно предписание военной коллегии от 24 мая 1774 г. „На прозбу Федора и Тимофея Шараповых (экономических крестьян—*С. С.*) мушную мельницу... коей дед их владел... должны они владеть... А как обыватель города Алатыря Иван Гаврилов назад три года без всякого к ним, просителям, платежа только по одним проискам и неправильно со обидой отнятием (владеет — *С. С.*)... чего ради... Гаврилову... владение отказано, а дозволяется владеть им“.[2]

Вся эта цепь тесно связанных между собою мероприятий завершается „жалованием“ — освобождением от рекрутских наборов, налогов и „обид“. На этом последнем пункте особенно пытаются играть те, кто сознательно или бессознательно стремится принизить значение революционного движения — обещал, мол, налогов и рекрут не брать, а сам брал, да и на чем бы держалась государственная система? Прежде всего нужно ясно ответить на вопрос, о какой системе идет речь, дворянской или „крестьянской“, ибо это две вещи разные: для того, чтобы держалась дворянская система, необходимы налоги, рекруты и т. п. и именно в форме „обид и отягощениев“, в форме насилия, иначе эта система господства кучки, ничтожного меньшинства держаться не может. Она должна все брать насилием, чрезвычайно раздувать свой аппарат насилия, чтобы

---

[1] Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 166

[2] „Пугачевщина“, т. I, № 34.

держать массу в подчинении, а для этого нужны налоги рекруты и т. д. Не понять это может только тот, кто смотрит на государство, как на аппарат порядка вообще. Другое дело революционное государство эксплоатируемых: это насилие большинства над меньшинством, и для осуществления этого насилия нужны не налоги, не рекруты, а революционное низвержение господства эксплоататоров и подавление их контр-революционных тенденций, а эту работу выполняет весь эксплоатируемый класс, распределяя соответствующим образом свои силы (армия, аппарат управления и т. д.); остальное же, что выходит за пределы подавления господства, относится к области мирного строительства, где налоги принимают совсем другую форму и имеют иное назначение (образование и т. п.).

Итак, перед нами целая система социально экономических преобразований, острие которой направлено против крепостнической системы угнетения и эксплоатации. Проведение ее в жизнь означало бы гибель старой системы. Нужно ли доказывать, какое значение это имело для эксплоатируемых и для дальнейшего экономического развития страны. Эксплоатируемые — непосредственные производители, будь то крестьянин или киргиз —получали возможность развиваться в условиях отсутствия гнета крепостнических отношений, производительным силам был бы дан огромнейший толчок уже самим фактом уничтожения паразитического класса, потребляющего богатства—дворянства.

Могут сказать, что развитие раскрепощенного производителя есть превращение его в товаропроизводителя, есть в то же время разложение его, как товаропроизводителя, и превращение его в „капиталистического производителя“ — с этим никто спорить не станет. Суть кризиса в том и состояла, что развивающиеся товарно денежные отношения выводили производителя из рамок натуральной экономики и поставили в порядок дня вопрос о ликвидации свойственных натуральному хозяй-

ству отношений эксплоатации. Перед фактом кризиса дворянство выдвинуло (как, впрочем, со своей сословной позиции и купечество) программу увековечения крепостничества. Пугачевщина выдвинула программу уничтожения крепостничества. Дворянство, увековечивая крепостничество, увековечивало имеющиеся противоречия,— пугачевщина, уничтожая крепостничество, уничтожала эти противоречия. Разница огромная — одни выступают как реакционеры, другие как революционеры, и притом не только с точки зрения методов действия, но и с точки зрения экономического содержания движения, а в этом вся суть. Пугачевщина имела что противопоставить интенсифицированной барщине, она противопоставляла ей возможность для освобожденных производителей развития и интенсификации своего труда. Раскрепостить производителя, предоставить возможности для его развития — такова задача программы.

Отрицать систему, цельность антикрепостнической программы пугачевщины — дело явно безнадежное. Но можно ставить вопрос по-другому, и притом не вообще, а конкретно: имелись ли предпосылки того, что этот освобожденный производитель не замкнется в системе своего натурального хозяйства, что этот строй не превратится в ту систему замкнутых натуральных общин, которой нет никакого дела до „бурь", просходящих в общественном развитии, как это говорил Маркс про индийскую общину докапиталистической эпохи. Это вопрос чисто конкретный — вопрос о степени разложения натурального хозяйства. Для пугачевщины этот вопрос разрешается положительно, она сама, как мы видели выше (глава I), является прямым продуктом разложения натурального хозяйства.

Мы видели, что период пугачевщины — это переломный период, когда выделение товаропроизводителя, превращение натурально-крепостного производителя в товаропроизводителя, со всеми вытекающими

отсюда последствиями являлось господствующей тенденцией. И весь вопрос упирался в обеспечение политических условий ее реализации — свержение крепостничества и обеспечение свободы. Лозунг „свободы“, превращающийся, в зависимости от местных условий, в свободу от помещиков для крестьян, в лозунг „вольного казачества“ для всех групп государственного крестьянства и в „будьте подобны степным зверям“ для инородцев, как нельзя больше соответствовал тенденции развития. Мы не можем поэтому согласиться с толкованием лозунга „свободы“ в пугачевщине, как свободы для эксплоатации, как это пытается представить Меерсон.[1] Другое дело вопрос о том, к чему вела эта свобода и к чему она могла привести в рассматриваемых условиях.

Покамест же вопрос не выходил из рамок борьбы с крепостничеством. Призывая громить помещиков, заводчиков и откупщиков, программа пугачевщины вторым пунктом имела защиту собственности производителей: „Иметь обстоятельное... смотрение дабы в соли обвесу, а в вине обмеру и подмесу учинено не было“... „В жительствах казакам никаких обид, налог и препятствий не чинить и ко взяткам не касаться“,[2] на сообщение о том, что башкирские и мещерские команды „не только... помещиков, но и людей до основания разорили“, военная коллегия в декабре 1773 г. предписала башкирским и мещерским полковникам, „чтобы они разграбленные имения верноподанному сыновья обратно тем хозяйствам отдали... а помещиковых лошадей... тем, которые в службу годны... отдали ж“.[3] Здесь мы пока не выходим из этапа борьбы с крепостничеством — уничтожение собственности феодалов сопровождается требованиями не нару-

---

[1] Меерсон, „Вестник Ком. Академии“, № 13, 1925 г., стр. 106.

[2] „Пугачевщина“ т. 1, №№ 122, 75.

[3] Там же, № 25.

шать свободу деятельности и собственность эксплоатируемых, что вполне соответствовало и направлению борьбы и тому уровню развития производительных сил, который тогда был достигнут.

Но поскольку уже в рассматриваемую эпоху имелся в наличии капитализм в его низшей стадии, поскольку существовали и „крупные“ крепостнические промышленные предприятия, постольку помимо феодальных классов—дворянства и крестьянства—имелся в наличии купец-мануфактурист, крупный предприниматель-крестьянин и в промышленности и в сельском хозяйстве, а с другой стороны мануфактурно-промышленный, торговый и сельскохозяйственный пролетариат — предпролатариат, постольку уже в то время, на ряду с генеральной линией борьбы с крепостничеством и линией защиты собственности эксплоатируемых производителей (это был период господства мелкого производства), вставал вопрос об отношении к собственности на средства производства и к собственности на чужой труд и его продукты.

Общий характер рабочей программы мало чем отличается от „жалований“ казакам, крестьянам и т. д.: „будете жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, и хлебом, и провиантом, и свинцом и порохом и всякой вольностью“[1] — писал Пугачев в манифесте Авзяно-Петровскому заводу. Были ли другие манифесты, мы не знаем, но хорошо известно, что этот манифест был широко распространен по заводам Урала. Достаточно его пробежать, чтобы сказать, что из него выглядывает деревня — казак и крестьянин.

Что представлял собою тогдашний рабочий? В литературе довольно широко распространено мнение, что рабочий в эпоху пугачевщины — это тот же крепостной крестьянин, только прикрепленный к заводу. С количественной точки зрения, для подавляющего

[1] Пугачевщина“, т. I, № 10.

большинства, это, пожалуй, и верно: приписной рабочий-крепостной, который три дня работал на фабрике, а три дня в поле, домашний рабочий, кустарь, с известной оговоркой, что все же он скорей рабочий крестьянин, чем крестьянин-рабочий, может быть отнесен к разряду крестьянства. Однако ограничиться только такой характеристикой нельзя, ибо уже тогда существовал значительный слой рабочих, получавших средства к существованию только от продажи своей рабочей силы, слой, образовавшийся в результате распада средневековых сословий. Вопрос этот совсем еще не разработан. Но насколько этот слой должен быть значителен, показывает нижеследующая таблица, рисующая состав рабочих Большой Ярославской мануфактуры в 1737 г.[1]

		Численность	В процентах
Явно-пролетарские элементы	Посадские	244	36,3
	Дети солдат., матросов и служив.	581	8,6
	Дети дьячков, попов, дворян, купцов служней, ямщиков и беспризорные	91	13,5
	Дети рабочих и ремесленников	26	9,9
	Дворовые – помещичьи и купеческие	18	2,7
Скрыто-пролетарск. элементы	Дети крестьян дворцовых сел без указания	12	16,7
	Монастырские и церковные крестьяне	98	14,6
	Помещичьи крестьяне	16	2,4
	Собствен. фабриканта	9	1,3
	Всего	672	100

[1] Грязнов — „Большая Ярославская мануфактура“, стр. 421—453 (приложение № 6, список рабочих).

Как видим, 65% мастеровых представляли собою потомственных пролетариев в современном смысле слова. Для таких рабочих приведенного выше „жалования“ было недостаточно, итти же дальше значило ставить вопрос о другом ряде противоречий—с капиталом, хотя бы и на его низшей стадии развития. Это и нашло свое отражение в программе и деятельности пугачевщины.

В указе от 28 декабря находившемуся на самарской линии атаману Арапову военная коллегия, предписывая набирать в команду охотников, оговаривалась, что надо брать „кроме тех, которые, забрав у верноподданного под работу деньги, во избежании чего будут, от них бежав“.[1] Из документов, относящихся к 15—17 января 1774 г., мы узнаем, что у отца писаря одного из полков, Алексея Еремкина, все пожитки растащили и работники разбежались, почему на его просьбу и было дано специальное наставление от Ивана Никифоровича (видимо, Зарубин-Чернышев) казаку Михайлову, „чтоб те грабители пограбленное все возвратили без остатку“.[2] Сопровождалось ли это возвращение пограбленного возвращением рабочих, неизвестно, но из предшествующего указа как будто бы вытекает, что должно было быть так. Перед нами типичный пример перерастання защиты собственности эксплоатируемого крестьянства в защиту собственности капиталистов, хотя бы и типа современного крупного кулака. Освободившийся от крепостничества зажиточно-капиталистический элемент на другой же день после победы давал свое дополнение к общекрестьянской программе, защищающее интересы капитала.

Не мог не делать своих дополнений и рабочий, а рабочие, как известно, играли в армии Пугачева довольно значительную, а в определенные периоды и в определенных местах (уфимская группа, уральский пе-

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 24.
[2] Там же, №№ 196, 197.

риод движения)—основную и решающую роль. В приведенных выше примерах перед нами низший слой тогдашних рабочих—работники отца Алексея Еремкина попросту разбежались, растащив его имущество. Так делали и приписные крестьяне, которые вынуждены были даже давать обещания Пугачеву, что в дороге „никаких обид и налог в жительствах чинить не будут“.[1] Другой, более пролетаризированный слой рабочего класса так вопроса не ставил и ставить не мог— он уже не мог просто „растащить и разбежаться“.

В более поздний период—1784 г.—рабочие Ярославской мануфактуры в подложном указе, распространяемом среди них, „требовали“: „за работы... против настоящей цены отдавать, а обид и налогов не чинить... також старых и малых тем производить половинную плату или строить про старых больницы, а для малолетних воспитательные дома“;[2] в другом указе того же времени требовали, чтобы жалобы работных людей никем не разбирались, „окромя мануфактур и коммерц-коллегии“. Как видим, перед нами своего рода программа-минимум, ставящая вопросы об улучшении положения рабочих и их семей в условиях сохранения старого строя.

Программа пугачевщины, осуществляя минимум требований, в то же время далеко выходила за их пределы. Уплата зарплаты была обеспечена, средства изыскивались вплоть до того, что, когда башкиры увезли с Рождественского завода казну, Зарубин предписал выдать полторы тысячи рублей заработанных денег „из вырученных за соль и питейных доходов“[3]. Распределение хлебного и денежного жалованья шло по принципу уравнительности: „определяю, — писал Зарубин на Рождественский завод, — деньги 597 руб. 50 коп. за заработную плату, в мир объявя, разделить

[1] „Пугачевщина“, № 212.
[2] Грязнов—„Большая Ярославская мануфактура“, стр. 543.
[3] Пугачевщина, т. I, № 226.

по равному количеству";[1] хлебный провиант атаман Носков в наставлении Воскресенскому заводу рекомендовал выдавать „мастеровым людям, смотря по семейству... а оставшимся женам с малолетними детьми по тому ж кормить"[2]. Разбор ссор между мастеровыми, работными людьми и служителями внутри завода производился силами самих рабочих. По отношению к элементам, усиливающимся, нарушающим общий порядок, тот же Носков предписывал: „естли же паче чаяния кто из мастеровых в каких-либо случаях усиливатця будет, таковых не допущать, а собирая верноподданных... брав под караул от того их отвращать".[3]

Не менее характерно отношение к средствам производства. Заводское имущество, материалы и инструменты предписывалось хранить в специальных магазинах и амбарах, чтобы никто не растащил; рабочие Юговского завода по поводу нападения на их завод башкир сообщали, что „две конторы... письменных дел уничтожили... все фабрики опустошили, у заводских жителей — лошадей, денег, одежды побрали", и просили у Пугачева „рассмотрения сего их сообщения"; они же просили две мучные мельницы укрепить за ними и не передавать крестьянам, обязуясь вести точный учет поступающих денежных сумм.[4] Дополним эту программу тогдашних пролетариев тем, что на заводе правление и все служащие были выбранные, что внутризаводская деятельность не разрывалась с деятельностью центральной власти, и перед нами предстанет картина первоначальной формы обобществленного производства, с равенством потребления в секторе этого производства (у рабочих оставались поля, скот), демократичной внутри и выступающей как целое в сношениях с внешним миром.

---

[1] „Пугачевщина", № 225.
[2] Там же, № 215.
[3] Там же.
[4] Там же, т. I, № 250.

Влияние программы передового пролетариата, программы обобществления, выходило за пределы заводов. Мы видим это влияние в указе военной коллегии о том, что „боярскую пажить, имения, хотя тот боярин и бежал... отдав онную верноподданному человеку с описанием сюда рапортовать“;[1] под непосредственным же влиянием этой программы были изданы указы: „у которых если обыщется хорошая лошадь, а казаков... не будет, у таковых лошадей отбирать с записью“, „у кого имеется десять скотин, у того взяв одну неимущего снабдить“.[2]

Как видим, рабочим дополнением к программе борьбы с крепостничеством является рабочая программа-максимум, программа обобществления, программа подчинения частно-собственнических тенденций общественным интересам,—конечно, все это с той оговоркой, что это было в тот период, когда не было крупных средств производства. Но тем интереснее эти проблески, тем они заманчивее для исследователя.

В общем виде социально-экономическая часть программы пугачевщины представляется так:

1. Развернутая программа борьбы с крепостничеством во всех его проявлениях, направленная на ликвидацию феодальной собственности и обеспечение непосредственным производителям возможности развития,—программа эксплоатируемого крестьянства и мелкого производителя. Эта генеральная и основная часть программы дополняется:

2. По линии выделяющихся из среды самостоятельных производителей капиталистических элементов—программой, гарантирующей им собственность на капитал, а следовательно и на чужой труд.

3. По линии отдиференцировавшегося мануфактурного пролетариата—программой общественного использования основных средств производства с зачатками равенства в распределении.

[1] „Пугачевщина“, т. I, № 27.
[2] Там же, № 200.

Программа крестьянской революции, являясь крестьянской программой борьбы против крепостничества, обнаружила свою двойственность при первом же шаге от отношений феодальных к отношениям, свойственным капитализму,— она раскалывалась на программу растущих буржуазных элементов и на программу растущих пролетарских элементов.

Антикрепостнической программе пугачевщины, помимо рабочего вопроса, пришлось иметь дело и с национальным вопросом. Выше мы приводили „жалования" башкир,— они помимо общих „жалований", содержат пункт „жалую верою и законом вашим". [1] Этот пункт— своеобразная формулировка требования самоопределения нации. Грязнов писал: „как россияне, так и иноверцы приведены вровень"; иностранцы подчеркивали, что „Пугачев заставлял своих сообщников уважать иностранцев". [2] Среди башкир основную работу проделывали сами инородцы,— агитировали, командовали отрядами и полками, собирали необходимые средства. Виднейшие представители инородческого движения: Бахтиар Канкеев, Салават Юлаев, Сандашев, Каранай Муратов, Канзафар Усейнов, Дербетов и т. д. Только этот последовательно проводимый принцип обеспечивал совместную деятельность в борьбе с правительством как различных инородческих групп, так и всех инородцев и русских.

На ряду с полной национальной свободой из указов, увещаваний и наставлений определенно вытекает принцип совместных централизованных действий против контр-революции; русские полковники предписывали инородческим и обратно, например, Салават Юлаев определяет Иванова атаманом над всем Красно-Уфимским районом, с требованием „о состоянии... рапортовать" [3] Жителям, как русским, так и инородцам, стремились ни-

---

[1] „Пугачевщина", т. I, № 4.
[2] „Анналы", кн. III, стр. 170.
[3] „Пугачевщина", т. I, № 152.

каких „обид, налог не чинить“, отсюда требование чтобы „башкирцы и мещеряки до русских церквей обиды или грабежей не чинили“, [1] отсюда же требование возвращения взятого имущества в селах, районах и на заводах. [2] В рамках этих довольво четких принципов со стороны самих националов не могли не проявляться уклоны, связанные с ликвидацией старого русского наследства,— разгром заводов, русских церквей и даже селений и т. д. С другой стороны, это не могло не приводить и к некоторым перегибам в борьбе за защиту собственности тех же крестьян и рабочих; отсюда наличие фактов, когда заводы оборонялись от башкир, и т. д. Перегибы эти, без сомнения, имелись, но все же, при неизбежных уклонениях в сторону шовинизма того и другого рода, программа пугачевщины национальный вопрос разрешала правильно. Что же касается противоречий внутри групп националов — классовых противоречий, то к ним применимы те положения, которые выше мы установили относительно программы вообще.

Форма государственного устройства — один из самых неразработанных пунктов в программе пугачевщины. „Государь-император“, и „жалуем вас вольностью рабов своих“, „награждены будете мною денежным, хлебным жалованием и чинами“ и „выбрав доброго и честного человека .. определить миром над собою командиром“ [3] — таковы главные элементы и в то же время основные противоречия этой программы. В развернутом виде она представляла следующую систему: вверху царь с назначенной им самим военной коллегией, в которой сосредоточивалось все административное, хозяйственное и военное руководство. Члены этой коллегии или ее чрезвычайные уполномоченные действуют во вверенном им районе войсковой части и т. д.—граф Чернышев, главный полковник Бахтиар Канкеев и т. п.

---

[1] „Пугачевщина“, № 28.
[2] Там же №№. 25—76.
[3] Там же, т. I. №№ 4, 9, 215.

С ними связана целая сеть полковников, атаманов, с помощниками и есаулами, действующими по их приказанию и их именем. При этом, в зависимости от условий полковники и атаманы попадали в систему двойного подчинения, были связаны и с местной районной властью и непосредственно с военной коллегией. Низшая ячейка: команда, завод, село и даже волость—имела во главе старосту, атамана, есаула, как правило,—выборных. Этих выборных утверждают и жалуют чинами полковники соответствующих районов: „рекомендую быть в правлении... по избрании всех заводских служителей плотинному методу Сергею Митюкову“,—писал атаман Носков на Воткинский завод. Этот порядок не исключал и назначения атаманов и есаулов сверху, как это было с воеводами Алатыря, Саранска. [1]

Как общий принцип, чрезвычайно показательно свойственное, видимо, всем революциям соединение в одних руках исполнительной и законодательной власти. Осинская земская изба, саранинская изба, Рождественский завод, атаман Арапов в районе Самары выполняют и военные и гражданские функции.

В программе мы видим, таким образом, сочетание демократизма с чиновничье-бюрократической системой, инициативы масс с царизмом. Если взять эти принципы с точки зрения развязывания деятельности масс и централизации этой деятельности, то в них ничего противоречивого не было, как тот, так и другой выдвигала сама жизнь. Освобождение от власти помещика и заводчика, развитие крестьянином своего хозяйства по линие товаризации, по линии борьбы с „усиливающимися“ элементами требовало развязывания инициативы, и в то же время само развитие экономической деятельности выдвигало принцип централизации. И в этом смысле государственный строй пугачевщины, без сомнения, выше строя тогдашнего дворянского госу-

[1] „Пугачевщина“, т. I, №№ 38, 49, 215.

дарства, и притом по двум линиям: и по линии большего демократизма внизу и по линии большего централизма вверху. В то время, как в Екатерининской комиссии дворяне выбросили жалкий лозунг „самодержавие, а не самовластие", пытаясь ограничить чрезмерный произвол и сохранить централизм, пугачевщина выдвинула вверху именно идею самовластия—„над всеми вел он (Пугачев) большую строгость... не любил ни указчиков, ни советчиков",[1] говорил Шигаев, — и в то же время выборность атаманов. Государственный строй пугачевщины стоял выше и существовавшего строя и того строя, который рисовало себе дворянство. А если к этому прибавить систему правильного государственного хозяйства, — продажа соли, сбор запасов, мобилизация армии, — то вещи эти будут совершенно несравнимы; дворянскому государству впоследствии, от Потемкина до Витте, пришлось немало поработать, чтобы организовать „приличную" централизованную систему управления, систему фискальных сборов.

Но для нас важен сейчас другой вопрос — о сочетании монархизма с демократизмом, о классовой стороне. Удовлетвориться объяснением, что царизм в пугачевщине есть царизм рабовладельца, или что царизм был выставлен казаками для серых масс, мы не можем, потому что казаки, да и сами массы знали, что Пугачев не Петр III. Здесь более верен лозунг Мясникова: „мы из грязи сделаем князя". Массы шли не за царем, не за титулом, а за программой.

В одном из указов Пугачев так сформулировал сущность своего царизма: „больших и меньших в одном классе почитатель, скудных богатейшей государь".[2] Достаточно обратить внимание на это выражение — „больших и меньших в одном классе", вспомнить, что из этих „больших" выбрасывались все, против кого была направлена генеральная линия программы, чтобы

[1] „Пугачевщина", т. II, стр. 195.
[2] Там же, т. I, № 9.

вопрос стал ясным сам собой. „Больший“ и „меньший“ — ведь это, в сущности, два класса, но два класса, развитие которых стоит на такой ступени, что их можно соединить в один класс, а так как соединение в одном классе даже не до конца развитых классов означает наличие борьбы, то совершенно очевидно, что эту борьбу как-то нужно прикрыть, тем паче, что ее еще можно было прикрыть. Она и прикрывалась выдвижением фигуры царя. На фигуру царя могли взирать с надеждой оба класса, раз ни один из них не мог действовать самостоятельно до конца, на ней они могли объединиться для борьбы с крепостничеством в надежде каждый получить то, что ему нужно. Могут сказать, что перед нами в таком случае система своеобразного революционного бонапартизма, и это будет правильно, ибо эта система выросла на основе соединения „больших“ и „меньших“ в одном классе, на основе их объединения.

Кто выдвинул эту систему? Ее выдвинул, без сомнения, потерявший надежду на свои силы, но готовый бороться за свое существование товаропроизводитель, ее выдвинул уральский казак войсковой стороны, боровшийся 10 лет за свободное развитие. В 1768 г. он уже потерял веру в своих собственных представителей: выдвинутый войсковой стороной атаман Тамбовцев тянул руку старшин, — он уже тогда просил дать „сверхсилу“, хорошего чиновника из центра, а когда этот чиновник в лице Траубенберга начал рубить казакам головы и они его убили, оказалось, что сил больше нет — карательному отряду Фреймана даже не сумели дать надлежащего отпора. Оставалась одна надежда—достать своего „сверхчиновника“ — царя. Эту систему поддерживал и не мог не поддерживать вступивший в борьбу товаропроизводитель-крестьянин. Кто может отдать братьям Шараповым мельницу, которой завладел Гаврилов, кто сумеет распределить господский хлеб между двумя селами Алатырского

уезда?[1] На кого, наконец, может быть надежда у неоднократно восстававшего и терпевшего поражения крестьянина? Ясно, что на своего царя. Разрозненный товаропроизводитель имеет чрезвычайно малую силу сопротивления — он теряет ее в конкуренции с другими, такими же, как он, он не может самостоятельно бороться с крупными и не хочет в то же время быть съеденным этими крупными. Он не прочь жить в мирных отношениях с представителями крупной собственности, ибо он против того, чтобы кто-либо вмешивался в его собственность, — отсюда царь „больших и меньших в одном классе". Реализация этого царя возможна была только потому, что этот мелкий товаропроизводитель не был еще достаточно расщеплен, что ни слева ни справа не было достаточных сил, которые могли бы взять командное положение — ни крепкой буржуазии, ни крепкого пролетариата. В данном случае сочетание царизма с демократизмом есть такая же генеральная линия программы в области государственного устройства, как защита мелкой собственности в программе социально-экономической. Но дальше от нее шел уже процесс расщепления: выделяющемуся капиталисту нужна крепкая чиновная организация, иначе не обеспечена его собственность, пролетариату нужна крепкая демократическая организация, иначе он не гарантирован от нарушения условий труда; отдельные „мастера", как писал атаман Носков, будут усиливаться, с ними он должен бороться, и гарантия здесь только в организованных действиях, вплоть до того, чтобы посадить их под караул. И не случайно земские избы, выборность получили максимальное развитие именно в районе уральских горных заводов, не случайно, с другой стороны, в периоды серьезных поражений Пугачев искал опоры в массовом движении.

Как видим, в формах государственного устройства, в принципе их строения проявляется та же тенденция,

[1] „Пугачевщина", т. I, № 266.

что и в социально-экономической части программы. Против крепостничества — основная линия, а дальше уже две стороны: предприниматель и пролетарий. И уж если говорить о недостатках программы с современной точки зрения, то они в том и заключались, что она, имея одну генеральную линию, была раздвоенной. Это целиком объясняется достигнутой ступенью социальной диференциации, положением, когда при наличии элементов новых классов все же можно было говорить от имени царя „больших и меньших в одном классе“.

Б. Стихийность и сознательность.

Вопрос о стихийности и сознательности, или, что то же самое, об организованности и неорганизованности, в пугачевщине сводится не просто к вопросу о наличии элементов стихийности в движении, — такие элементы неизбежный спутник всякого массового движения, — а к вопросу о том, насколько сама пугачевщина ее ход, стратегия и тактика программа и т. д. является проявлением слепой стихийной силы. Положительный ответ на этот вопрос гласит: „яицкие казаки ставили себе ограниченную задачу освободить родной Яик... если же они стали во главе движения, которое выходило из рамок их задач, то в этом они меньше всего виноваты — их нес поток“.[1]

Во-первых, кроме яицких казаков в движении участвовали, по признанию одного из активных деятелей пугачевщины, „старые солдаты, разночинцы, вся чернь, как то: заводские и помещичьи крестьяне“.[2] Во-вторых, теперь уже определенно можно сказать, что яицкие казаки знали и не могли не знать, что дело идет о борьбе со всей системой, они к этому подве-

[1] Томсинский, „Красная новь“, № 2, 1925 г., стр. 178.
[2] „Пугачевщина“, т. II, № 44.

дены были тем тупиком, в который зашло их местное движение 1762—72 г.г. Все активные участники движения единодушны в показаниях, что вопрос ставился о завоевании всей России, о завоевании Москвы. „По взятии Оренбурга намерение было идти в Казань и по завладению идти к Москве, потом в Петербург... государыню постричь в монастырь, а больших бояр истребить“—говорит Харчев. „Взяв Оренбург, пройдем к Москве“—говорит Зарубин, и т. д. и т. п. [1] В-третьих—об этом знала и не могла не знать не только казацкая, но и вся масса, ибо в первом же манифесте Пугачев принял не какой-либо другой титул, а титул „всероссийского“, призывая биться не за что другое, как за „устроение отечества“. Впоследствии (декабрь 1773 г.) он писал: „Возведет нас (господь—*С. С.*) на российский престол и уже ни один без отмщения... не останется“.[2] Следовательно, даже непосредственные документы свидетельствуют, что движение ставило перед собой национальные задачи, не говоря уже о том, что весь анализ причин, хода движения, его программы, отношения к нему господствующего класса показывает, что движение было направлено против всей системы. Да иначе и нельзя понять такого широкого массового движения.

Что касается самих яицких казаков, то они впоследствии довольно верно оценивали положение, говоря, что „за государя почитали потому, что, во-первых, его приняли яицкие казаки (речь идет о тех, кто участвовал в движении—*С. С.*)“... что „чернь, будучи от него разной милостью обольщена, была к нему весьма усердна“.[3] Это „усердие“ черни, группировавшейся вокруг программы пугачевщины, было настолько очевидно, что даже те, кто склонен был уйти от движения, сорвать его, объясняли свое участие в нем

---

1 „Пугачевщина“, №№ 33, 34, 41, 72.
2 Там же, т. I, №№ 1, 13.
3 Там же, т. II, № 34.

фактом всеобщего сочувствия низов. На вопрос следствия, почему самого Пугачева не убили, прямо отвечали, что „боялись, ибо против нас восстали бы в окрестностях его гнезда“.[1] А что этих гнезд было много, что ими был покрыт весь район восстания, об этом говорит та громадная организационная работа, которая проделывалась участниками пугачевского движения сверху донизу.

Не менее слабы аргументы в пользу стихийности, основывающиеся на самом районе восстания — Яике. Если принять во внимание, что движение направлялось против всей системы, то Яик, а затем и весь район Оренбург — Урал предстанут совсем в ином свете: использование, обострение выше прежнего стихийного движения масс в данном районе, с тем, чтобы организовать готовность к борьбе во всем округе и превратить революционную ситуацию в революцию во всей стране. Дальнейший ход движения, его тактика — боевые действия, агитация и т. д. — были направлены именно на максимальное развертывание энергии масс по всей линии фронта в национальном масштабе. Таким образом, с точки зрения направления движения, перспектив его развертывания, сочетания благоприятных условий начала восстания с условиями наличия революционной ситуации во всей стране — о движении как о стихийном говорить не приходится. Шли не вслепую, знали куда, знали за что, только при этом условии можно понять, в частности, такой факт, как совместная борьба уральского казака, горнозаводского мастерового, помещичьего крестьянина и угнетенного национала (башкиры, татары, калмыки).

Ведь все эти категории эксплоатируемых представляли собою в то же время различные „сословия“, стоя на разных — в смысле степени гнета — ступенях лестницы. Каждое из них, за исключением разве крепост-

---

[1] „Пугачевщина“, №№ 34, 41.

ного крестьянства, не хотело занимать низшее положение, быть более угнетенным, чем его сосед, каждое стремилось стать выше, выйдя из своей „сословной клеточки“. В этой разъединенности угнетенных в феодальную эпоху, в различной степени эксплоатируемых, заключается основное условие силы господствующего класса — ликвидация, стирание сословности означает уже гибель господства этого класса.

Чтобы понять, насколько в рассматриваемый период эти перегородки между угнетенными были еще сильны, достаточно обратиться к Екатерининской комиссии — там, в сущности, никто не поставил вопрос с точки зрения основных процессов развития. Все цепко держались за старое: дворянство хотело распространить свои привилегии на промышленность и торговлю, купцы отстаивали свою средневековую монополию на промышленность и торговлю, добивались получения крепостных крестьян и т. д. и т. п. Не даром после Екатерининской комиссии осталась только куча сырого материала, не даром она так бесславно погибла. Другое дело пугачевщина — она сумела сломать перегородки внутри группы эксплоатируемых, сумела вывести их интересы из узких рамок на линию борьбы со всей системой, она поставила на место узкоцеховых противоречий противоречия между эксплоатируемыми и эксплоататорами, а это уже есть элемент не стихийности, а сознательности. Но этого мало — поставив в порядок дня „штык“, пугачевщина сдвинула с мертвой точки и господствующие классы. Они не могли вести борьбы с движением, не объединившись, и притом в национальном масштабе, и они объединились. Кунгурский купец Хлебников боролся рядом с графом Паниным, чтобы разгромить движение — они тоже перешли с сословной на классовую точку зрения, их заставила перейти пугачевщина.

В ходе движения мы имели проявления противоречий внутри лагеря пугачевщины,— между башкирами

и русскими, частью казаков и остальным движением и т. д., точно так же, как мы имели проявления противоречий внутри группы борющихся с пугачевщиной сил — дворянство и купечество, частью внутри самого дворянства. Но не эти противоречия были основой как самого движения, так и борьбы с ним — линии фронтов определялись на основе генеральных классовых размежевок, а это уже ни в коем случае за счет стихийности отнести нельзя.

Возникает вопрос — насколько стихийность и сознательность проявились в формах борьбы, организационных формах. Эти формы зависят от того, какой класс борется; крестьянство, например, не может развернуть формы борьбы, свойственные рабочему классу, в роде соединения всеобщей стачки с восстанием в основных центрах. В то же время индивидуальный террор, массовый террор—жакерия—и национальное движение в форме армии крестьянской революции — крестьянская война — являются формами, свойственными именно крестьянскому движению. Каждая из перечисленных нами форм составляет низшую ступень по сравнению с последующей. Террор —индивидуальные убийства — удел активных одиночек; центр тяжести сосредоточивается при этом именно на данной личности, как источнике всех зол, ее устранением пытаются изменить коренным образом положение — объективно это движение без масс и не за массы и никаких массовых, тем более государственных организаций оно не создает. Жакерия — массовое движение, оно направлено против всего класса угнетателей, но его особенность заключается в том, что активное действие, удары направляются здесь на местные объекты. В жакерии неизбежна организация руководящего аппарата, в виде предводителей, атаманов и т д. Крестьянская война это высший тип крестьянского движения, когда массы не только участвуют в движении, но их участие организуется в форме армии крестьянской революции,

Это движение бьет и не может не бить по всей системе, оно организует аппарат власти, оно обязательно должно иметь программу — иначе нельзя организовать массы. Но крестьянская война развертывается не в центре, в провинциях — в рамках этой высшей формы крестьянского движения сил для борьбы с центральной властью не хватает. Здесь могут быть одержаны те или иные локальные победы, но, терпя поражения при столкновении с силами всей системы, движение вынуждено переносить действия в другой район, словом, превращаться в крестьянскую войну.

В пугачевщине мы имели сочетание всех трех форм движения. Поволжские и сибирские крестьяне били помещиков и индивидуально и организованно, армия, крестьянской революции прошла район Оренбург — Казань до Царицына. В отдельные периоды, например, в поволжских губерниях, преоблалающей формой была жакерия. Но что отличает пугачевщину — это сильное развитие, преобладение высшей формы движения, крестьянской войны. Именно это обусловило разработку программы социальных и политических мероприятий. Просьбы, приказы о наборе армии, доставке хлеба, торговля солью, снабжение армии вооружением и продуктами, деятельность местных аппаратов власти и даже факт своза крестьянами своих помещиков к Пугачеву,— все это говорит не о стихийности, не о слепом действии сил. Другое дело, что для победы все это нужно было бы поднять на высшую ступень, распространить на всю Россию. Но для этого требуется наличие новых классов, способных это сделать.

Свойственные крестьянскому движению низшие организационные формы борьбы коренятся в самом производственном положении крестьянства—разрозненный мелкий товаропроизводитель не может сам сорганизоваться с тем, чтобы сплоченно бороться, между тем, мы видим в пугачевщине довольно высокие формы борьбы, довольно стройную организационную струк-

туру, довольно продолжительный период борьбы (год). Спрашивается, где нужно искать те силы, которые сумели организовать и двинуть на борьбу крестьянскую массу?

Первая сила очевидна — это казаки. Превратившийся в экономической деятельности в товаропроизводителя, со всеми вытекающими отсюда последствиями, низший слой казачества подготовлен был к роли организатора движения как тем, что казак не превратился еще в мирного, разучившегося владеть оружием гражданина, т. е. сохранял военную организацию и имел оружие, так и тем, что в продолжение десятилетней борьбы казачество прошло огромную школу борьбы, от челобитных в Петербург до открытого восстания. Казаки в пугачевщине начали с того, чем уже кончали поволжские крестьяне,— с высшей формы организации. Отсюда их руководящая роль. Из них был сформирован главный штаб борьбы—военная коллегия (Шигаев, Творогов, Почиталин, Витошнов, Скобочкин, Горшков), их представителей в лице Зарубина, атамана Арапова, Торнова, Овчинникова, Грязнова мы видим на главнейших участках борьбы в качестве руководителей. Так, по крайней мере, было в первый период движения.

После поражения под Татищевой крепостью —март 1774 г.— среди этой группы, с одной стороны, обнаруживаются значительные элементы распада — бегство из лагеря Берды и притом бегство, о котором знали даже такие представители, как Творогов, фактически скрывавшие его по отношению к близким лицам. С другой стороны, их организующая роль снижается вследствие поражения — под Уфой выбыли из строя Зарубин, Грязнов, Кузнецов, под Татищевой Шигаев, Почиталин, Горшков и др. Хотя в дальнейший период мы и не видим яицких казаков в качестве руководителей движения в тех или иных районах, они оставались в главном штабе Пугачева вплоть до его выдачи.

Другая, на первый взгляд менее заметная, а на са-

мом деле игравшая основную роль в организации масс сила — это рабочие. При центральной власти мы видим только двух рабочих в качестве повытчиков (всего было 4) суда при военной коллегии, но зато они имели огромнейшее влияние на местах, организовывали массы на местах. Хлопуша, посланный в октябре месяце из-под Оренбурга на уральские заводы, столь широко развернул организационную деятельность, что вернулся к Оренбургу с 40 пушками, 120 лошадьми, 7000 руб. денег, 300 баранами, 77 быками и с целым полком, составленным из рабочих. До самой выдачи его правительству каргалинскими старшинами (при отступлении из Берды) Хлопуша являлся вождем и организатором горнозаводского Урала. Не менее значительна была роль Белобородова. О нем мы имеем даже некоторые биографические сведения. Сын приписного крестьянина, Кунгурского уезда, он был взят в рекруты и 7 лет (1759 — 1766) работал на петербугских пороховых заводах; симулируя болезнь ноги, он в 1766 г. получил возможность вернуться в свое село, но, видимо, не желая оставаться приписным, женился на дочери посадского человека и занимался торговлей в селе Богородском вплоть до 1 января 1774 г. С этого момента он становится организатором движения на всем горнозаводском Урале. Насколько велико было влияние отряда Белобородова на заводах, видно из того, что заводы, по его собственному признанию, добровольно сдавались ему; с отрядом в 450 — 600 чел. он побывал не менее чем на 10 заводах, выдержал две битвы с правительственными войсками, и после разгрома революционных сил под Уфой и Татищевой его горнозаводские отряды явились базой для нового подъема движения. Вместе с Пугачевым он брал Магнитную, Осу, Казань и после поражения у последней, видимо, отправляясь организовыватъ отряды среди крестьянства, отстал от Пугачева и попал в руки правительства.[1]

[1] „Пугачевщина“, т. II, № 126 (показания Белобородова).

Но деятельность прошедшего через годы ссылки Хлопуши и побывавшего в разных концах России на заводах Белобородова явилась только ярким проявлением организаторской роли и способности тогдашнего пролетариата. Зарубин, отправляясь под Уфу формировать армию, взял с собою 30 человек рабочих с завода Твердышева.[1] В числе полковников в армии под Царицыным мы имели: Григория Филиппова, „крестьянина“ промывательного завода „Уктусу“, Анисима Тюрина, бывшего ямщика, который был вывезен на Березовский завод, Мартына Андреева и Филиппа Мартынова — ссыльных рабочих на солеразработках; в чинах есаула и сотника — Алексея Зверева, плотника Каноникольского завода, Ивана Лунегова, приписного крестьянина Юговского завода, Петра Тимофеева, рабочего Кислинского завода, крепостного Демидова.[2] Список этот далеко не полный. Характерно здесь не только то, что перед нами рабочие - полковники и есаулы, но и то, что все они были взяты в плен в районе Царицына, следовательно, прошли весь путь революционной армии от Урала до разгрома под Черным Яром. На этом пути, как известно, революционрая армия потерпела поражение в троекратном бою под Казанью, и если под Царицын Пугачев пришел с армией, если в этой армии рабочие были полковниками и есаулами, то значит они, а не кто - либо другой, являлись организаторами крестьянства в Поволжьи. В документах имеются прямые указания на эту организующую роль рабочих среди поволжского крестьянства. Анисим Тюрин, командир Авзяно - Петровского полка на Урале, оказывается командиром сборного полка, называемого „Донской“, под Царицыным. Петр Тимофеев, рабочий Кислинского завода, стал во главе крестьянского движения Пензенской губ., в Петровске освободил 500 человек колодников и, собрав большой

[1] Дубровин, указ. соч., т. II, стр. 198.
[2] „Пугачевщина“, т. II, № 70.

отряд, терроризировал дворян. Как шла группировка сил крестьянства вокруг рабочих, видно из интересных показаний рабочего завода Твердышева Василия Акаева. Он после Казани направился в район села Ламовки, Пензенского уезда, и, организуя силы, вынужден был двигаться на Царицын не Волгой, так как Пугачев уже далеко отступил, а по направлению Усть-Медведицы. На Дон он пришел уже с отрядом в 300 человек. Ряд станиц его охотно принимал и становился на сторону Пугачева, и только при Запальской он после боя с казаками вынужден был отступить под Царицын к армии Пугачева.[1] Число таких фактов можно было бы увеличить, но суть их одна и та же — рабочие в пугачевщине выступают в качестве основной организующей массы силы, и это относится не только к уральским рабочим, но и к рабочим поволжских губерний. Крестьяне села Рассказово, Тамбовской губ., где была суконная фабрика купцов Тулиновых, не только сожгли фабрику, но и, захватив пушки, имели намерение двинуться под Тамбов.[2] В селе Майданы, Нижегородского уезда, фабричные и крестьяне организовывали заранее встречу Пугачева; в селе Воротынец фабричные и крестьяне, во главе с рабочими Пытовым и Черновым, захватили завод, разгромили фабрику и, организовав отряд, уехали „неизвестно куда“;[3] в районе Шкафтинских заводов Шувалова, Пензенской губ., действовал многочисленный отряд Фирса Иванова, который удалось ликвидировать только в конце октября 1774 г.[4] Таким образом, факты свидетельствуют не только о том, что рабочие организовывали крестьянское движение, но и что само крестьянское движение группировалось вокруг местных промышленных центров.

---

[1] „Пугачевщина“, т. II, № 129.
[2] Там же, № 139.
[3] Там же, №№ 137, 138.
[4] Там же, № 141.

Рабочий элемент вносил в движение свойственную ему дисциплинированность: упомянутый выше Акаев на допросе заявил, что он „препятствовал чинить беспорядки", Белобородов (на Саткинском заводе) присланного в помощь ему атамана Голева за пьянство и беспорядки „сковав, отослал обратно".

Насколько велика была роль рабочего элемента в организации движения видно из того, что даже те элементы, которые вышли из крестьянства или из других сословий, были или тесно связаны с рабочими или развивали свою деятельность под руководством рабочих. Мы имеем крестьян Якова Белянина, Никиту Пискунова, Андрея Максимова, которые были в отходе по „пашпортам"; Федор Григорьев, канонир пугачевской армии под Казанью, был за побег от помещика и „кражу лошадей" отправлен в казанскую тюрьму и освобожден только Пугачевым и т. д. и т. п. Аристов, выходец из дворян, принимал непосредственное участие в организации движения в районе села Воротынска, но этим движением руководили рабочие Пытов и Чернов. Интересно отметить, что среди торгово-капиталистических слоев города и деревни, где иногда склонны искать организующий элемент, мы на самом деле не только не имеем его, но видим прямо обратное — приказчиков вешали, старост и писчиков, как это было в селе Воскресенском, „секли плетьми".[1] В городских „революциях" — Саранск, Нижне-Ломово, Пенза, Саратов — ждут, готовятся к встрече, арестовывают воевод, вынимают фитили из пушек городские низы, пехотные солдаты, низы казаков, а купечество переходит к Пугачеву, нейтрализуясь этим массовым движением.

Казаки и рабочие составляли главные организационные силы. Характерно, однако, распределение ролей между ними: первые занимали главные посты в армии,

---

[1] „Пугачевщина", т. II, примечание № 87.

вторые организовывали массы. В то время как казацкая верхушка после поражения направила свои усилия на то, чтобы, отделавшись от разночинцев, выдать Пугачева, рабочие только „от нестерпимых пыток называли его злодеем“.[1] Перед нами знакомая расстановка сил — казаки и рабочие организуют крестьянское движение, вносят в него элемент сознательности, но в то время как казацкая верхушка становится на путь предательства при поражении, рабочая часть, несмотря на поражение, готова биться до конца.

Господствующий класс великолепно оценивал революционную роль рабочих, когда с целью успокоить тульских рабочих (так и писала Екатерина) давался заказ на ружья года на четыре (90 тысяч штук), когда нижегородский губернатор Ступишин и астраханский комендант Левин призывали спешить с войском, ибо у первого „многие тысячи черни на приходящих судах“[2], а второго заботила опасность присоединения к Пугачеву рабочих, находящихся на рыбных промыслах.[3]

В. Причины поражения.

Причины поражения революции коренятся в самом ее классовом характере, как крестьянской революции. Выше мы уже отмечали, что, подвергаясь жестокой эксплоатации, веками накапливая ненависть по отношению к господствующему классу — помещикам и их государству, этот класс в силу своей производственной, а по мере развития товарно-денежных отношений и социальной раздробленности не способен к организованным совместным длительным действиям — отсюда его неспособность победить и организовать свою диктатуру. Стоящие на низкой ступени организацион-

[1] „Пугачевщина“, т. II, № 138.
[2] Там же, № 114.
[3] Там же, примечание № 111.

ные формы борьбы и локальный (местный) характер крестьянских восстаний приводили к тому, что последние подавлялись объединенными в национальном масштабе силами контр-революции. Противоречие между локальной формой борьбы крестьянства и национальными задачами является тем трамплином, на котором ломают себе шею крестьянские революции. Так было и с пугачевщиной. Она одерживала блестящие локальные победы, но после каждой из них терпела поражение при столкновении с силами всей системы. Оренбург, Казань, Дон — везде мы видим победы, и все они кончались поражением.

Но в рамках этой общей постановки вопроса необходимо остановиться на тех специфических причинах, которые обусловили поражение, или, лучше, на тех явлениях, через которые проявила себя свойственная крестьянским революциям закономерность. Их можно разбить на три группы: тактика правительства, отсутствие поддержки Пугачеву со стороны центра и внутренние противоречия среди революционных сил.

Правительство, как мы видели, очень быстро отказалось от взгляда на пугачевщину, как на местное восстание. Уже в приказе о назначении Бибикова от 29 ноября 1773 г. оно переводило вопрос борьбы с пугачевщиной на национальные рельсы, обращением же к казанскому дворянству переходило с точки зрения обеспечения государственного порядка вообще на классовые рельсы — призывало на помощь все силы господствующего класса. В дальнейшем эта линия закрепляется обращением ко всему дворянству с призывом „вооружить колико можно надежных людей для общей от злодеев обороны“ [1] — как писала Екатерина Волконскому 28 июня 1774 г. Образование казанского, пензенского и других дворянских корпусов явилось прямым доказательством активизации господствующего класса, которая со стороны правительства закрепля-

[1] „Осьмнадцатый век“, т. I, стр. 113—114.

ется централизацией сил борьбы, — председателю комиссии Панину передавался в непосредственное распоряжение весь район восстания.

Вторая не менее ярко выраженная линия правительства состояла в привлечении колеблющихся элементов контрреволюции и в учете возможного расслоения сил в стане революции. По отношению к купечеству это нашло свое выражение в том, что оно призывалось к борьбе с пугачевщиной на ряду с дворянством — в ответном манифесте казанскому дворянству Екатерина благодарила не только дворянство, но и купечество за его желание бороться. В указе о предосторожностях против движения, запрещавшем свободное передвижение населения в районах и между ними, отмечалось, что стеснения эти не касаются купцов и крестьян, едущих торговать. Среди националов широко практиковался подкуп их верхушки. Борясь за сохранение дворянской собственности, правительство поставило ставку (и это, конечно, имело значение) на привлечение к борьбе всех, кому было за что бороться — торгующего купца, торгующего крестьянина-капиталиста и т. д. На ряду с этим правительство приняло все меры к изоляции рабочих от движения как путем частичного подкупа (например, Тульский завод), путем ликвидации скопления рабочей силы (прекращение строительства дорог, прекращение строительства дворца в Царицыне), так и путем репрессивных мер в отношении активных элементов города и деревни.

Третье мероприятие правительства — концентрация боевых сил. Не считая мобилизованных внутри страны сил, против Пугачева была двинута вся армия, боровшаяся на турецком фронте. Ускорение заключения мира можно целиком отнести за счет необходимости борьбы с революционным движением. „Неужели вы еще о мире не думаете“,[1]—писал Бибиков Фонвизину

[1] А. С. Пушкин—„История Пугачевского бунта“, стр. 229.

29 января 1774 г. Освобождение „турецкой армии“ для борьбы с пугачевщиной не только содействовало общему разгрому последней, но им объясняется, в частности, тот факт, что активная часть донского казачества не сумела провести сколько-нибудь заметного выступления. Голицын 16 августа 1774 г. писал Панину: „Имею довольные причины об них (донцах) сумневаться... разве не будут от того предудержаны заключенным миром“.[1]

В свете этой правительственной тактики легко разрешается вопрос, почему Пугачева не поддержал центр. Совершенно очевидно, что дело здесь не в том, что в метрополии не было противоречий, которые раскрылись в колониях, а в том, что организованное движение не было туда допущено, а такого благоприятного сочетания сил, какое имелось в районе Урала, центр не имел. Отсюда невозможность организовать самостоятельное встречное движение. Но этого мало. Нам кажется несомненным, что одной из главных причин такой пассивности центра была та расправа с рабочим движением, которая была произведена в связи с мероприятиями по борьбе с чумой 1771-1772 г.г. В Москве было осадное положение, там по усмирению бунта работал специально уполномоченный граф Орлов, в Ярославле рабочих изолировали от города, рассправлялись с ними за забастовки, за подложные указы и т. д. Если мы учтем, что такие факты были и в других рабочих центрах, то перед нами развернется картина подавления рабочего движения и движения городских низов, репрессий как раз в отношении тех элементов революционного движения, которые являлись организаторами борьбы крестьянских масс. А изоляция их, наряду с кивками в сторону крестьян-предпринимателей, с их, если можно так выразиться, нейтрализацией, явилась причиной,

[1] „Пугачевщина“, т. II, № 77.

почему центр все же не организовал встречного движения. Таким образом, отсутствие поддержки центра и возможность подавления восстания в одном районе обусловливались тем, что правительству удалось локализировать движение, с одной стороны, путем организации вооруженного сопротивления, а с другой, путем ряда мер по отношению к району, не охваченному движением.

Без сомнения, имели свое значение и противоречия, проявившиеся в стане революционных сил. Сюда можно отнести национальные противоречия, факты разгрома заводов, деревень и т. д. со стороны башкир, расслоение внутри яицкого и донского казачества, противоречия между крестьянством и рабочими (уход приписных с заводов) и т. д. и т. п. Мы видели, что пугачевщина с этими противоречиями боролась, и довольно успешно, что она умела их стирать и сглаживать. Возрождение этих противоречий особенно сильно давало себя чувствовать в периоды поражения движения. Последний момент особенно приходится подчеркивать, ибо иногда начинают цеплять одно противоречие на другое, не выясняя рамок каждого. Революционным силам пугачевщины, конечно, приходилось расходовать свою энергию на стирание противоречий, но не это явилось причиной ее поражения, эти противоречия влияли только постольку, поскольку здесь проявлялось основное противоречие — между локальной формой движения и национальными задачами, которые это движение должно было разрешить.

Одной из наиболее существенных среди побочных причин поражения нужно считать технику ведения войны. Крестьянство борется с дубиной. В эпоху рыцарей крестьянство с дубиной еще может что-либо сделать, но что оно сделает против современных винтовок? С дубиной нельзя уже было выступать и против екатерининских пушек. Хотя у Пугачева и были большие по численности армии, но он понимал, что они, в

сущности, ничего не стоят, если у них нет пушек, а потому и стремился достать как можно больше этих последних. В общем же армия правительства была лучше вооружена, она все время сохраняла численный перевес, если не по количеству людей, то по количеству боевых единиц. И если пугачевщина все же одерживала победы, то только благодаря тому, что революция, в числе прочих переустройств и новых мероприятий, изменяет и технику. У Пугачева был наводной огонь.

Учитывая все сказанное, мы придем к основному выводу, что поражение пугачевщины обусловили те же причины, вследствие которых пугачевщина оставалась крестьянской революцией—слабая диференциация сословий тогдашнего общества, слабое выделение крайних элементов как результат слабого развития капитализма. Развитие крайних элементов буржуазии и пролетариата позволило бы перенести движение на новую классовую базу и поставить перед крестьянством вопрос — или с буржуазией или с пролетариатом в борьбе против помещиков. Другого выхода для крестьянства нет, другими путями оно от помещиков освободиться не может.

Г. Последствия пугачевщины.

На первый взгляд революция не внесла как будто бы никаких изменений в существующий политический и экономический строй. Само поражение революции означало срыв программы этой революции, но то, что движение заставило для борьбы с ним напрячь все силы господствующей системы, что оно охватило третью часть всей страны, да притом еще главнейший торгово промышленный район, что оно грозило стать общенациональным движением — все это не могло остаться без последствий даже при разгроме движения.

В литературе стало уже общепризнанным положением, что реформа государственного устройства — деление России на губернии — явилась прямым ответом на пугачевщину. Более мелкие административные единицы, большая возможность внутри их для организации дворянства, более широкое развитие щупальцев государственного аппарата являлось средством организации самообороны дворянства, средством борьбы на случай революции. Пугачевщина заставила дворянскую монархию сделать шаг в сторону централизации, а это сопровождалось усилением роли бюрократии — этого первого, по выражению Ленина, политического оружия в руках буржуазии против дворянства.

Пугачевщина громко и авторитетно заявила о необходимости для крепостных свободы в развитии их деятельности. Указ 1775 г. о беспрепятственном (конечно, в пределах сохранения власти помещика) развитии крестьянских промыслов и „станов" ни в коем случае нельзя рассматривать вне связи с пугачевщиной. Правда, об этом было заявлено еще в Екатерининской комиссии, в этом было заинтересовано и само дворянство, ибо это давало возможность выколачивать больше дохода из крестьянства, но в результате мы имеем развитие крестьянских промыслов, которое явилось базой для роста капитализма.

Помимо этих двух последствий, результатом которых было относительное расширение базы для роста капитализма, имелось еще третье, которое нашло свое выражение в подрыве одного из устоев крепостнической системы — уральских заводов. Как сильно ударила по ним пугачевщина, показывает хотя бы тот факт, что в результате движения заводчикам пришлось удвоить заработную плату рабочим. Более половины заводов было разорено. Сразу же после разгрома движения со стороны горнозаводчиков посыпались просьбы к правительству о помощи. Мясников, например, сообщая, что из двенадцати его, вместе с Твердыше-

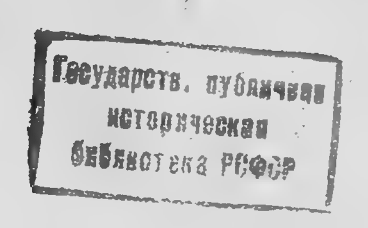
вым, заводов остались только два, просил помощи, чтобы заставить рабочих работать хотя бы на оставшихся заводах, а также просил об описи имущества сожженых заводов, с очевидной целью получить вознаграждение[1]. Каковы должны были быть издержки по восстановлению, показывает просьба владельца Каноникольского завода Моссолова выдать ему заимообразно 50 тыс. руб. на 10 лет, освободить от уплаты десятины и разрешить купить вместо разбежавшихся новых крепостных,— все это были условия восстановления разрушенного завода.[2] Было разрушено также немало фабрик и винокуренных заводов в районе Поволжья. Соответствующие просьбы о помощи поступали, например, со стороны приказчика графа Воронцова для восстановления винокуренного завода, со стороны купцов Туляниновых — для восстановления сожженной суконной фабрики[3] и т. д. Однако это не имело столь существенного значения. Легкая, основанная на крепостном труде, индустрия пострадала только частью в районах, охваченных движением, но крепостной горнозаводский Урал получил смертельную рану. Он продолжал, правда, существовать вплоть до превращения его во второй половине XIX в. в капиталистический, но сколько-нибудь удовлетворительное развитие его на старой базе, не говоря уже о расцвете, было убито — в 1762 г. на душу населения мужского пола приходилось 24 ф. железа, а в 1839 г. только 11 ф.[4]

Все эти удары, не подрывая в корне системы, скорее добивали то, что уже достаточно подгнило. Прорыв, правда, очень небольшой, но был сделан, стародворянский уклад был поколеблен, а это явилось базой для более быстрого внедрения капитализма. Правда,

---

[1] „Пугачевщина", т. II, № 95.
[2] Там же, № 97.
[3] Там же, №№ 140, 142.
[4] **Семенов**, указ. соч. ч. III, стр. 333—334.

при этом внедрении фабрикант оставался в то же время крепостным, а рабочий, работая на фабрике у этого фабриканта, должен был нести повинности и в отношении помещиков и т. д., но без него нельзя понять ни дальнейшего развития экономики страны, ни группировки классов. Перефразируя известное выражение Энгельса относительно крестьянской войны в Германии, можно сказать, что пугачевщина является краеугольным камнем для анализа дальнейшего буржуазного развития страны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

---

216 7—